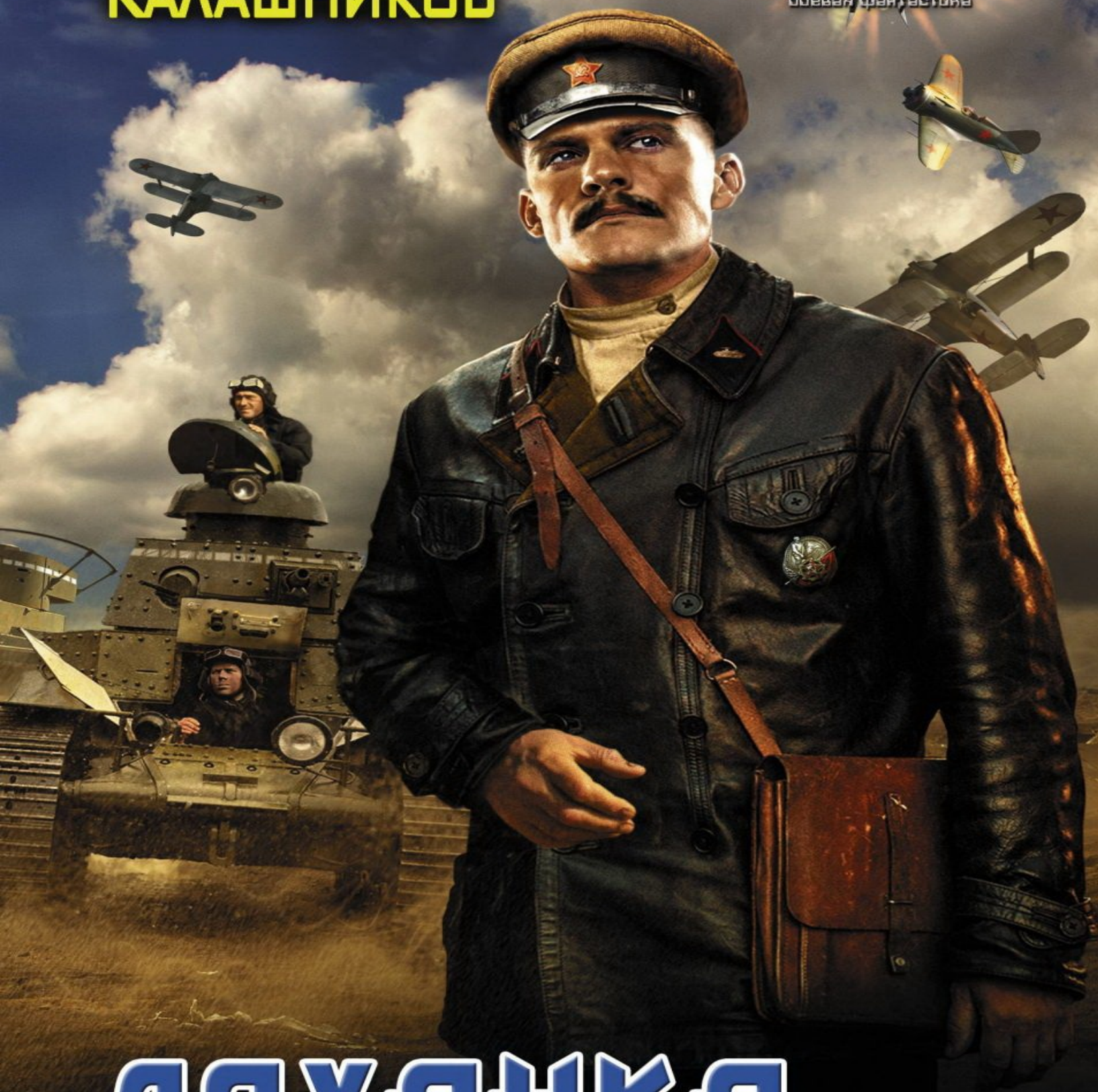

СЕРГЕЙ
КАЛАШНИКОВ

ЛОХЯНКА

Annotation

Наш современник, обычный автослесарь, попал из не слишком успешно строящей капитализм России в эпоху великих строек индустриализации, и совсем уж безоблачное существование ему не светит. Под неусыпным присмотром суровых партийных органов приходится занимать место в рядах строителей светлого будущего. И делать то, что велят. А велено было продолжать ковыряться в любимых моторах, трансмиссиях, подвесках и несущих кузовах — так что без малейших признаков внутреннего конфликта Иван Беспамятный продолжает совершенствовать средства передвижения высокой проходимости, которыми постепенно насыщались советские войска. В результате к началу Великой Отечественной войны техническое состояние РККА оказалось отличным от того, что имело место в реальной истории.

- [Сергей Калашников](#)
 - [Глава 1. Знакомство](#)
 - [Глава 2. Куда меня занесло?](#)
 - [Глава 3. Новые лоханки](#)
 - [Глава 4. Новая волна](#)
 - [Глава 5. Приграничные конфликты](#)
 - [Глава 6. Первая самоходка](#)
 - [Глава 7. Самый маленький танк](#)
 - [Глава 8. Степь](#)
 - [Глава 9. Сарай](#)
 - [Глава 10. Меня понесло](#)
 - [Глава 11. Запрягли](#)
 - [Глава 12. Вот это засада!](#)
 - [Глава 13. Всё, как всегда](#)
 - [Эпилог](#)
-

Сергей Калашников
Лоханка

Глава 1. Знакомство

— Назовите свои фамилию, имя и отчество, — мужчина в гимнастёрке обмакнул стальное перо деревянной ручки в простенькую стеклянную чернильницу-непроливашку и посмотрел мне в глаза. «Проницательным взглядом майора Пронина», — пришло вдруг на память.

— Не знаю, право, как обращаться... — замялся я, всеми силами стараясь изобразить на лице смущение. — ... но только не помню я ни первого, ни второго, ни третьего.

Проницательный взгляд изменился. Теперь он сделался недоверчивым, отчего стало ясно — дольше тянуть паузу и ждать «правильных» вопросов мне не следует — могу нарваться на новые неприятности, хотя мне и предыдущих пока более, чем достаточно. Поэтому я принялся сбивчиво «объяснять»:

— Очнулся на берегу весь мокрый. В карманах пусто, никаких вещей при мне нет. Продрог, комары жучат, и ни души вокруг. Кто я, откуда, как сюда попал — ничего не помню. А тут ещё и рвать меня стало водой, и в груди ломит...

— Когда это случилось? — перебил мужчина.

— Так сегодня утром. Как раз рассвело и уже солнышко всходило, — заторопился я с объяснениями.

— И где ты в это время был? — а вот теперь во взоре виден проблеск понимания.

— Как место называется — не знаю. Я оттуда шёл вдоль речки справа от неё. Там ещё тележная колея появилась, так по ней до самого села и добрался. А уж потом по улицам и к пристани подался — её издалека видать. Ну а там уже вы меня и повстречали.

Мой собеседник на минутку призадумался, повертел в руках ручку, но положил её наклонно, оперев пером о край непроливашки. Встал, обошел стол и оказался у меня за спиной. Хмыкнул и вернулся на место.

— Голова не болит? — спросил он со скучающим видом.

— У меня вообще всё болит, — протянул я жалобно. — Голова тоже.

— Судя по одежде твоей, думаю я, что ты нэпман. Не иначе, ограбили тебя на пароходе — ударили по голове, обчистили и скинули за борт.

— Про одежду ничего сказать не могу, как и про то, чем раньше занимался, — вздохнул я протяжно.

— Чем занимался — по руке читается, — ухмыльнулся мой

собеседник. — Давай сюда ладонь.

Никаких причин отнекиваться я не видел — протянул через стол открытую руку и насладился произведённым эффектом. По профессии я автомеханик, так что и мозоли у меня имеются там, где оставил их инструмент, и въевшееся в кожу масло образует заметные следы.

— Так ты, товарищ, не иначе, из нас — из пролетариев, — отношение ко мне изменилось мгновенно. — Думается мне, из-за одежды тебя бандиты не за того приняли. Небось, на отдых ехал, или в гости. А они, гады такие...

— Так не помню я, товарищ...

— ...Агеев я, Дмитрий Иванович, — и посмотрел на меня, будто ожидая, что я тоже представляюсь.

Сокрушённо вздохнув, я пожал плечами.

Агеев тоже вздохнул и принялся за писанину, давая мне время оглядеться. Комната в одно окно обшита изнутри досками и окрашена в какой-то бледный невыразительный цвет зеленоватого оттенка. Кроме письменного стола самого непритязательного вида — короткий рядок стульев вдоль одной из стен, железный шкаф и календарь на стене. Старый добрый отрывной календарь поведал мне, что у нас на дворе июль тысяча девятьсот двадцать девятого года. Значит, мой дед сейчас как раз начинает ползать... но это очень далеко отсюда.

Да уж, закинуло меня, так закинуло. Как чувствовал — нет дыма без огня: коли сочиняют люди книжки про попаданцев — стало быть есть для этого какие-то основания.

Так вот — часов на стене нет, как нет их и на руке моего собеседника. Но до полудня ещё далеко — это я и так знаю, потому что времени после рассвета прошло совсем немного — часа три-четыре.

Что сказать о человеке, задержавшем меня среди базара, что у пристани? Дмитрий Иванович на вид имеет возраст около сорока лет, носит буденовские усы. Обут в сапоги — точно знаю — не кирзовые, но какой кожи, на глаз не определю. Синие галифе и гимнастёрка защитного цвета, перепоясанная обычным ремнём без бляхи. Лежащая на краю стола фуражка имеет след от снятой красноармейской звёздочки. Сама она выгорела до потери определённого цвета, и края чехла у неё заметно опали, прикрывая верхнюю часть околышка.

По всем признакам — человек он штатский, просто такая манера одеваться для этого времени не редкость. Кобура же с револьвером на поясе... получается, что человек при исполнении. Чего он тут исполняет — не ведаю. Я, признаться, и не помню наверняка, какая организация в эти

времена главная ответственная за порядок: ЧК, ОГПУ или НКВД. Я и своё-то время не разбирался, в чём разница между СОБРОм, ОМОНОм и перронным контролем, как и в том, зачем нужны МВД, ФСБ и МЧС. В смысле — зачем они разные.

Ну да, начальству виднее. Моё дело — машины починять.

Пока я осматривался да размышлял, протокол был написан, дан мне для прочтения и подписи. Закорючку, что на автомате вывела моя рука, Дмитрий Иванович внимательно изучил, но ничего определённого по этому поводу не высказал — не угадываются из неё ни фамилия, ни инициалы.

— Во Владимировку съездим, — сказал он удовлетворённо. — Обязательно нужно показать тебя доктору.

То обстоятельство, что здесь в Петропавловке нет нужного врача, меня не удивило. Наверняка речь идёт о психиатре, которого в посёлке при пристани может и не быть. Так что я слабо кивнул, выражая покорность судьбе, и последовал за Агеевым.

* * *

Автомобиль, стоящий в тени тополя меня не удивил. Поражало, скорее, то, что это вообще способно ездить. Созданный, похоже, ещё до Империалистической войны на заводе Руссо-Балт, он должен был уже несколько лет как уйти на переплавку. Тем не менее, машина явно была на ходу. По крайней мере — недавно. Потому что именно сейчас водитель ковырялся в моторе, нелицеприятно о нём отзываясь. Видимо привычный к этой картине, Дмитрий Иванович присел на лавочку неподалеку, не пытаясь подстегнуть события упрёком или окриком.

Ну а я полез помогать — мне действительно было интересно поковыряться в этом антиквариате. Засорившийся карбюратор, если не умничать — обычное дело. Мы с Петром — водителем этого керогаза — успели всесторонне обсудить привычную проблему... ну, и как устроить фильтр тоже придумали. Правда, я не знал, где взять для него фильтровальной бумаги, зато Дмитрий Иванович со своего места «в партере» подсказал насчёт промокашек.

А потом мы поехали. Грунтовая дорога нещадно пылила, через Мурню вместо знакомого мне бетонного автомобильного моста был перекинут узкий настил, положенный на деревянные сваи, зато железнодорожный мост вдали ниже по течению был там же, где и в моё «бывшее» теперь время — я знал эти места по двадцать первому веку и не удивлялся

отличиям. Подъем из поймы в степь, прорытый в высоком глинистом обрыве, оказался заметно уже и немного круче, чем «раньше». А потом мы свернули налево и вскоре прибыли в соседнее село, где вокруг базарной площади толпились дома: или целиком кирпичные, или с каменным первым этажом. Большинство — двухэтажные.

Жаркий летний день тут в Нижнем Поволжье, разогнал народ в тень, так что никакого столпотворения не наблюдалось. Флегматичный верблюд жевал что-то, в пыли ковырялись грязные куры, а доктор, к которому мы приехали, был занят. Впрочем — недолго.

Выслушав объяснения Агеева, этот средних лет мужчина деловито занялся мной. Такое впечатление, что психиатры рождаются с молоточком в руках. Этот тоже поводил им у меня перед носом, и по коленке стукнуть не забыл. Осмотрел и ссадину на голове — не зря я старался, наносил её себе сегодня утром... хоть и больно было, но людям для принятия «верных» решений требуются основательные причины. После ряда вопросов, на которые я твёрдо ответил: «не помню», прозвучало заветное слова «амнезия». Признаться, я надеялся, что к этому добавится ещё и определение «посттравматическая», но почему-то не дождался. Некоторое время потребовалось на составление каких-то бумаг. Потом был визит к фотографу, где меня запечатлели и в фас и в профиль.

— В общем так, товарищ! — сказал Агеев, когда со всем этим было покончено. — Пока мы здесь, надо бы выправить тебе удостоверение личности. А потом, как фотографии высохнут, так и вклеим. Сам понимаешь, сколь удобней было бы, окажись при тебе документ. Тем более — память тебя, вишь как подвела. Фамилию тебе дадим «Беспамятный». Ну а имя и отчество — соображай, какие нравятся.

— Так, давай Иваном Сергеевичем назовусь, — ответил я не задумываясь. Дело в том, что это действительно мои имя-отчество. Если так меня и станут окликать, то причин для путаницы в будущем окажется меньше.

— Вот и ладно.

Мы посидели немного в тени деревьев — тут что-то вроде сквера или парка, только очень маленького размера. Потом забрали у фотографа готовые портреты и зашли в одно из учреждений в комнату на первом этаже, где прямо с моих слов мне в два счёта красиво оформили вполне приличную бумагу. А тут и водитель подтянулся — он прошёлся по лавкам и теперь нёс несколько свёртков.

— Вот ещё что, Иван Сергеевич! — с видимым удовольствием обратился ко мне Дмитрий Иванович. — Работать я тебя определю в

судоремонтные мастерские. Ну и на квартиру пристрою. Тебе ведь нынче всё без разницы, а жить на что-то нужно. Пусть и с самого начала, но не на пустом же месте.

— Спасибо, товарищ Агеев, — ответил я с обречённым видом, хотя на самом деле был донельзя доволен — мне предложили как раз те самые шаги, делать которые было необходимо в любом случае. А тут, можно сказать, за ручку приводят к нужному месту. Мы ведь когда сюда ехали ещё по острову мимо причалов, я видел десятки мужиков, что на тачках перевозили соль от вагонов на баржи. Это далеко не та работа, выполнять которую хотелось бы всю оставшуюся жизнь. Другое дело — мастерские. Там, конечно, тоже вряд ли имеется существенная автоматизация или механизация, но деятельность типа «бери больше — кидай дальше» меня вообще никогда не прельщала. Монотонный однообразный труд — утомительная штука. Он не обещает ни вдохновения в процессе, ни удовлетворения в финале.

* * *

Обратная дорога через голую степь до спуска в пойму была прокалена лучами жаркого полуденного солнца и покрыта толстым слоем раскатанной в пудру пыли, из под которой местами проглядывала твёрдая корка глины. Плотный непрозрачный шлейф поднимался позади нашего экипажа, а я невольно прислушивался к звукам мотора — его песня для меня — открытая книга. Пусть он стар и сконструирован в незапамятные времена. Пусть уровень компрессии в нём способен вызвать только грустную улыбку, но клапана отрегулированы не слишком хорошо, да и поршневые кольца поизносились. Впрочем, есть ли они здесь, я не уверен. Не заглядывал в цилиндры. А конструкторы прошлого могли думать вовсе не так, как я.

По тому же мостику мы переехали сонную Мурню и быстро добрались до Петропавловки, которую и проехали насквозь, двигаясь вдоль берега просторного затона. Слева, как и в моё время, тянулись одноэтажные домики в окружении садов. Справа — гладь реки, на которой маячила заякоренная баржа, ожидающая буксира. Она низко осела, заполненная Баскунчакской солью так, что вершины горок сероватого цвета виднелись поверх бортов.

Постройки на берегу — сараи, бараки и пара-тройка вполне завершённого вида домиков — это и были судоремонтные мастерские. Тут

Агеев «отпустил» машину с водителем. Вернее, он велел Петру куда-то поехать и что-то привезти, но я не вслушивался — дело в том, что трудиться в этом убогом учреждении мне ни капельки не хотелось. Хотя, вряд ли что-то более цивилизованное отыщется здесь прямо сейчас. С другой стороны — не в моём положении особо капризничать — и без того влип по самое не хочу.

Надеюсь, вы меня понимаете: приехал в отпуск порыбачить и «улетел» в прошлое аж на восемьдесят четыре года. Как раз в самые непонятные времена, когда, насколько я помню, начинались индустриализация, коллективизация и масса других событий... что-то даже о голоде припоминается. Нет, дат я не знаю, но общее впечатление такое, что на волне классовой борьбы сейчас происходит масса потрясений. А жить в эпоху перемен — удовольствие сомнительное. Сам-то я в лихие девяностые был ещё пацаном, но и мне впечатлений перепало достаточно. Ну, когда в семье царит чувство неуверенности в завтрашнем дне — это напрягает не по детски.

В общем, вместо того, чтобы прислушиваться к чужим разговорам, я брал себя в руки и справлялся со внутренним протестом. Потому, что не заслужили мои спутники инсценировки в стиле: «ах какой я весь из себя несчастный» — они помогали мне деловито и целеустремлённо. Для жителя крупного города страны, вставшей на рельсы капиталистического развития, это не слишком характерно — уж поверьте мне. Но в глубинке люди другие даже сейчас... то есть, не прямо сейчас, а там, в будущем. А уж нынче... впрочем, как говорится, будем посмотреть. Я тут — человек новый.

* * *

— Механик, говоришь? Это хорошо, — плотный дядька во френче привычным жестом поправил пенсне и принялся листать лежащую перед ним на столе амбарную книгу. — Механик, это хорошо. Так ты, Иваныч, рекомендуешь, значит, товарища Беспамятного, — и отследив согласный кивок Агеева, заключил: — Тогда, Иван Сергеевич, завтра приходи по второму гудку. Отыщешь мастера Маркелова и скажешь, что направлен к нему в бригаду. Сейчас познакомить вас не могу — на плашкоуте они. Но поутру будут здесь.

Крепыш отвёл меня в соседнюю комнату, совершенно пустую, зато с зарешённым окошком в стене, куда и постучал, а потом и бумажку туда

засунул:

— Выдай, Клавдия, подъёмные новому работнику.

Мне отсчитали несколько древнего вида купюр, за которые я тут же расписался, и более не задерживали.

Любопытно тут. Ни страха перед чекистами, ни опасения нарваться на мошенника, ни бюрократической волокиты — устройство на работу не потребовало и десяти минут. Впрочем, как я понял, ходатайство Агеева избавило меня от любых лишних вопросов — он тут человек известный и авторитетный.

Дальше шли пешком, удаляясь от берега по деревенской улице. Плетни и тын сменяли друг друга, докладывая о состоятельности хозяев. Деревянные бревенчатые дома выходили на улицу небольшими затейливо изукрашенными крылечками. Впрочем, выглядели они так, как будто никто ими не пользуется — неподалеку всегда имелась калитка в изгороди с протоптанной к ней тропой. Часто во дворах присутствовала и вторая постройка жилого вида — мазанка. Их в моё время называли летними кухнями. Встречались и дворы, где дом только строился.

Куры бегали, иногда доносились и «ароматы» свинарника. На некоторых подворьях хлопотали хозяйки, провожавшие нас любопытными взглядами. Мы здоровались со всеми без разбору.

Минут через десять неспешной ходьбы, уверенно отрыв калитку, Дмитрий Иванович вошел на неопрятный участок:

— В паводок хозяин здешний в сети запутался, да и утоп. Жил он бобылём. Так что — устраивайся пока. А там видно будет — может наследник какой объявится, или ещё что. Тогда и сообразишь... — он не договорил, что мне такое придётся соображать, а попрощался и ушёл.

* * *

Дома на этом участке не было — только мазанка в глубине огороженной расхлябанным плетнём территории почти у задней его границы. Стёкла в окнах целые. В дверных петлях, что для навесного замка, продета проволочка, концы которой пропущены через свинцовую пломбу. Очень железнодорожно эта конструкция выглядит. Отломать этот запор оказалось минутным делом. А потом шагнул сразу в комнату — никаких тамбуров или сеней здесь и в помине не было. Размер примерно три на три метра. Кровать, столик под окном. Колченогая табуретка. Посередине кирпичная печка — скорее маленькая деревянная плита для

приготовления пищи, чем отопительное устройство. По стенам развешана одежда.

Скромнейших потребностей человек обитал тут раньше, чистый аскет. На полочке жестяная коробка с солью, да бутылъ растительного масла с толстым плотным осадком на дне. Сковорода с ручкой и три чугунок. Пара ложек, наполовину сточенный нож и пяток толстостенных фаянсовых тарелок, не принадлежащих одному сервизу. Собственно, обнаружив их я вспомнил, что с самого утра ничего не ел. А картофельные кусты, торчащие из земли на участке — видел.

В сарае, что находился под одной крышей с «жилой частью», разыскал лопату и тут же обнаружил ещё одну печку-плиту совсем маленького размера. В колодец заглянул — есть вода. В общем, наварил картошки в мундирах, сдобрил пахучим подсолнечным маслом, посолил по своему вкусу и хорошенько заправился. А потом и прилёг поверх закинутого какой-то ветхой, но чистой тряпкой матраца: и жарко, и устал, и изнервничался... да и предыдущую ночь назвать спокойной у меня язык бы не повернулся.

* * *

Ох и выспался же я! Остаток дня, вечер и всю ночь дрых, как из пушки. Проснулся свежим и озабоченным — как бы на работу вовремя прийти. Агеев говорил — по второму гудку. Нет, не Агеев, а тот, во френче. Думаю — начальник мастерских. Может, и не самый главный, но всё равно — заметная личность. Ну да ладно — познакомлюсь ещё с людьми. А пока — почистил несколько оставшихся со вчера варёных картофелин, перекусил и услышал гудок. Думаю, что это был первый, а мне нужно ко второму. До мастерских идти минут десять, а сколько времени проходит между сигналами? Не знаю. Но вряд ли меньше получаса. А нужно ещё подумать о том, как одеться — спецовки-то мне никто не выдал, и вообще я не знаю, как тут это дело поставлено. Мужчины обычно носят что-то вроде пиджачной пары, только вот брюки с верхней частью этого костюма не особо-то совпадают. На ногах чаще всего сапоги или ботинки.

На мне же прямые летние брюки серого цвета и голубая выцветшая рубашка с короткими рукавами и двумя нагрудными карманами. Ткани на них, по сравнению с теми, что нынче носят, значительно тоньше и качественней — это сразу бросается в глаза. Кроме того сланцы на ногах — не та обувь в которой стоит расхаживать среди железа.

В общем — покопался я среди развешанных по стенам вещей — старая сатиновая косоворотка с залатанными на локтях рукавами и штаны темной материи, без видимых следов износа, пришлись вполне удачно. Башмаки тоже оказались впору, только были они изнутри жёсткими и колючими. Это потому что рассохлись, ну и без носков. Головной убор свернул себе из газеты — лежало тут несколько штук. Правда получилось у меня только с третьего раза — ломкая нынче бумага и рвётся легко. А, может, просто состарилась от долгого лежания.

Выбрался на свежий воздух — у соседей во дворах отчётливо слышится шевеление. И справа и слева тоже люди собираются на работу. Умывальник брякает, тянет съестным. Ясное дело — поздоровался, назвал себя, выслушал ответные приветствия, да и пошёл потихоньку в сторону мастерских — я ведь пока ничего тут толком не знаю, ориентироваться во времени — и то не умею. А опаздывать нехорошо. Не стоит дразнить судьбу — вчера она была ко мне благосклонна.

* * *

Что рассказать о своём первом рабочем дне на новом месте? Да ничего особенного — приняла меня бригада в качестве самого главного по части подать, принести или поддержать. Лет-то мне и двадцати пяти ещё нет, а отросшая за время отпуска короткая бородёнка никого не введёт в заблуждение. Мы копались в машине причаленного к берегу колёсного буксира — шатуны, трубопроводы, сальники, золотники. Собственно, разобраться в этом хозяйстве больших проблем не было, но об этом меня никто и не спрашивал — я тянул или толкал то, что указывали — мужики не хуже меня понимали, что тут да как. Где рычагом, где талью, а то и кувалдой. Не заметил, как и рабочий день закончился.

Вечером зашёл в магазины, что возле пристани — купить зубную щётку. А они тут деревянные из настоящей свиной щетины. И зубной пасты нет — только порошок. Мыла два сорта — хозяйственное и банное. И совсем не продают мочалок. Бритвы исключительно опасные, те самые, вроде складного ножика. Поглядел я на них и решил, что борода мне к лицу. Буду дальше отпускать. Чайник купил, заварки, пару кружек, а потом притормозил — не такие уж большие деньги мне выдали в качестве подъёмных. В общем — двинулся домой, с хозяйством знакомиться и осваиваться, да и с соседями пообщаться нужно.

Тут ведь не город, где соседа по лестничной клетке можно не

встречать годами — всё иначе. Заодно выяснить, когда копать картошку и как её хранить, потому что подвала у меня нет. Где брать дрова, как приобрести кровельный материал — а то крыша не внушает доверия. В общем — забот у меня теперь много. Пусть и без скотины, но целое хозяйство.

* * *

В мастерских я потихоньку освоился. Тут основных специальностей три. Плотники — это если деревянное судно в ремонт приходит — тут уж им куча работы. Клепальщики — по железным корпусам трудятся. Ну а мы, механики, чиним всё остальное. Тут тебе и рулевое управление, и машинный телеграф, и переговорные трубы. Случается придёт баркас с дизелем, а бывает и с паровиком — я тут, считай, в живом музее техники тружусь. Интересно на работе. Для меня это важно, чтобы не от звонка до звонка, а с желанием и удовольствием. Потихоньку обзавёлся своим инструментом — его неохотно дают в чужие руки. Так что: одно сделал, другое купил, что-то в кузнице по моей просьбе отковали. Зарплата оказалась не слишком маленькой, особенно с учётом огорода и по выходным я рыбку ловлю понемногу.

В обед тут в мастерских обычно или своё едят, из дома прихваченное, или жены приносят мужьям. Да несколько тёток пирожки притаскивают в корзинах на продажу — так я покупаю у одной тощенькой. Насколько эта краля пригожа — сказать не могу. Женщины так обматываются платками, что кроме глаз ничего не видать — солнышко-то тут палит немилосердно, а девки и бабы берегут лица от загара.

А лодку свою, снасти и туристическое снаряжение я домой приволок, как только всё устаканилось. Как раз сарай с навесом подновил, комнату отремонтировал, ну и спрятал всё как следует — нечего мне тут людей смущать камуфляжной одеждой, мобильным телефоном или планшетником, не говоря о разборных вёслах из алюминиевого сплава, да ещё с пластиковыми лопастями. Спокойно тут живётся, неторопливо. Пастилы засушил из яблок со своих деревьев, чернослива, кураги. Балычков навялил. Погреб вырыл, да картошечки туда заложил килограммов полтора — я ведь один живу, мне хватит. Тем более, что и муки и круп тоже сделал небольшой запасец. Я бы и макаронами не побрезговал, но на прилавках их не увидел, а спрашивать побоялся — вдруг их ещё не изобрели? А я тут вылезу с непонятными словами.

Могу и мяса себе позволить, хотя оно дороговато. Подумываю ружьишко купить, чтобы осенью настрелять уток. С соседями лажу — я в сарае своём мастерскую потихоньку оборудовал. А людям то поточить что-то нужно, то запаять, то ещё чего. Нет, денег не беру — зачем они мне, когда то одна соседка яичек подбросит, то другая творожка принесёт. Мужики, если с крупным чем работают, меня на подмогу зовут. А когда мне помощь требуется — так завсегда пожалуйста. Только про обходительность забывать не надо и разговор так строить, чтобы человека к себе расположить.

Это, конечно, и нашем веке не лишнее, но в том темпе, к которому я привык, здесь ничего не выходит. А ведь, если надо чего привезти, необходимо договориться с владельцем лошади и телеги, чтобы он выбрал удобное для себя время — никто тут по первому зову зарабатывать малую денежку не бросается — всяк к себе уважения требует, а пока идет обмен реверансами, прощупывает — чего для себя полезного можно от тебя поиметь. В смысле услуги, конечно.

Вот я и налаживаю людям электропроводку — тут в этом мало кто понимает. А для меня всё привычное — розетку поставить, выключатель перенести или патрон с лампочкой пробросить в нужное место. Правда, провода приходится крепить иначе, да и сами они другие — с тканевой изоляцией.

Тихо тут в двадцать девятом году, спокойно и благостно.

* * *

— А что это ты, Иван, деревья не окопал? — молодуха, чей участок с задней стороны от моего, стоя по другую сторону плетня оперлась руками на его верхнюю кромку и глядит тревожным взглядом, словно чем-то испугана.

Я отложил в сторону отвёртку из походного набора инструментов, что у меня ещё из той, прошлой жизни — со сменными битами — и ненароком надвинул поверх неё лист фибры, с которым работал:

— Так не научил никто, — ответил. — Не знаю, как это полагается делать и когда.

— А чего тут знать? — соседка, а зовут её Анной, даже назад подалась от удивления. — Упавшие плоды собрать, а потом взять лопату и вперёд, чтобы корням дышалось и сорная трава соки из земли не пила в приствольном круге. Чай, есть у тебя лопата? — и слышу, будто намёк

какой-то в её голосе.

— Должна быть, — отвечаю. — А не взглянешь ли ты на неё опытным взглядом, не подскажешь ли, с какого конца братья, да как обращаться с ней?

Теперь гляжу, призадумалась уже женщина. Зыркнула опасливо по сторонам и замерла в нерешительности. Дело в том, что все участки неплохо просматриваются через изгороди и, хотя других соседей в ближней округе не видать, но деревья и кусты могут скрыть обладателя пары любопытных глаз... а ей этого не надо.

— Ты, Ваня, ступай в свой сарай, а я, так и быть, взгляну на твою лопату, — а сама в дровяник свой подалась, что как раз задней стенкой к моему сараю примыкает. Не иначе, есть тут проход, думаю. Ну и пошел, куда послали.

А там вижу, отодвинула Анна доски и неприметно для соседей уже ко мне перебралась:

— Так будем лопату смотреть? — и глядит встревоженно.

Сама она — совсем девчонка ещё. Лет девятнадцать или двадцать. Росту и сложения среднего — всё при ней. Какова с лица — не скажу. Платок накручен так, что только щель для глаз оставлена. Но мне это сейчас не так уж интересно — я руки ей положил пониже талии и к себе потянул — очень уж прозрачно она дала мне понять, чего хочет. Так я тоже не против, а очень даже готов.

Огладил руками выпуклые места — чувствую, разгорается моя неожиданная благодетельница. Подсадил я её на верстак, подол приподнял, да и порадовал, чем мог.

— Быстрый ты, — только и сказала она мне. Соскользнула вниз, обняла благодарно, и нырнула обратно к себе.

Почесал я в затылке — уж как-то очень непривычно, оказывается, делают это самое тут в двадцать девятом году. Но ничего говорить вслед не стал, кроме:

— Спасибо, милая! Заглядывай, если что.

Посмотрела она через лаз уже со своей стороны, молча кивнула и ушла. Наверное показалось — ничего ведь не разглядишь из-за платка — но, почудилось, будто на глазах у неё блеснули слёзы.

* * *

Соседка эта, если муж ейный был в рейсе, с того случая меня

навещала. Рассказала, что лаз в стенке ещё предыдущий хозяин моего нынешнего дома оборудовал. Он вообще-то пьянчужкой жил, рыбку ловил, продавал да пропивал. Залезть к соседям и что-нибудь слямзить грехом не считал. Хотя, дырку эту я не обнаружил когда ремонтировал сарай — аккуратно сделана.

Участок я прибрал, огород обиходил, деревья окопал, бурьяны извёл — помогал в своё время родителям на даче, так что в основах земледелия разбираюсь. Силёнок у меня достаточно, руки не обе левые — так что устроился, не хуже других. Водопровод, канализация и центральное отопление постепенно забываются, как и телевизор, надоевший мне ещё в прошлой жизни.

А с Анной мы, время от времени, грешили по-быстрому. Она всегда приходила неожиданно буквально на несколько минут и торопилась обратно. Мужа её, Никодима, я видел издали — он не в наших мастерских работал, а где-то на реке. Видный парень, заметно старше меня, но представительный. И чего бабе в нём не достаёт? Ну да мы об этом не разговаривали с ней — всегда торопились и редко когда каким словечком перекидывались. У меня даже сложилось впечатление, будто мы делаем какое-то важное общее дело, словно товарищи по работе.

С другой стороны эти тайные от всех и ни к чему не обязывающие отношения устраивали меня наилучшим образом — заводить семью я не намеревался.

* * *

В мастерские пришел новый заказ. Не на ремонт судна, а на изготовление лоханей для... то ли бетона, то ли раствора цементного. Где-то в Сталинграде нынче идёт большое строительство — туда и потребовалось такое оборудование. По существу — просто большое корыто с ушами по углам, чтобы можно было зацепить краном и подать куда следует. Начальник наш собрал работников и воодушевил на помощь строителям тракторного завода. Потом ещё секретарь партийный его поддержал, ну а мы, как положено, похлопали. Хотя работа тут была только клепальщикам — остальные-то не причём. Ну а чуть погодя — скандал — в том месте, куда сходятся сразу три плоскости — то есть в углах, получилась течь.

Не, ну и какая, спрашивается, проблема? Заткни дырку чем попало, замажь хоть соплями, и после начала применения цемент всё равно это

место намертво запломбирует. Да только слышу, как дядька в кожанке, что приехал принимать работу от заказчика, директора нашего в конторе кроет за безответственность, вредительство и отсутствие партийного чутья. Мужики наши, ясное дело, сочувствуют своему начальству и кувалдами пытаются грозу от его головы отвести — щели заплющить, зачеканить. Да только лист наш — самый тонкий — шесть миллиметров толщиной. Слабым ударом его не проймёшь, а сильным недолго расшатать соседнюю заклёпку — в общем можно сдуру наделать большой беды.

Тут я возьми и ляпни:

— Здесь бы электросваркой...

— А где мы сварщика возьмём? — взбеленился наш бригадир дядя Вася Маркелов.

— А что, разве в мастерских есть аппарат? — вот как-то так меня стрельнуло в этот момент, потому что не об отсутствии трансформатора речь зашла, а о специалисте.

— Есть, — говорит, — техника. Да вот работать с ней никто не умеет. Послали мы человека на учёбу, а только не вернулся он — его на тамошний завод направили по комсомольской линии.

— Да чего тут уметь, — отвечаю. — Было бы чем, а сделать — не проблема.

Мигом притащили со склада здоровенный металлический ящик с торчащей через стенку эбонитовой рукоятью. Ну, с проводами уже мне самому пришлось возиться, электроды разыскивать, маску — всё имелось, но лежало под замком в добротном сарае. А через часок-другой я в лучшем виде обеспечил герметичность всех лоханок.

Нет, я не сварщик, если говорить всерьёз. Но умею маленько — каких только навыков не нахватался, когда занимаешься ремонтом автомобилей!

* * *

Вообще-то в моём положении сидеть нужно тихо и не привлекать к себе внимания. То есть — ходить на работу, копаться на огороде да рыбку ловить. В крайнем случае можно запереть дверь, занавесить окна и поиграть в игры на планшете — есть у меня с собой несколько особенно полюбившихся бродилок-стрелялок. Или почитать — книжек тоже накачено прилично. Вообще-то этот девайс я прикупил для работы — тут у меня каталоги запчастей, адреса поставщиков, записи, справочные

материалы по некоторым хитрым приемчикам насчёт восстановления деталей после износа, рецепты нескольких мастик... да много чего накопилось за годы работы и так называемого технического творчества.

Я ведь из школы сразу пошел в ПТУ, а там и на работу устроился. В армии меня не шибко гоняли в поля да на стрельбища — держали при парке в ремонтном подразделении и грузили той самой работой, к которой душа лежит. Потом ещё предлагали заключить контракт, но мне поднадоели все эти монстры... я про танки, самоходки и тягачи вместе с бронетранспортёрами. В общем, вернулся к Лексусам, Фордам и Ниссанам. Заработка хватало, тем более, что обзаводиться семьёй я не спешил. Как-то не нуждался в этом. А уж выбраться на рыбалку тогда, когда пожелаю и в интересное мне место — никогда себе в этом не отказывал.

Всё-то было хорошо... ну да и здесь я также хотел жить мирно и праведно, никого не беспокоя и радуясь предсказуемости бытия. Но ситуация начала меняться. И всё из-за этих лоханок. Меня сразу назначили сварщиком, и сарай с причиндалами для этой работы тут же сделался «моим». Подчинялся я теперь прямо начальнику мастерских и, в основном, занимался теми самыми лоханями — сваривал их без всякой клёпки, потому что других работ нашим клепальщикам на этот период выпало очень много. Так что пришлось мне закрывать брешь в производственных возможностях мастерских, потому что от заказа с важной стройки отказываться было политически близоруко. Это до моего сведения довели. И, да, лист привезли потоньше — тройку и четвёрку. И ещё — уголки. А то уж больно тяжелыми были наши первые изделия — почти на тонну вытягивали.

В одно из этих корыт размером два на четыре метра я и пристроил газосварочную аппаратуру, а таковая тоже тут оказалась припасена. Только ацетилен нынче не в баллонах — его нужно получать из карбида в специальной бочке. Ну и с кислородом постоянно случались перебои — его привозили издалека. Поэтому газом работали только в местах, куда не протянуто электричество — обычно на выезде. Вот для таких случаев я и использовал одну из лоханок в качестве понтона. Буксировали её куда нужно, ну а остальное уже за счёт длины шлангов. Всё-таки размер два на четыре метра — это довольно-таки приличное судёнышко для размещения в нём оборудования массой в сотню-другую килограммов.

Следующим шагом оказалась высказанная начальником мастерских мысль, поставить эту передвижку на колёса, чтобы не на катках катать её по берегу и не волоком тягать... хе-хе. Он у себя дома делал водопровод, а я по-соседски, помогал. И сварка для этого дела была ох, как не лишней. А

мысль подкатить сварочное оборудование прямо к крыльцу почему-то его очень увлекла.

Колёса же для подобной махины, а только корпус тянул больше, чем на полтонны, были нужны немаленькие, уж никак не от телеги. От трактора Фордзон-Путиловец показались мне подходящими — я так начальнику и сказал.

Задние колёса, которые в диаметре около метра. Так снабженцы вскорости привезли откуда-то четыре штуки. Видно было, что не новые, может даже с окончательно сработавшихся машин, или где моторы угробили в хлам? Ну да в кузнице их чуток подправили, я подварил немного в сомнительных местах. А потом началось рождение ужасного угробища, в котором всё было не по уму, а по начальственному указанию. Спорить мне и в голову не пришло — до дома директора мастерских оно как-то доедет, а большего от этой колымаги и не требуется.

Первая же проблема возникла с осями. Обычная-то тележная, что делается, грубо говоря, из лома, коротка — тут нужно больше двух метров. А из арматурной стали, по общему приговору, делать негоже — мягкая она, эта сталь, и никакой закалкой этого не поправить. Никак не могли сыскать в имевшемся у нас сортаменте проката ничего подходящего. Вот тут-то и приволокли со станции Ахтуба, что от нашей Петропавловки сразу за железнодорожным мостом, какие-то огромные пружины. В кузнице их распрямили в прут, который потом снова закалили. Длина вышла подходящая, только на мой взгляд тонковато оказалось. Хотя, да, хороший материал, прочный, упругий. А главное, точно входящий в один из размеров имевшихся у нас стальных труб.

Их, трубы эти, я и вварил, но не под днище, а поверх, выпустив концы сквозь борта так, чтобы не потерять герметичность корыта. Почему не снизу? Так чтобы, в случае чего можно было опять на катках это чудо передвигать потому, что на мой глаз, колёса должны были вскорости отвалиться. Токарный станок в мастерских имелся, так что переходные детали выточили и колёса на оси насадили. Практически с этого шага и началась эпопея сварочной передвижки, способной покорить сразу две стихии. Причём и то и другое делала она отвратительно.

На суше эту махину приходилось буксировать трактором, потому что для лошади подобный груз был великоват, особенно в горку, а собирать упряжку из четырёх или шести голов, как-то нынче уже и не принято. Все уже потихоньку начинают уповать на моторы — кое-какая техника в Петропавловке есть — бегают грузовички и трактор в порту то и дело что-то тянет на салазках.

Так вот — на моей телеге колёса были закреплены на неподвижных осях, отчего поворачивать в узких местах приходилось, переставляя один из концов экипажа малой подачей при помощи здоровенных ваг. Хотя по голой степи по дуге большого радиуса заворачивали без особых проблем. Ну и когда пошли дожди и дороги развезло — колёса намертво уходили в вязкую местную глину — грунтозацепы очень этому способствовали.

На плаву понтон более-менее держался, если был к чему-то причален или приткнут к берегу, но буксировать его предпочитали тихонько-тихонько, чтобы не захлестнуло поднятой тупым носом волной. Тем не менее, получившееся чудовище со мной в придачу активно использовалось и во Владимировке, и в солепогрузочном порту Петропавловки и на станции Ахтуба и даже на Баскунчаке, на солепромыслах. Не моего ума дело зачем наш директор частенько ссуживал нас с повозкой другим местным начальникам, но, похоже, корысть для него в этом была немалая аж до самого того момента, когда это порождение его мрачного гения не увязло во Владимировской грязи так, что ничем его выволочь не удавалось. Зима в этом году выдалась гнилая — земля размокла, пропитавшись влагой, и не захотела выпускать свою добычу.

Не упущу случая помянуть здешнюю глину. По способности намертво вцепляться во всё, она поистине уникальна. Вот, вроде бы, размокает в воде и разминается колёсами и ногами, а от сапог её приходится отрезать ножом — настолько крепко прилипает, образуя прочный неподатливый слой. Если отмывать квачиком — уходит прорва времени. Я ведь во многих местах побывал и немало разных грунтовых дорог перемесил в непогоду — так что за слова свои отвечаю. Наша, скажем, подмосковная грязь — так это же просто одно удовольствие её отмывать — размочил, да оттёр. А тут — будто каучуковую мастику удаляешь, боясь повредить обувь.

Так что карбидный аппарат мы с безнадёжно влипшей повозки сняли, и велел мне начальник построить новую плавающую телегу.

— Только, — говорит, — не колёсную строй, а сразу гусеничную. И с мотором — добудут для такого дела всё, что нужно. Чтобы не изобретать велосипеда — съезди на солепромыслы на Баскунчак, глянь на трактор «Коммунар» — вот то, что нам нужно. Он, хоть и не быстро едет, зато через любые хляби пропирает.

А мне, сразу признаюсь, затея эти пришлась совсем не по нутру: хоть и приплачивают щедро за сверхурочные, и командировочными не обижают, да только всех денег не заработаешь. Я покой ценю, размеренность, налаженный быт. Энтузиазм — это, может, для кого другого хорошо, но мне удобней постоянный рабочий ритм... В общем, поговорили мы об этом с

дядей Васей Маркеловым, бригадиром механиков, вечерком у меня под обильную закуску, ну и не всухую, конечно.

— Ты Ваня, видать, от потери памяти мозгами совсем не шевелишь, — объяснил он мне. — И не соображаешь, что когда начальство между собой полезно дружит, от этого у нас с железной дорогой никогда проблем нет, если привезти чего нужно. И речники завсегда чего надо подбросят. Те же снабженцы тоже друг другу то займы чего дадут, то поменяют одно на другое — вот и есть у нас завсегда материалы, а с ними — заработок. Так что ты уж давай, собирай заново свой экипаж, потому что сварщик, сам понимаешь — на вес золота. И от того, как ты соседним предприятиям понравишься, зависит, сколько пользы они нам принесут.

Выслушал я речи мудрые, но поступить решил так, чтобы как можно дольше меня никуда не посылали. Во-первых не стал говорить, что сварочный трансформатор можно и на телеге куда нужно увезти, если там есть электричество. Во-вторых, то же самое можно проделать и с ацетиленовой аппаратурой, хотя это и не столь удобно. А в-третьих, расписал чего мне нужно для новой передвижки. Сразу сказал, что мотор требуется не иначе, как от танка, трансмиссия, гусеницы, катки... я же разбираюсь в этом. Только ума не приложу, какие нынче в двадцать девятом году танки стоят на вооружении. Помню, что где-то в тридцатых были БТ и ещё Т какие-то, но у нас-то нынче пока двадцатые, хотя и конец.

Я ведь не историк, так что наверняка могу сказать только, что пулемёт Дегтярёва уже есть, и поликарповский У-2, который в войну будет ночным бомбардировщиком. А про остальное — знать не знаю, ведать не ведаю. Ну и высываться с идеей перевозки сварочного трансформатора на простейшей двухколёсной тележке не собираюсь... хе-хе. А то опять начнут гонять на внешние работы.

И вообще, объяснил мне дядя Вася, что здешние начальники ради большой дружбы любят оказывать друг другу большие услуги — то есть если подвезти аппаратуру на обычной телеге, то это будет выглядеть не особо-то убедительно. А вот когда трактором приволакивают железную дуру на огромных колёсах — тогда да, сразу видно, что начальник судоремонтных мастерских не скупердяй какой, а дельный человек с масштабным мышлением.

Почему я не потребовал частей от трактора «Коммунар»? А вы его видели? В нём одного железа восемь тонн — не поплывёт он без парома да буксира. А если на эти гусеницы поставить понтон нужного объёма — целый дом получится. Делать подобное уродство — слуга покорный. Этакую пакость сотворять не хочу и не буду — она же на улице не

развернётся, чтобы чего не сшибить.

Уже после нового года подморозило. Тогда бригада с ломами выковыряла залипшие в грязь колёса моей передвижки и приволокла её опять в мастерские. Тут уж деваться было некуда — опять стали меня сдавать в аренду то туда, то сюда. Так и не дождался я ни гусениц, ни двигателя, ни трансмиссии от танка — говорят аж на Украину за ними послали человека. Он, вроде как, нашёл все нужные вещи и теперь договаривается на что сменять и как привезти. А у меня — сплошные работы на выезде с нашей самодельной передвижкой. Мало времени остаётся на всё остальное — то в один конец приходится катить, то в другой.

Даже про то, как стану прилаживать к корыту гусеницы и мотор — думать некогда. Да и нечего тут особо соображать, пока не привезли всего что просил. Только в отношении подвески кое-какие мысли шевелятся в голове. Дело в том, что у меня имеется всё для устройства торсионов — оси из распрямлённых пружин отлично работают на скручивание. Остаётся прикинуть усилия и соотнести их с массой повозки. Ну и длину рычага выбрать. У меня ведь на планшетнике имеется калькулятор и электронные таблицы. Не самое лучшее программное обеспечение для инженерных расчётов, но хоть что-то. Тем более — в электронных таблицах уже забита куча страшнющих формул. Таких, какие мне ни в жизнь не написать. Ну и главное удобство — можно и свою формулу загнать, а потом, меняя исходные значения, добиться нужного результата. То есть найти решение методом подбора — я ведь не гений математики, матанализов не изучал.

Ещё у меня тут рисовательная программа имеется. То есть — создашь изображение одной из проекций детали и крутишь её по всякому прилаживая и рассматривая, как она будет себя вести при рабочих движениях или при сборке. В объёме, конечно, было бы интересней, но с такими программами я не работал, да и нет их у меня на планшетнике.

Потом была весна, работы на огороде, половодье, перед которым свайный мост через Мурню разобрали, и связь с большим миром теперь проходила только через железнодорожный мост, по которому к реке привозят соль. Вообще-то концы тут небольшие, километров пять-семь между посёлками.

Мы с Петрухой — шофёром Дмитрия Ивановича — довели его Руссо-Балт до приличного состояния. Тут, такое дело... я ведь пацаном был в лихие девяностые, как раз родители мои на своих заводах перестали зарабатывать, и пенсия деда в те поры оказалась самым существенным доходом. Мама с папой попытались торговать, в чём быстренько потерпели

фиаско с приличными потерями, как я понял. Ну а я при деде крутился в гараже, где тот занимался ремонтом легковушек. Сначала — поддай-принеси. Потом стал мотаться в магазин запчастей: летом на велике, зимой на лыжах, а в распутицу на автобусе. Ну и много разных хитрых способов вернуть к жизни старые детали мы тогда тоже пробовали. Основная-то задача — восстановить истёршиеся поверхности. То есть — нанести обратно сработавшийся слой.

Преимущественно — гальваническими методами, хотя, где-то и напылением в вакууме удавалось воспользоваться. Но напыление мне здесь недоступно. А вот электролитически многие задачи удаётся более-менее успешно решать. Правда, выпрямитель у меня — чистое горе. Я его сделал из трёхлитровой бутылки — четверти, откачав оттуда воздух методом нагревания и затыкания. То есть внутри не вакуум, а разрежение. Ну и острый катод с тупым анодом — коронный разряд в потёмках вполне можно разглядеть — стало быть, работает. Сдаётся мне, что выпрямляет эта приспособа не слишком хорошо, но прямой ток получается намного сильнее обратного — и этого достаточно.

Вот у этого-то пульсирующего тока я напряжение и снижаю самодельным трансформатором... сердечник греется, но в пределах. Не дымится. Вообще-то тут много разных хитростей и с составом электролита, и с тем, какое вещество используется на донорском электроде, и как расположены относительно друг друга сами поверхности этих электродов. Про плотности тока и напряжения тоже не надо забывать, потому что результат зависит от скорости процесса и... так про это у меня все записи с собой — я свои почеркушки давным-давно отсканировал и записал на планшетник. Ну и нужные листы справочников, и из интернета статьи. Говорил же, что по части ремонта с молодых ногтей учился, даже компьютерную диагностику освоил, хотя, это сейчас неактуально.

Так вот — ремонт двигателя Руссо-Балта — это для меня дело приятное и очень интересное. Доставляет, так сказать. А гонять туда-сюда и варить трубы и профили — чистое наказание. И не надо про деньги — не так-то много они решают сейчас. Тут главное — как к тебе начальник относится, и ладишь ли с соседями. Поэтому — варю и не стоню. То есть, вару и не стону. Мне конфликты душу не греют. Кстати — сварщик из меня очень даже посредственный. Не портачу — но не более того.

Привезли детали от танка. Ясное дело — новья я не ждал, так что и не огорчился при виде этого почти металлолома. Траки для гусениц были двух типов. Клёпанные из гнутого листа изрядно изношенные, и литые — у этих износ невелик, зато — сплошные раковины и трещины. Но между собою в ленту сцепляются и на ведущие катки садятся хорошо. То есть брак, конечно, но ещё приемлемый, не полный хлам. Опорные же катки двух типов: большие и маленькие. Глядя на всё это, разложенное на земле, я невольно «дорисовал» образ самой боевой машины — уж не копии ли это «Борца за свободу товарища Ленина» — как-то припомнилась мне фотка из какого-то журнала. Правда, сбивали с панталыку алюминиевые диски катков — не в Первую же Мировую до этого додумались! И уж никак не в Гражданскую! Семён Николаевич, что добывал это «богатство», сказал, что всё непосредственно с завода, где прямо сейчас делают танки Т-18 и МС-1... как раз похожие на тот рисунок, что я набросал по памяти и показал снабженцу. Вот уж никогда бы не подумал, что такие коробчонки у нас в стране копировали в сколь-нибудь заметных количествах. Про эти типы танков я раньше ничего не слыхал, а снабженец не может мне толком объяснить, в чём между ними разница — для него это просто кодовые слова, обозначающие принадлежность того, что он просит, к чему-то определённом.

Маленькие колёсики в мою концепцию не легли — для их крепления надо было городить целый огород. Зато большие подходили как нельзя лучше — я тут же снял все размеры и прикинул, что по четыре штуки на каждый борт придутся как раз. Николаевич же привез только пару. Придётся ему ещё расстараться.

Движок же откровенно порадовал — очень уж он удачно вставал в корпус. Поперечно — потому, что коробка передач и сцепление встроены прямо в этот же блок, а наружу «выставляются» две шестерни — по штуке на каждое ведущее колесо. И так ладно они расположены — одно удовольствие. Очень удобно монтировать и соединять. Ну я и принялся помаленьку. Нужные элементы зарисовывал с простановкой размеров и отдавал свои художества мастерам. В железнодорожных мастерских в Ахтубе кое-что делали, и у нас тоже. Несколько поковок выполнили в кузнице, а иные детали вырубил из толстого двадцатимиллиметрового листа. Сварочную передвижку строили в складчину сразу все, считай, предприятия ближних сёл — очень она тут пришлась ко двору.

Мне, конечно, досталась вся возня с мотором. Он оказался изрядно походившим, отчего трудов требовал больших. Тем более, что в системе зажигания я разобрался не сразу — поди, пойми, зачем в каждый цилиндр

вставлено по две свечи. Ну и количество деталей, потребовавших восстановления было велико.

Пока то, да сё, привезли недостающие опорные катки, а там сборка. Понятно, что мотор и ведущий каток оказались перед водительским местом, поэтому и органы управления встали без проблем. Перегородку пришлось городить, поднимать сидение, чтобы можно было видеть дорогу через далеко выставившийся нос моего корыта.

Борта у своей передвижки я сделал из листа потолще — шестёрки — они как бы несущая часть конструкции, зато сэкономил на днище. Ну и крышу не забыл положить деревянную, во избежание утопления, если захлестнёт волна. Скорее, это следует назвать палубой. Будочка для головы со стёклами — это уже для себя, чтобы не страдать от дождя, ветра и пыли при переездах с точки на точку.

Поехала эта конструкция сразу, хотя и не очень быстро. Нарочно не стал проверять максимальную скорость — меня вполне устраивает и пешеходный темп движения. Я ведь не танк создавал, а мастерскую, переезжающую с места на место через любую грязь. Вот она и переезжает потихоньку. И все довольны.

А ещё я приспособил к мотору довольно мощный генератор постоянного тока — купил на рынке во Владимировке. Думаю — цельнотянутый движок. То есть, сворованный. И продавец быстро цену скинул, едва я начал вопросы задавать, и на лапах у этого девайса, тех, что для крепления — явные следы вандализма — видно, что от опоры эту штуку отдирали ломиком. Но ток вырабатывает исправно. Так что я теперь могу на выезде не только ацетиленом варить, но и, если по мелочи, постоянным током. Мне такой вариант нравится больше, потому что перебои с поставками кислорода как были, так и остались, а от карбида очень много грязи. С ним работать просто эстетически неприятно.

Гусеничное шасси у меня получилось не очень большое. Длиной где-то в районе четырёх метров. Я ведь старое-то колёсное угробилще трогать не стал, а сварил новую лохань — такую, чтобы точно подошла под мои задачи и размеры агрегатов без лишней тесноты и без избыточного простора. Получилось примерно с «Жигули»-классику, только почти вдвое шире, потому что гусеницы торчат в стороны на тридцать сантиметров, ну и в ширине меня никто не ограничивал, так я и не поспешил — метр семьдесят сделал только корпус. Потом начались неизбежные переделки-доделки.

Охлаждение у движка воздушное — извольте вентиляцию наладить. По воде без буксира неловко — начался поиск насоса, чтобы устроить хоть

самый простецкий водомёт. Единственное, с чем сразу почти угадал — это с подвеской. Как-то удалась она мне, только пара усовершенствований потребовалось по мелочам. Ну да масса машины вышла немного больше двух тонн, то есть масштабы для автослесаря интуитивно понятные — многое ведь делал на глаз, прикидывал размеры методом подобия. И нагрузить на неё удавалось чуть не тонну... поменьше чуток — с тонной она совсем проседала, гусеницы ослабевали и норовили свалиться на поворотах — это я сэкономил на натяжном катке и верхних, поддерживающих..

Хотя, пару сотен килограммов я в корме возил балластом, особенно, если собирался плыть — мотор-то в носу. Вот и «клевала» моя передвижка, если её не уравновесить.

Ездил я на ней всегда со скоростью пешехода — берёг движок и ходовую. А что? Хоть до Ахтубы, хоть до Владимировки за час с небольшим всегда добирался — расстояния-то тут невелики. Ну и потихоньку косяки исправлял — затраты почти незаметные — работа своя, а материалы подручные. Не препятствовали мне — сварщик ведь нужен всем. Так что события развивались нормально и даже в самое сырое время года до места, куда послали, я доезжал вовремя. Так и продолжалось, почитай, весь следующий после моего сюда попадания тридцатый год.

В мастерских тоже работал. Но обычно звали меня только если без сварки совсем никак, или уж очень многодельно. Ну и пару раз восстанавливал изношенные детали от паровых двигателей — это если на начальника сверху давят, а новую запчасть добыть к нужному сроку ни в какую не получается. У нас тут отношение к плановым срокам серьёзное, а контролируют и по партийной линии, а не только начальство и заказчики.

* * *

Всё было тихо и мирно, так, как мне нравится, до того момента, как осенью тридцатого года направили меня на передвижке отремонтировать железную баржу, в которой ни с того, ни с сего посреди дороги открылась течь. Капитан буксира — опытный мужик — заметил, что садится она в воду, и быстренько пошёл к нашим мастерским. А только видит, что не поспевает, ну, и вывел её на песчаную косу, что в Чилимном проране. Наши клепальщики туда сходили на катере и приговорили: — надо заплату приваривать, а уж потом тащить это корыто к мастерским. Вот и послали меня на передвижке и дали с собой одного из своих мастеров в провожатые

и для помощи. Листов для заплат загрузили, вырезанных в размер — они там не впустую время потратили, а с толком всё осмотрели да прикинули, как следует.

Груз с этой баржи уже перекинули на какой-то пароход — ценное что-то везли, в деревянных ящиках — а саму пустую коробку так на месте и оставили с брезентовым пластырем, но полузатопленную, лежащую на мели. Ну да я не о ремонте толковать собираюсь, а о том, как мы ехали. Плыть водой моей передвижке шибко долго — насосы-то я добыл не слишком подходящие, рассчитанные на откачку воды, а не на выброс её под давлением, и не горевал по этому поводу, потому что рассчитывал на возможность подгрести потихоньку к ждущему ремонта судну, а не форсировать Ла-Манши. Может моё корыто под своими водомётами сделать чуть больше километра в час, а встречное течение намного быстрее — вообще не вытянуть. Если же по тихой воде, что с краешку русла — то напетляешься втрое и, всё равно против течения, хотя и слабого. Так что пошёл берегом. А он тут топкий, заросший кустарником с кучей промоин и луж. Совершенно непроезжие условия. Но я через них очень даже неплохо проехал, потому что на гусеницах и без особой дури, не напролом, а хорошенько выбирая дорогу. Дважды переплывал ерики и прибрежные заводи, а по песчаным косам вообще, как по шоссе катили.

Работу мы сделали, откачав воду из корпуса тем же насосом, что служит в водомёте, а уж потом и латки приладили — обычное дело. Баржу ту к нам отбуксировали, а сами мы вернулись старой дорогой — нечем было передвижку погрузить на судно. Но проблема в другом. Помощник мой, который и попутчик в оба конца, потом о чудо-машине, могущей всюду проехать, раззвонил на всю Петропавловку.

Чтобы стало понятно, уточню: если рассказывают о чём-то чудесном, которое далеко и невесть как сделано, то слушатели могут усомниться или восхититься. Но, если это чудо сделано прямо вот тут, у всех на глазах, то возникает желание и для себя такую штуку заиметь. А слушок-то уже пополз... с солепогрузочной пристани и пришел директор, да с нашим и потолковал.

Так и появилась у меня новая забота — строить вот такие вездеходы. Из Астрахани попросили, из Саратова. Ну а я руководил сборкой и налаживал двигатели. Если честно — не уверен, что использовали эти экипажи для производственных нужд. Скорее всего начальство на них разъезжало в распутицу. А, может, на охоту или рыбалку. Куда-то на Украину сделали несколько штук. Тут ведь ещё одна моя хитрость оказалась раскрыта — то, что я ездил со скоростью пешехода — так это

оттого, что берёг движок и трансмиссию. А, если притопить, то можно и быстрее двигаться. Километров десять-двенадцать в час выходит. Поскольку в это время основной транспорт — гужевой, так обогнать гружёные телеги получается запросто. Да и груза можно как следует увезти — уж никак не меньше, чем на повозке.

Месяца за полтора мы собирали по одному вездеходу, и каждый следующий был лучше предыдущего. Это потому, что делали их для уважаемых, нужных людей — начальник мастерских особенно это подчёркивал. Он даже оборудование кое-какое приобрёл. Оно, конечно, и в основной процесс ремонта судов нормально встало, но, думаю, прицел на нашу затею был сделан не в последнюю очередь.

Потом-то я сообразил, что там, куда меня раньше направляли с передвижкой, появились свои сварщики, и «одоление» меня на помощь соседям перестало быть ценной услугой. А вот за вездеходы снабженцы выменивали всё, что угодно. Двигатели стали привозить новёхонькие, траки, катки... а то б я убился всё чинить да восстанавливать. Ну и конструкцию корпуса мне удалось оптимизировать — толстый лист в бортах теперь только по самому низу, где проходят торсионы, а дальше — троечка или двоечка. Подкрепления-укосины нашли свои места, несколько деталей — гнутые. Поверх гусениц — полки стальные на манер крыльев, в грузовом отсеке четыре сидения плюс рядом с водителем вторая лавка. Сверху деревянная палуба с люками — если их откинуть, то получается почти как кокпит у лодки.

Генератор постоянного тока теперь ставился на все машины — от него питались фары и подзаряжался аккумулятор для стартера, а также насосы водомётов и осушительный — наш начальник напрягал снабженцев на полном серьёзе, чтобы не ленились и привозили всё, что нужно. Вполне культурный вездеходик получился. Цвет вот только чёрный — такая краска у нас в ходу. Ну а то, что гусеницы немного разной длины — так всего-то на пару траков. Так уж нам подвеска продиктовала. Это и не заметно, если специально не вымерять.

Чертёжник потихоньку вычертил детали, особенно те, что заказываются на стороне. Помощники, что из клепальщиков или механиков, быстро во всём разобрались и присматривать за ними особой надобности не было — мы же не завод, а ремонтная организация: то пригонят к нам судно, а то не пригонят — то много работы, то затишье, а тут неплохие премиальные.

В общем — жизнь опять наладилась, стала размеренной и вполне спокойной.

Глава 2. Куда меня занесло?

— Красноармеец Беспамятный! Назовите части затвора трёхлинейной винтовки, — вот не было печали! Откуда же мне знать, как эти штучки называются? Как разобрать-собрать — это я посмотрел за действиями предыдущего бойца, но его ни о чём подобном не спрашивали.

— Не знаю, товарищ командир отделения, — признался я честно.

— Это плохо. Как же можно не знать?! — укоризненно посмотрел на меня парень явно из сельских жителей. — Никак нельзя. Отправляйся к старшине Михалёву и доложи, что поступаешь в его распоряжение.

— Есть! — отвечаю. Поворачиваюсь через левое плечо и отправляюсь разыскивать старшину. Вообще-то такого звания сейчас в армии нет. Правильно — помкомроты. Но табель о рангах это одно, а жизнь — совсем другое. Поэтому словечко живёт в устах офи... тьфу, даже думать нельзя такими словами. Офицеры — это из царских времён и белогвардейских войск, а сейчас есть только красные командиры.

Пока иду, не перестаю удивляться «загибонам», коими радует меня жизнь-жестянка. Тут нынче, оказывается, не в армию забирают, а призывают на краткосрочные сборы. То есть, регулярных частей как бы нет, а есть вооруженный народ, который иногда обучают стрельбе и другим навыкам, необходимым для защиты государства рабочих и крестьян. Командный же состав — вообще непонятно: одни постоянно служат, другие, те что по-нашему считаются сержантами — это у кого как.

Так что, пришла мне повестка, куда явиться и что иметь с собой. Это, как я понял, потому, что если в нынешней системе отсчёта год моего рождения тысяча девятьсот пятый, то мне в аккурат двадцать семь, то есть приближается предельный срок для призыва. Это, как я помню по своему времени, а как положено сейчас — не разобрался.

Нестройная колонна молодёжи, чуть не на десять лет младше меня, прошествовала на станцию, где погрузилась в теплушку — крытый товарный вагон с нарами. Стук колёс, жаркая Астраханская степь и через несколько часов — прибытие в палаточный лагерь, где ночью много диких комаров. Шевелюру мою вместе с бородой снёс под корень деловитый парикмахер кусачей машинкой с ручным приводом, врач убедился, что руки и ноги у меня на месте и послал в баню в продуваемой ветром палатке, вслед за чем состоялось получение обмундирования. Вот тут я и узнал, что гимнастёрка не застёгивается до самого низа, а имеет только прорезь для

головы... ну про подшивание подворотничков — это и во время моей службы было.

К счастью, бритву я с собой взял, потому что она упоминалась в списке вещей, которые следовало иметь при себе на сборах. Но пользоваться этой опасной штукой я, как раньше не умел, так до сих пор и не научился. Поэтому побрился неважнецки, за что получил от взводного выражение недовольствия и был направлен на «доработку». Во второй раз щетину удалил удачней, если к разряду удачи можно отнести мою порезанную во многих местах харю. В общем, невзлюбил меня командир за неловкость и неопрятный внешний вид.

Старшина Михалёв, выслушав доклад о прибытии в его распоряжение, велел мне запрячь Каурку и ехать на станцию встречать ротного. Посмотрел он на мои старания — ну не знаком я с этой технологией — а потом велел прекратить «озадачивать животную» и приступить к уборке навоза.

— Здравствуй, Кобыланды, — приветствовал меня коренастый солдатик невысокого роста, что ковырялся в загородке. — Ты тоже будешь конюшня работать?

— Я Иван, — отвечаю. — Наверно, буду, если прикажут. А ты почему меня кобылой назвал?

— Моё имя Кобыланды значит большой кот... я плохо говоришь по-русски. Меня имя командир услышал — посылал кобылам. Сказал, так написано на моём рту.

Поглядел я на парня — казах, наверное. Разрез глаз восточный, волосом чёрен, хотя при таком коротком ёршике с цветом шевелюры я могу и ошибаться. Не вредный оказался этот Кобыланды — показал, где лопата, и куда нужно выносить навоз и как складывать. Он меня потом научил и запрягать-распрягать, и седлать-рассёдлывать, чистить, поить — много тут моментов, до которых я раньше никакого касательства не имел.

Он и побрил меня разок, показав, как это делается — тут особое внимание нужно уделить подготовке собственно бритвы — направить её на ремне. Как-то помаленьку подружился я с этим парнем. Он оказался большим знатоком не только лошадей, но вообще всяких солдатских хитростей. С поваром дружил, со старшиной ладил. А за деньги вообще легко мог достать всё, что угодно. У меня бабло водилось — я ведь хороший заработок имел, а тратить было особо некуда. Так что и сахарок у нас водился, и заварка добрая — любили мы чаёк погонять. И другие парни с конюшни нашим обществом не пренебрегали — Кобыланды был превосходным слушателем: внимательным и ценящим любые

повествования.

Сам редко говорил — русский его был по-прежнему не твёрд. Я ему сразу объяснил, то на его рту ничего не написано, а потом растолковал, что за штука род и почему... хм... сложная получилась беседа. Не последняя между нами о разных оборотах речи и словечках, что применяются в жизни.

В общем, состояли мы при лошадях — править телегой и ездить верхом я тоже выучился. Другие «водители кобыл» на друга моего поглядывали беззлобно, а я его так и подтягивал по русскому, чтобы хоть чем-то отплатить за хорошее к себе отношение — много ли от горожанина из двадцать первого века проку в этих условиях? Лишний раз помянул добрым словом Дмитрия Ивановича, что сразу меня пристроил в мастерские к машинам и механизмам. А тут — всё на конной тяге. Впрочем, артиллерии я в нашем полку не видел. Может где и есть, но не в этом месте, это точно.

Зато имеются пулемёты — вот они и есть самые сложные из машин. Ну да меня к ним не тянет — я и при лошадях неплохо устроился. Понадобится — разберусь. А как называются все части винтовочного затвора мне Кобыланды рассказал — он трёхлинейку знает назубок и даже слова не коверкает, когда называет. Это, когда нас на стрельбище водили. Так-то, в обычной жизни оружие где-то хранится отдельно от солдат — его выдают только часовым. То есть похоже на то, что в моё время.

Нормально мне живётся в армии: ходить строем с песней не надо, атаковать через голое поле опушку далёкого перелеска никто не заставляет. Привези, отвези, прибери — ничего сложного. Старшину мы не огорчаем, и он нас не гоняет лишнего — с понятием дядька.

* * *

Вдруг ни с того, ни с сего — барабан, труба — и весь народ куда-то побежал. Нам, ездовым, выдали карабины с боевыми патронами и велели запрягать и ставить телеги под погрузку: командирские чемоданы, в основном, да железные ящики со штабными бумагами. Потом мимо прошла полковая колонна — скатки шинельные у всех, раздутые подсумки, набитые вещмешки — то есть загрузили людей по-полной. Те же пулемёты системы «Максим» на себе волокут, отделив от станка. Коробки с лентами — всё на руках, плечах и поясах.

Колонна не так уж велика — похоже, полк у нас сильно

некомплектный. Оно и понятно — это, скорее, учебная часть, чем боевая. Ну, думаю, не иначе большая учебная тревога под конец сборов, чтобы поглядеть, как подготовлен личный состав к тому, чтобы переносить тяготы и лишения. Тем более — палатки так и оставлены, где стояли. Ну да по всем прикидкам, некуда их грузить — телеги и без того полнѐхоньки. Лошадей и повозок на весь полк десятка два, не больше. В общем, побродим походом, да и вернёмся обратно — тут и к гадалке не ходи. Я ведь припоминаю, что в эти годы наши где-то в Средней Азии гоняли басмачей, а больше ничего тревожного, связанного с вооружённым противостоянием, в Стране Советов в это время не было. Ну, может, с японцами какие проблемы случались, так в те края и поближе нашлись бы войска, если что. Поэтому — никакого беспокойства в душе. Явно у нас сейчас проводится чисто учебное мероприятие.

Недолго мы двигались своим ходом — до станции дошли, а это недалеко. Погрузка, теплушки, стук колѐс, а уже вечером пересели на пароход. Это мы в Астрахань пришли. Вот тут с лошадаками да грузом и покорячились, пока завели, затащили и разместили. В Баку — опять сели на поезд... и пошли гулять слухи, будто в Грузии что-то произошло, и заварилась там дела нехорошие против Советской Власти. Стало быть, пришла пора с оружием в руках выступить на защиту завоеваний Революции.

Так куда я, скажите, попал? В смысле — в когда? Вернее, в какую страну? Год у нас нынче тридцать второй, лето на дворе. В Кремле сидит грузин Сталин, и ещё где-то есть как минимум ещё и второй грузин — Берия. Хотя, второе имя как-то тут пока ни разу не поминалось, но он точно где-то был. Не могла эта парочка допустить безобразий на своей родине — они же многих там знают. А ещё на слуху фамилии Орджоникидзе и Микояна — они ведь тоже с Кавказа. В общем — непонятная ситуация.

Тревожно мне сделалось — похоже, что попал я не в свою реальность. То есть в прошлое не моего настоящего, которое сейчас будущее. Или какой-то другой попаданец тоже сюда заявился, и не сидел, как я, тихо под веником, а изменял реальность? Да запросто. Не иначе — парень из Грузии решил сделать свою страну гордой и независимой, хотя не припомню я в этих местах гигантов индустрии — так что, на мой неискушённый взгляд, пока из этой затеи ничего, кроме банановой республики, получиться не должно. Ну там, шерсть, вино — этого тут достаточно, но, на мой вкус, маловато для процветания. Помню ещё в Кутаиси автомобили собирали, но как-то они никому особо не нравились, да и было это не помню в какие времена.

Ехали долго с длинными непонятными остановками. Начались проблемы с водой — стояли мы, как правило не на станциях и, хоть и в горах, но ручьёв поблизости не журчало. А у нас же лошадки. Им много питья нужно, как минимум ведро на один раз. В общем — беспокойно стало, да и тревожно. Новостей никаких — только комиссары ходили, разговоры разговаривали про международное положение, да про то, что все буржуи бяки, а коммунисты горой стоят за интересы трудового народа. Я, понятное дело, кивал, да поддакивал, но душу мою эти слова не задевали — невосприимчивость к рекламе у меня с детства: нафиг мне «Сникерс» или другой «Хрюкерс», если есть отлично знакомый «Бабаевский» батончик, или шоколадные конфеты «Ассорти»?!

И вообще, хорошо живёт тот, кто делает что-то полезное, и с политическими убеждениями это никак не связано. Так меня дед научил, и не заметил я ни разу, чтобы он заблуждался. Вот и сейчас мы с Кобыланды мчимся, как ошпаренные с ведрами под откос — тут, судя по фырканию лошадей, есть вода. Точно — сочится по поверхности земли, но так, что не зачерпнуть — только прильнуть губами, да втянуть в себя. Но так нам лошадок не напоить. И врубаемся мы в каменистый грунт малыми лопатками, делая углубление, куда можно будет погрузить хотя бы кружку.

Ничего так — вывернули пару камней размером с кулак, выгребли мелкий щебень, подождали, пока ямка наполнится да хоть немного отстоится вода, и давай черпать, поглядывая на замерший далеко наверху состав. Успели взять по паре ведер и допереть до вагона. И новый забег. А тут, внизу, другие ездвые уже начерпывают ведра — народ-то у нас из крестьян — они не могут спокойно смотреть на мучения животного. А сверху повар с помощником — и тоже к нашей ямке.

Хорошо, что стояли долго — все успели набрать и не отстал никто... хе-хе. Тут я полешко из под колеса и вытащил... и перепало мне от кондуктора, что на задней площадке ездит и при остановках на уклонах подкладывает под колёса специальные башмаки — он мне, хоть не все слова были русскими, объяснил, что за нами присматривал и позвал бы, если бы поезду пришел сигнал трогаться. И придержал бы состав, пока бы мы не добежали. Он ведь тоже с понятием... следующий перегон мы с ним так и ехали на задней площадке — я извинялся, а он обижался, что я его считаю плохим человеком — ну прямо тот самый настоящий грузин из старого кино... не помню, как называется. Хотя, его ещё не сняли, наверно.

Разгружались мы не в теснине — вокруг станции было много довольно ровного пространства, хотя и горы неподалеку торчали. Кашевары вместо привычной пшёнки сварили что-то незнакомое — все поглядывали недовольно, но трескали, бурча себе под нос. Расположились мы на пологом склоне среди виноградников и несколько сердитых местных дедков в национальной здешней одежде ходили между бойцов и ругались по-своему — как я понял, просили ничего не ломать. Старшина наш Михалёв с ними потолковал, а потом мы принесли с ближних подворий по охапке какой-то зелени — не сено, конечно, но для лошадей съедобно.

Комполка куда-то уехал верхом — точно знаю, потому что сам ему мерина седлал. Потом все снялись с места, и начался долгий многодневный переход. Горные дороги — тяжкие. Вверх-вниз, толкать-придерживать. Жара, а на голове — суконный шлем-будённовка с суконной же малиновой звездой и мокрая от пота гимнастёрка с длинными рукавами липнет к телу. И это, несмотря на то, что иду налегке, ведя в поводу лошадь, впряженную в телегу, и груза на мне — только карабин, да пара запасных обоев в подсумке. Ну я в таких вопросах стесняться не привык — нательную рубаху — долой, рукава засучил, воротник расстегнул, шаровары тоже засучил на манер длинных шорт, а башмаки надел не на обмотку, а на носок.

Ох, и вломил мне старшина за ненадлежащий вид! Особенно — за носки. Однако, чуть погодя, гляжу — обозники наши принялись перенимать мои приёмы — реально жарко. Привал устроили уже через час. Я достал из сидора запасную гимнастёрку — она второго срока, застиранная до почти полной потери цвета — и аккуратненько выпорол рукава. Потом ворот развернул, сколь можно, чтобы проклятый воротничок-стоечка отвернулся на спину, и в таком виде прихватил несколькими стежками. Ну и подворотничок пришил по-новому... уродски, конечно. Штанины снова подвернул, и тоже прихватил нитками, чтобы не сползали вниз.

А вот как культурно сдыхаться от ремня — не придумал. Повесил его через плечо. Только с буденновкой ничего не сделал. В общем, весь наш обоз дружно переобмундировался — а что вы думали — нам ведь телеги по склонам приходится частично на руках спускать-поднимать потому, что лошадки не сдюживают — перегружены телеги. Старшина смотрел на нас злобно, но потом и сам так же поступил — вроде как образовалась единая

форма одежды.

Следующие три часа двигались без остановки, а после из основной колонны двоих с тепловым ударом положили к нам на повозки. На бойцах-то и противогаз навьючен, и скатка шинельная и вещмешок — нет у них, куда это положить, как у нас, возниц.

Мы как раз пересекли открытое место. Солнце жарит, и ни ветриночки, ни тенёчка. А от кромки леса, что справа, по нам открыли стрельбу. Как только пули засвистели, я рубанул построшки, схватил Каурку под уздцы — и бежать. Это потому, что Кобыланды так поступил — он хорошо соображает, быстро. А я торможу — вот и повторяю за ним почти любые действия. И еще два наших обозных последовали нашему примеру. Полк же, как шел колонной, так и развернулся и рванул в атаку, считай, толпой прямо на огневую точку. Мы-то в хвосте двигались, а стрельба аккурат против нас и случилась, поэтому двум ротам пришлось прилично возвращаться — ну да совладали они как-то с супостатом, хотя он издалече лупил — сперва заставил залечь фланговое охранение, а уж потом и на колонну перенёс огонь.

Мы сразу повернули обратно, а тут, как подошли, на нас бросился ротный:

— Трусы, предатели, дезертиры, — а сам размахивает «Наганом», и так мне от этого беспокойно сделалось...

— Лошадки зато целые, — отвечает Кобыланды. А я вижу, что многие из телег нашего обоза перевёрнуты, а возле иных на земле бьются лошади.

Ротный оглянулся, засунул «Наган» обратно в кобуру и сделал вид, что очень занят. Тут в спокойной обстановке, то есть, когда без стрельбы, способность мыслить вернулась ко мне окончательно. Глядя, как относят куда-то наших убитых, как грузят на повозки раненых, сообразил наконец — это действительно война. Вот уж никак не ожидал оказаться в зоне боевых действий, да ещё в качестве военнослужащего — как-то до этого момента подобная возможность рассматривалась достаточно гипотетически.

Поначалу, так уж вышло, стал думать о себе. В смысле — как правильно отнестись к опасности, которой, оказывается, грозит мне происходящее. И ничего не пришло в голову, кроме, как делать, что должен. И вообще, в будущем Грузия — чужая страна, а я служу своей. Вот и буду служить дальше. Ну а опасность — так вокруг в точно таком же рискованном положении ещё много моих товарищей... и командиров. Как-то никогда раньше ничего подобного в голову мне не взбрело — не было случая задуматься. А вот, поди ж ты — и на мою долю выпала доля Родину

защищать. Так и определялся я со своим внутренним миром, пока восстанавливал сбрую. Это сейчас моя боевая задача.

Наши прочёсывали окрестности, суетился полковой фельдшер, переходя между ранеными, ушла вперёд полная рота, причём не колонной, а рассыпным строем — место открытое, ровное, всё видно, как на ладони. А тут комполка появился пешком — убили под ним мерина — да и говорит: — Будем делать тачанки, хоть они нам по штату и не положены.

Народ у нас, что важно отметить, толковый — паники или иного беспорядку не устроил, да и неразберихи не возникло — вот как-то так всё получилось, что бойцы и командиры в едином порыве бросились в сторону опасности, а не в рассыпную. Ну а там и по подразделениям разобрались и командиров своих нашли. Так что беспорядку нам этот обстрел большого не наделал, даже как-то сплотил людей.

К Кобыланды на повозку стали Максимку прилаживать, а ко мне — пулемёт, что с бою взяли. Тот самый, из которого с такой дали нам столько конского состава убавили. Гляжу я на него, и диву даюсь — очень он смахивает на ДШК, правда не на турели, как я видел, а на колёсном станке с лафетом и сидением, вроде велосипедного, поверх станины. Здоровенный щит, как у «Максима», но на дульном срезе колечко на щелястой вороночке. Дульный тормоз, если кто не в курсе. И ещё отличка имеется — сверху плоским блином прищипандорен магазин, как у Дегтяря, только толще.

А, надо сказать, ручники ДП в полку имеются, хотя и немного. Так что пулемётчики быстро во всём разобрались и стали на задок телеги прилаживать этот агрегат, а я им помогал.

Вот так и перешли мы с товарищем из обозников в пулемётную команду. И на следующем привале новый взводный принялся учить нас пулемёту. Ох и попотели мы, пока наш казах со всем освоился. Нет, он сообразительный, но принцип автоматики перезаряда от него ускользал. А, может, просто слов парень не находил, чтобы всё как полагается доложить? Мы ведь не так уж много с ним преуспели в русском языке. Он меня куда как большему успел научить, а я как путал в школе склонения со спряжениями, так до сих пор и путаю.

* * *

— Слушайте боевую задачу, — это комбат объясняет двум ротным, разложив карту на земле в тени моей боевой повозки. — Форсируем реку Алазани. Силами первого взвода разведываете наш берег и окапываетесь.

Потом, вы, подтягиваете тачанки и берёте под контроль противоположный берег, а ещё два взвода переходят на ту сторону. Один продвигается вглубь берега, и тоже окапывается, а другой промеряет глубины и обозначает брод вешками. Вопросы есть?

Оба ротных доложили, что вопросов нет и тот, что командует пулемётной командой, «нарезал» участки ответственности нашему расчёту и экипажу второй тачанки.

Поначалу всё шло по плану — мы выехали на низменный пологий берег не слишком широкого потока, рассыпавшегося на несколько русел, струящихся в галечных ложах. Места для пулемётов выбрали толково, а сами их сняли с повозок и принялись готовить позиции. Мы же с Кобыланды отвели лошадок за деревья — пусть травку пощиплют, хоть бы и оставаясь запряжёнными в телеги. Ну, можно кое-что ослабить, удила из рта вытащить, а сколько нам здесь торчать — кто же его знает!

Я хотел прилечь в тенёчке да покомарить, но товарищ мой указал, где замаскироваться и куда наблюдать. Когда он начинает распоряжаться, я никогда не перечу — он ведь только с виду простак а, на самом деле много в чём понимает, особенно, если ситуация обостряется. Часа два всё было тихо, только перекликались бойцы со стороны будущего брода, костеря ледяную воду и напористое течение. А потом послышалась стрельба, и мы срочно перешли в состояние готовности к движению. Что было потом — почти не помню. Лежал и стрелял по фигуркам, перебегающим между редкими деревьями. Был совершенно спокоен и, кажется, не промахивался — не то, чтобы я какой-то особенно меткий стрелок, но карабин у меня пристрелян и я умею концентрироваться.

Потом справа показалась цепь нашей второй роты, и все, кого я только что «убил», вскочили и пустились наутёк. Я ещё два раза успел пальнуть, а потом цели куда-то подевались. Через час с чем-то, стуча зубами от холодной воды, мы были на другом берегу. Это, получается, у меня состоялось боевое крещение.

* * *

— Далеко бьёт, и точно, — командир расчёта вечером довольно погладил пулемёт, тот самый, незнакомый, крупнокалиберный. — Судя по всему, вроде, как нашенский — очень уж он своим устройством на Дегтяря похож. И станок под ним знакомый. Только непонятно, как он не у нас оказался, а у них?

Я молчал потому, что неоткуда мне, беспамятному, знать про то, что это некий прототип ДШК, только пока секретный и не доведённый до ленточного питания. Дисковый же магазин, на мой взгляд, однозначно выдавал авторство Дегтярёва.

Через сутки полк вышел на заданный рубеж и занял оборону. Наши тачанки отвели вглубь — как объяснил взводный — чтобы можно было быстро подъехать в нужное место туда, где станет горячо. Мы оказались незанятыми и спустя сутки вернулись в обоз, потому что некомплект в лошадях, и без того бывший большим, после обстрела полка на марше сильно усугубился. И началась у нас жизнь в дороге: то туда, то сюда. Бойцы-то более-менее на месте сидят, а мы то патроны возим, то жратву, то палатки — много разного имущества нужно доставить нескольким сотням крепких молодых организмов.

Дороги здешние отличаются крайне ограниченной проходимостью. Берега Алазани болотисты, изобилуют ручейками и зарослями на любой вкус: от крупных деревьев, преграждающих путь торчащими во все стороны корневищами, до густых кустарников. Броды тоже являются серьёзным препятствием. Потом начинаются горные подъёмы-спуски, выматывающие лошадиные силы и наши солдатские души. К этому следует добавить обстрелы издалека — обычно один-два выстрела, но довольно опасных, прицельных. То над головой свистнет, то в телегу угодит — так и старшину нашего ранило. Двух лошадок мы тоже потеряли — они, как ни крути, крупная мишень.

Старшим назначили одного из командиров отделений — это сейчас скорее воинское звание, чем должность. То есть в петлице два треугольника. У старшины же, который на самом деле помкомроты — два квадратика. Но он пока хромает с палочкой по расположению потому, что в дальней тяжёлой дороге был бы обузой.

Так вот, как-то подходим мы порожняком к станции, где обычно получаем свой груз, и вижу я неподалеку от въезда в посёлок стоит, покосившись, до боли знакомый мне гусеничный экипаж. Один из тех, что собирают у нас в мастерских. Привязал я вожжи к задку телеги Кобыланды и подошел поближе. Тут, как положено, часовой при оружии строгим голосом спрашивает:

— Стой! Кто идёт?

— Механик Беспамятный прибыл для осмотра техники, — отвечаю.

— Ах ты прибыл! — обрадовался солдат. — Так что у меня приказ, охранять эту бранзулетку, пока не прибудет техник. Принимай машину, а я возвращаюсь к своим.

— Стой, — говорю, — как же так сразу, не покурив, не поговорив, — и протягиваю кисет. Отделенный командир наш тоже подошёл, протянул бойцу фляжку с разбавленным водой... Саперави, кажется. Терпкое такое вино, почти не кислое. Вечно я названия путаю... — Так откуда здесь эта страсть появилась? — спрашиваю.

— Эти... инсургенты хотели захватить станцию и погнали на нас осьцю танкетку, а только не вышло у них никого злякаты. С одной гранаты вон из того окопчика, — махнул он рукой вправо, — её с дороги снесло. А уж пеших мы з кулэмёта прижали к земле и заставили отойти, — а сам подбоченился гордо и табачок щедрой рукой загрёб в свою «халявную» самокрутку чуть ли не из четверти газетного листа. А мне не жаль: сам-то я не балуюсь — для хороших людей держу или Кобыланды отдаю для обмена на разные полезные вещи.

Я отделенному подмигнул и занырнул внутрь машины. Да ничего страшного ей не сделалось — так, несколько отверстий в корпусе. Есть сквозные, есть и пулями заткнутые. Что гусеницу сорвало — так всего-то один трак и нужно заменить, а где они в этой машине припасены, я знаю — сам формировал ЗИП. В аккурат под полом в кузове между труб с торсионами.

Обоз наш дальше проследовал, мне же отделенный оставил в подмогу Кобыланды. Часовой тоже перестал торопиться, поглядывая на мой кисет — нынче это лучше денег валюта, да и угостить товарища часто полезно для взаимного понимания. Втроём мы по-быстрому и поправили поломку. Мотор тоже пришлось заводить вручную — не почуял вольтметр напряжения на аккумуляторе. Но это — штатная ситуация, а аккумуляторы нынче капризные, требуют ухода, так что, если водитель лопух — пущай крутит ручку. Обоз наш мы догнали как раз у самой станции и быстренько встали под погрузку — шибко торопились, как и всегда. Добавить в баки горючего удалось без проблем — в соседних-то полках и автомобили имеются и трактора, так что подвозят сюда бензин.

Обратный путь прошёл легче — на «бранзулетку» положили столько груза, сколько обычно клали на две-три телеги. На горных участках, как всегда, коняшкам досталось нешуточно, так что мы после последнего спуска остановились на ночёвку, как и каждый раз в удобном для лошадей месте. Взвод сопровождения ещё до наступления темноты прочесал окрестности и выставил секреты — мы ведь многое успели усвоить за последние дни и к мерам безопасности стали относиться вдумчиво. В общем, ночь прошла спокойно, а наутро мы с Кобыланды за пару часов пробрались на вездеходе через топкие низины до расположения полка,

разгрузились и вернулись обратно за новой порцией имущества — обоз не стал мучить лошадей на вязких дорогах долины — вернулся через горы на станцию, чтобы принять следующую часть довольствия — машина-то наша через мокрые места хорошо идёт, не то, что телеги с узкими колёсами. Пробираться с повозками по горным дорогам все-таки чуток проще, чем через болотины. Вот и распределил командир участки таким образом, как показалось ему верным, после того, как я у вечернего костра распустил хвост павлиний, расхваливая особенности нашего приобретения.

Так и возили мы грузы ходка за ходкой, перекидывая имущество полка. Вскоре товарищ мой приволок выпрошенный у пулемётчиков крупнокалиберный пулемёт — тот самый, трофейный. Патронов к нему оставалось всего полдиска, поэтому отказались от него... хе-хе. Мы его приспособили на турель, которую я с горем пополам сварил. Считаю, без электродов, с самодельной маской, в которую вставил закопчённое стекло, питая дугу постоянным током от генератора. Слабенький вариант, но получилось аккуратно.

Боевая же деятельность полка оказалась скорее охранной, или сторожевой. Ходили патрулями, сидели в секретах — будто сами себя охраняли. Нападали на нас редко, как правило, обстреливая из укрытий. Или подстерегали, или подбирались незаметно а, после открытия ответного огня враг быстро отходил, унося убитых и раненых. На обоз нападали чаще, чем на боевые подразделения. То есть, вдоль маршрута нашего движения к станции и обратно и развивались основные события. Здесь и местность прочёсывали, и опорные пункты в самых опасных местах оборудовали, и разведка туда-сюда ходила постоянно. Но местность здешняя изобилует естественными укрытиями, а на нескольких десятках километров всегда получится подыскать место, с которого можно издалика выстрелить по обозу.

Немного не такая складывалась война, не то, к чему готовились. И именно в этих условиях крупняк, установленный на «бранзулетке» — а именно так окрестили нашу лоханку — оказался очень сильным аргументом. Кобыланды парой-тройкой очередей образумливал любителей сверхдальней стрельбы. Он давал мне команду остановиться, а потом спокойно делал своё дело. Почему спокойно? Во-первых, потому, что прятался за пулемётным щитком. Во-вторых, турель пулемёта сдвигалась по кольцу вокруг люка — мы его сделали из обода тележного колеса, уравновесив массу оружия деревянной стенкой за спиной стрелка. Заодно и боковые щиты приладили, тоже деревянные. Ну и вообще, дополнили «бронирование» кабины, обшив её изнутри досками.

Из каждой поездки привозили пробоины, которые я латал всё той же слабенькой сваркой — на заделку пулевого отверстия мощности моего самопального аппарата только-только хватало.

* * *

— Ай, Иван! Как я могу быть командир? Ты старше, машину знаешь, водишь лучше! — втолковывает мне товарищ в присутствии нашего старшины. Мы едем привычной дорогой к месту погрузки втроём — начальник полкового обоза уже достаточно оправился от раны, чтобы занять место в кабине вездехода и лично проконтролировать ход дел на маршруте. Я плавно наискосок въезжаю в реку и включаю водомёты, подруливая их тягой так, чтобы выбраться на пологое чуть топкое место, укрытое со стороны берега плотным кустарником, в котором нами уже промята дорога.

— Понимаешь, Кобыланды, — отвечаю, — я хороший механик, но в бою мне нельзя без командира. Моё внимание сосредоточено на работе мотора и том, где пройдут гусеницы. Смотреть вокруг, высматривая опасность, некогда. А ты всё видишь и подсказываешь, как правильно повернуться, откуда подъехать и когда пора отступить. Я тебя слушаю — и у нас всё получается.

Почему возник этот разговор? Из-за старшины. Пока мы ездили вдвоём — никаких проблем не было. Я управлял машиной, мой товарищ вел наблюдение и подсказывал. Сыгранность возникла сама собой и не требовала отношений начальник-подчинённый. Но вот в кабине оказался командир, и сразу «не понял», кто тут главный. Поэтому, первым делом, попытался возложить на меня и всю полноту ответственности и бремя ведения с ним дорожной беседы.

Ага-ага. Это при том, что обзор у меня мизерный, потому, что прикипать глазами к оставленной в деревянной «броне» щели и работать рычагами очень сложно. Зато смотреть по сторонам прекрасно получается у другого члена экипажа — он и руководит мною, вращая свою импровизированную пулемётную башню и разглядывая всё вокруг относительно беспрепятственно. Если думаете, что нам мешает шум в «салоне», так не очень. Мотор впереди за перегородкой, а гусеницы прикрыты щитками. Внутри кабина «отделана» деревом — так что, переговариваться можно.

Старшина наш — дядька с понятием. Он уже всё сообразил.

Единственное, что его смущает — то, что товарищ мой не вполне крепок в русском. Вернее, всё понимает, но говорит с погрешностями.

Собственно, добрались мы без приключений, всего-то разок и клюнула пуля по металлу корпуса но, думаю, не пробила. Научился уже определять такие вещи по звуку. Ну а потом на петлицах Кобыланды появились треугольнички — знаки различия помощника командира отделения. Мне кажется — это правильно. Парень, хоть и юнец совсем — с четырнадцатого года — но башка у него варит. С машиной, кстати, отлично освоился. Она работает без склонений и спряжений, поэтому я ему всё очень толково объяснил и научил как следует. Иногда мы в дороге меняемся местами — он вполне прилично стал водить, а мне и передохнуть иной раз не вредно.

* * *

— Красноармеец Беспамятный, — комполка посмотрел на меня странным взглядом, и протянул бумаги, — вот приказ о вашей демобилизации. А эти товарищи сопровождают вас, куда им предписано. Так что, собирайтесь, прощайтесь и — в добрый путь.

Сказать, что я удивлён, всё равно, что промолчать. Крепкие молодые парни в военной форме с малиновыми петлицами — по три треугольника на каждой — не выкручивают мне руки и не отнимают висящий на боку Маузер в деревянной кобуре. Вежливо кивнули и сказали, что станут меня повсюду сопровождать. Только добавили, что хотели бы поторопиться.

Я-то ведь теперь знаю, что это ГПУ — те самые очень серьёзные люди, встречаться с которыми в это время никто не стремится. Так что раздражать их и мне несколько не охота. Доложился старшине, с мужиками нашими обозными поручался, а с Кобыланды мы даже парой слов перекинулись — так — ни о чем. Я его просил за вкладышами присмотреть, а он мне отдал оплетённый кувшинчик с залитой чем-то затычкой. У него всегда водилось что-нибудь этакое... например, я видел как он доставал из карманов патроны для крупняка... пяток там, десяток. И добавлял в магазин. А откуда они у него — не ведаю. И спрашивать не хотелось.

Ещё поглядел на наш транспортёр. Поклёвок на нём больше, чем заплаток — редкая пуля, пущенная издали прошибёт шесть миллиметров довольно вязкой судовой стали, но внешний вид портят все. Закрашиваем мы их зелёной краской — другую в армии нынче достать мудрено. Поверх черной, которая теперь скромно проглядывает между клякс, нанесённых

торопливо нашими с товарищем руками. Старшина спервоначалу рявкнул было, что, мол, за зёбра!? Явно хотел заставить выкрасить всё разом для равномерности. А нам натурально лень — вот и двинул я тезис о камуфляжной раскраске, а потом развил его до понятия слияния с местностью. В этот момент надо было поспешать за грузом и препираться старшине оказалось некогда.

— Валяйте, — махнул он рукой, — сливайтесь.

* * *

На том и уехал я из полка. Одежду мою гражданскую мне никто не вернул — не до её сохранения было в условиях военного времени. Поэтому — красноармейцем следовал... не знаю куда. Тоже не спрашивал провожатых. Ехали мы всё железной дорогой в опустевшей теплушке, бегая на станциях за кипятком или дровишками для буржуйки — незаметно подкралась осень и по ночам становилось холодно.

В Сталинграде пересели на пассажирский поезд, с которого через несколько часов и сошли на станции Владимировка, где встречал нас Дмитрий Иванович Агеев и его шофёр Пётр — оба в форме и с малиновыми петлицами. Обменялись с провожатыми какими-то бумагами, распрощались, да и пошли к машине.

— Изрядные дела начались тут без тебя, — рассказывал мне по дороге наш здешний ГПУшник. — Прислали мне ориентировку на поиск производителя некоторых, скажем, изделий. Гляжу — на одном изображении ты, собственной персоной со своим вездеходом. Ну и доложил, как положено. Хотя удивился, почему машину эту называют бранзулеткой.

Комиссию от военных прислали и всё производство этих лоханок сосчитали, а потом устроили дознание: сколько сделали и куда отправили. Думаю, сейчас порождения твоего мрачного гения срочно мобилизуют и передают в войска. А заводу спустили план...

— Какой завод? — спрашиваю. — Мастерские у нас.

— А вот и завод. Помнишь же, что с весны начинали реконструкцию да новые корпуса строили? Так что переименовали мастерские в завод и даже бранзулеточный участок на нём организовали. Дядю Васю Маркелова поставили над ним начальником, а он сразу затребовал тебя срочно отыскать и к нему доставить. Вопрос сейчас стоит на контроле в ОГПУ — я курирую дело от местных органов, а от военных интендантская служба

прислала представителя — завтра, как на работу выйдешь, познакомишься с начальником приёмки. Ещё инженера из Москвы вытребовали из НАТИ. Тоже где-то на этих днях должен подъехать. В общем, Иван Сергеевич, заварил ты кашу...

— Да я-то чего?! Делал, что велят. Хорошо, кстати, делал.

Мне не в чем себя упрекнуть. Не стыдно за содеянное потому, что с душой подходил. А то, что получился не верх совершенства — так время такое нынче — ни материалов особо продвинутых, ни технологий двадцать первого века — ничего подобного пока нет. Армия, и та, почти вся на конной тяге, да и в мирной жизни лошадки не на последнем месте. Вон впереди пылит коляска — явно везёт кого-то от станции. Думаю — извозчик. Их не много в наших краях. И к поезду, а приходит он дважды в сутки — туда и обратно — съезжаются все. Пока мы с бумагами разбирались, народ и разъехался от станции.

Глава 3. Новые лоханки

Доставили меня прямиком к дому. И это правильно. Поскольку от своих молчаливых попутчиков испытывал я всю дорогу самое тревожное состояние. Измотался, одним словом. Корректные, конечно, ребята, но глаз с меня не спускали ни на минуту — хоть один, но обязательно рядом и не спит. Правда, на маузер мой никакого внимания не обращали.

Почему маузер? Потому, что с карабином в нашей коробчонке не развернуться, а наган не так хорош при стрельбе по дальним целям. А из этой машинки вполне неплохо получается и по ближним кустам шмальнуть, и по дальним. Да, баловали в полку нас с Кобыланды, хотя, откуда он принёс этот пистолет, я уверенно сказать не могу. Он вообще умудрялся добывать массу нужных вещей как будто из ниоткуда.

Так вот: захожу я к себе на подворье и здороваюсь с соседкой, что справа:

— Доброго здоровьичка, — говорю, — Павла Никитична!

— Ох! — отвечает она, — Иван Сергеевич! Хорошо, хоть ты с войны возвратился. А у Анны-то мужа убили. Только она второго сына родила — тут и известие пришло из армии, что Никодим её голову сложил где-то около Поти, — и плачет тихими слезами.

Анна — моя соседка через заднюю изгородь — мы с ней ещё грешили у меня в мастерской. То есть — не чужой, как ни посмотри, человек. Хотя с мужем её знакомства я и не водил, но знаю, что относилась она к нему вовсе даже неплохо и связь нашу с ней прятала ото всех, словно в шпионском фильме с использованием тайного хода из сарая в сарай. Так что стою я, не зная, что делать, а Никитична продолжает причитать:

— Только всё у них наладилось! Поверишь ли? Пока не поселился ты здесь — не давал им господь деток. А тут — буквально года не прошло — и первый, а через пару лет и второй появился. А то Анна-то так убивалась, так кручинилась. Боялась, что бесплодная совсем. Ох-охонюшки, горе-то какое!

Слушаю я соседку, а сам глазами по участку шарю. Вижу — картошка выкопана, да и остальные овощи убраны, причём — все чин-чинарём культурно так.

— А что, соседка? — спрашиваю. — Пока меня не было — кто тут хозяйевал?

— Так мы с Никишей, с супругом моим. Как не помочь соседу, пока он

на войне воюет, да и Анна нам не чужая — племянница она мне.

Вот так и получил я подряд два указания на то, зачем молодая соседка ко мне бегала, и кто её надоумил, каким образом порадовать детками любимого, но неплодовитого мужа. Так что похлопотал я по хозяйству, себя в порядок привёл, переоделся в штатское, да уж под вечер отправился к Анне разговор разговаривать. Не через дырку, а по-людски, обойдя половину квартала, чтобы с нашей улицы попасть на соседнюю.

Чинно постучался и вошел:

— Здравствуй, — говорю, — соседка. Извини, если не вовремя. Коли велишь — уйду, или в другой раз наведаюсь. А только вот вино принёс, помянуть Никодима.

Обычно-то Анна всегда белым платком была замотана, а тут черный на ней, и так же накручен, что только щель для глаз оставлена. Посмотрела на меня, указала рукой на стул, а сама вышла в соседнюю комнату — там за занавеской явно малой загукал, да басовито так. Чуть погодя она вернулась, быстро собрала на стол и две рюмки поставила. А я как раз с пробкой на кувшине справился и набулькал нам по глотку. Вот тут, считай, и увидел впервые лицо своей любовницы — она, чтобы пригубить, платок размотала, и так мне увиденное понравилось, что я едва не поперхнулся — вот уж где красота, так красота.

Посидели мы пристойно безо всяких особенных разговоров, по три рюмки сухого грузинского вина выпили, поминая покойного добрыми словами, да и ушёл я домой, хотя старший сынок между нами крутился, на руки лез и что-то лопотал. Не скажу, что был сильно тронут его непосредственностью и неуёмной энергией, но понравился мне парнишка. А потом гадал — придёт ко мне Анна, или не придёт. Не пришла.

А я как раз засиделся немного — писал Кобыланды письмо крупными печатными буквами — адрес свой сообщал и, что у меня всё нормально.

* * *

Утро на заводе началось для меня со скандала. У заднего борта собранного корпуса лоханки газорезчик настраивал свою шарманку, готовясь пробуровать лаз в сплошном стальном листе. Хорошо хоть, знакомый парень — сразу остановился, едва я на него цыкнул. Зато, откуда ни возьмись, выскочил военный со «шпалой» в зелёной петлице — явно интендант, присматривающий за ходом сборки «бранзулетов».

Сначала он в мой адрес выразился непечатно, а потом «разъяснил» в

вопросительном ключе:

— А как прикажешь ящики в кузов подавать? Через борт руками иметь?

— А с дверкой в корме потонет машина, потому, как не загерметизируешь ты дверь такого размера настолько, чтобы вода совсем не проходила, — отвечаю.

— Так дверь нужно делать не плоской деталью, — подскочил незнакомец в штатском, — а профильную, выпуклую наружу, чтобы она за счёт формы держала жёсткость.

— И откуда я вам такую возьму? — вмешался дядя Вася Маркелов. — Здрав будь, Иван, — это он мне.

— Так и что? — развёл руками незнакомец. — Делают же моряки крышки люков на своих кораблях, если и не герметичными, то очень даже плотными по поверхности прилегания.

— Ну, так там кромка проёма не простая плоскость, а специальным манером сделана, чтобы крышка к ней прилегла. Вон, старая миноноска с Каспия в ремонт пришла — сходите, да посмотрите.

Так и встретился в первый раз наш четыреумвират... мы, как начали со спора, так потом и общались всегда в этой манере. Шучу — нормально мы сработались. Сначала, конечно, наладили выпуск уже стоящей на производстве «модели» — не так уж она была изначально плоха. То есть, те доработки, что в своё время нам с Кобыланды пришлось делать «на ходу», внесли в конструкцию сразу. И обшивку деревом внутренних поверхностей кабины, и пулемётную башню под крупнокалиберный пулемёт — отыскивали их у нас в Стране Советов. Это оказался ДК — Дегтярёв крупнокалиберный. Он уже прошёл испытания, был принят на вооружение, но на серийное производство пока не поставлен. А наши заявки это дело подтолкнули. Что же касается неудобства питания от дискового магазина — так магазины-то не на руках таскаются, а возятся, потому — для вооружения бранзулетки этот вариант оказался вполне приемлемым.

Корпус, ещё недавно делавшийся исключительно сваркой, переадаптировали на клёпку — оборудование для неё у нас в мастерских было вполне на уровне, и обученных людей достаточно. А тут еще вспомнили, что корабельный лист-шестёрку вполне неплохо можно сгибать по достаточно малому радиусу — и сразу несколько «швов» удалось сэкономить — борта и днище просто формировали в виде перевёрнутой буквы «П». Ну а больше не меняли ничего — надо было гнать план. С нас требовали по двадцать машин каждый месяц — а это, знаете ли, немало. Так что, заниматься мелкими усовершенствованиями было не с руки.

* * *

Анну я окликнул через лаз в стене, когда она заглянула в дровяник:

— Здравствуй, — только и сказал.

Она кивнула в ответ и, не сказав ни слова, принялась набирать поленья.

— Тётя Паша дала мне понять, что детки-то у тебя — наши, — продолжил я заранее заготовленную речь, и увидел, как недобро блеснули её глаза в узкой щели плотно намотанного на голову платка. Но снова ничего не услышал в ответ. — Знаю, что пока не пройдёт срок траура, и подкатывать к тебе со сватовством не стоит, однако, раз уж деток делали вместе, то позволь мне хоть как-то поучаствовать и в дальнейшей их жизни.

Возьми пока денег, нужны ведь они. Ну а про остальное... — я замялся. — Ну, не научился я с женщинами правильно обходиться. Может, потому, что и не старался особо, или не понимаю чего. Так что, прости, коли не так сказал.

И опять она мне ничего не ответила. Подошла, забрала деньги и благодарно кивнула.

* * *

Приехавший из Москвы инженер Федотов оказался тем ещё кадром. Он, как дважды два, доказал мне, что вездеход наш сделан совершенно неправильно и вообще ни на что не годится. Что всё нужно переделать... Маркелов, начальник участка, ответил на это в смысле: «рисуй, как правильно», а представитель интендантской службы Кузьмин чуть с кулаками на него не бросился:

— Ты понимаешь, что говоришь?! Наши войска в Кахетии задыхаются без бранзулетов. Посмотри, сколько заявок на транспортные машины поступает от полков, занимающих позиции на низменных участках Алазанской долины! Чем ещё можно подвезти снаряды на батареи через эти болота и бесчисленные речки?

Это у нас такая утренняя разминка, после которой мы, собственно, и приступаем к работе. К какой? Военных не устраивает низкая грузоподъёмность вездеходов — я больше чем восемьсот килограммов писать в технических данных отказываюсь, что и подтверждаю расчётами — прутки из пружинной стали, из которых делаются торсионы на такой

длине рычага при повороте на угол... инженер Федотов согласен, но он считает необходимым применить более толстые прутки.

— А ты их найди! — в один голос вопят Маркелов и Кузьмин.

— Это не моя забота — пусть работают снабженцы.

— Я — снабженец! Военный снабженец, — осаживает «критика» интендант. — Но не могу заставить завод, работающий в интересах железнодорожного ведомства, изменить техпроцесс, заточенный на выпуск стандартного для стальных магистралей комплектующего.

— Тогда нужно менять саму систему подвески, — упирается Федотов.

Вот тут-то я и объясняю ему, как он неправ, потому что сразу ухудшится плавность хода, возрастут механические нагрузки и моторы начнут выходить из строя, раз за разом, исключительно из-за тряски.

И тут же начинается проработка вопроса об увеличении количества независимых опорных катков и, как следствие уменьшении их диаметра, что как раз напрямую и ведёт к росту грузоподъёмности. Я с облегчением вздыхаю, потому что ни об увеличении скорости, ни об усилении бронирования никто из присутствующих даже не заикается. Иначе мы бы мигом влетели в давно известный логический парадокс, сильно осложнивший жизнь конструкторам танков, на решения которых сильное воздействие оказывали военные. Так вот — наш военный озабочен транспортными возможностями машины, среди которых грузоподъёмность и проходимость полагает главнейшими. Правда, на третьем месте для него — удобство погрузки-разгрузки, но это уже не так страшно — ищут наши снабженцы верфь, на которой штампуют крышки судовых люков.

Я же прежде всего думаю о ремонтпригодности — таковы издержки моей основной профессии. Дядя Вася Маркелов печётся о технологичности — он у нас самый, что ни на есть производственник. Инженер Федотов — мечтатель, желающий создать верх совершенства. И ещё он неплохо осведомлён о том, на каких заводах сейчас что делают. Все мы вынуждены выяснять, можно ли изгибать по малым радиусам броневую сталь толщиной шесть миллиметров, и выдержит ли она винтовочную пулю, с какого расстояния, а бронебойную, то есть с твёрдым сердечником?

Я так подробно рассказываю об этих тонкостях потому, что в тот период они меня самым серьёзным образом занимали, потому, что знаю — все технические долгожители появились на свет в результате мучительного выбора компромиссов и после кропотливой доводки. А делать тяп-ляп не люблю — не радуют меня плохо сделанные вещи. Кроме того, увеличение количества опорных катков с уменьшением их диаметра заставляет волноваться о возможности натяжения гусеницы без натяжного катка и без

поддерживающих, из-за которых полетит целый ряд удобных компоновочных моментов, а вместо Дегтярёва крупнокалиберного нам настойчиво предлагают Дегтярёвы танковые обычного винтовочного калибра. Зато со Сталинградского Тракторного можно брать облегченные гусеничные траки и не бензиновые, а дизельные двигатели, построенные по оппозитной схеме. Те же сорок пять-пятьдесят лошадок, но заметно менее требовательные к топливу и более экономичные. Опять же трансмиссия у них подходящая под наши нагрузки. В общем — есть и хорошие новости. Однако, машину мы делаем заново — слишком большой задел усовершенствований накопили для того, чтобы держаться за старый конструктив.

* * *

Сегодня был хороший день — снабженцы приволокли крышки корабельных люков двух размеров. Маленькие, для пролезания через палубные поверхности головой вперёд. И — размером с обычную дверь. Выполнены они из стального листа штамповкой, дающей достаточно жесткий выпуклый профиль, чтобы обеспечить плотное прижатие к плоскости крыши или кормы нашей машины. Есть над чем покумекать, потому что поставки этих «узлов» нам обещаны.

И тут влетает младший сынишка соседки моей, Павлы Никитичны, или тётки Паши, и сообщает:

— Дядя Ваня! А к вам военный в гости приехал. С дамой.

Конечно, я тут же сорвался и помчался. Кто бы, вы думали, осчастливил меня визитом? Кобыланды — кто же ещё? И женщина с ним держится уверенно, будто жена.

— Познакомься с Софико, — сказал мне старый товарищ, сияя от гордости.

— Беспамятный, — смутился я, протягивая руку.

— Кобыландьева, — улыбнулась красавица, непринуждённо подавая мне свою тонкую ладошку.

Сразу видно, что из благородных. Из «бывших», как сейчас говорят. Не зевает, однако, мой друг. Да и в петлице у него уже не треугольник, а квадратик — их ещё кубарями зовут. Всего-то несколько месяцев прошло, как мы расстались, а уже два повышения в звании, причём он теперь не младший командир, а средний. Комвзвода — это примерно лейтенант.

Пока мы с гостем радостно смотрели друг на друга, его супруга

продолжала «докладывать»:

— Нас послали в Москву на курсы читать лекции о тактике применения бронзуклонны для доставки довольствия и питания в действующие войска в сложных дорожных условиях. Но он — такой хитрый! Хочет воспользоваться случаем и ходатайствовать о направлении его на учёбу. Поэтому ему надо где-то оставить меня на время, пока он всё это уладит и ещё попросить вас посмотреть тексты докладов и схемы маневрирования. И таблицы проверить, — и взглянула на меня просительно.

— Так ты, Софья, к Анне на квартиру просись — ей лишние деньги нынче не помешают, — встряла Павла Никитична. — А мужики пока в Ивановой халупе с этими... докладами, поразбираются. У Анны-то чистота и порядок — так что пошли, провожу тебя.

Ну да, не в моей мазанке такую «принцессу» принимать — этот намёк я понял. А с Кобыланды взял обещание сходить со мной на завод и поговорить с людьми — война-то в Грузии так и не завершилась, поэтому встретиться с фронтовиком людям будет интересно. Тем более, что воюет он на нашей технике.

* * *

Вообще-то, деньги для Анны я оставлял в её дровянике в бумажном конверте. Она забирала, отписывала в ответ благодарное слово, но встречаться нам больше не случалось. Видно, о моём таком участии в своей жизни она тётке не рассказывала — похоже, грех, что между нами был, тяготил её. Возможно, возникло у женщины чувство вины после потери дорогого человека. Сильно она своего Никодима любила — даже прелюбодействовала со мной, считай, ради него. Поэтому, я старался не мельтешить у неё перед глазами.

А с другом мы просидели над его бумагами довольно долго. Было видно, что они переписаны грамотной рукой Софико, но та не вполне владела технической терминологией, поэтому вмешиваться мне пришлось во многое. Ну и не обошлось без теоретического спора.

— Слушай, зачем ты обязательно хочешь ставить крупнокалиберный пулемёт? — возмущался Кобыланды. — Мы на наши машины ставили и Максимка, и Дегтяря пехотного — помогает отбиваться от обстрел и засада. Хотя, конечно, крупняк лучше, — добавлял он смущённо.

— А потому, голова твоя светлая, что в грузовом отсеке можно вместо

груза разместить целое стрелковое отделение — красные командиры обязательно до этого додумаются. И станут посылать бранзулетки прямо на поле боя, где в них винтовочным огнём сразу сделают много-много дырок. Значит, в зону поражения лёгким стрелковым оружием входить нельзя, а для этого стрелять придётся с полутора-двух километров. То есть из крупняка.

— Ай, Ваня, зачем стрелять? Привезли людей, высадили и поехали назад.

— Ага-ага! Так командир и отпустит назад машину, вооружённую пулемётом и защищённую хоть каким-то железом в то время, когда его подразделения идут в атаку на зарывшегося в землю неприятеля. Надо ведь чем-то давить пулемёты, — продолжаю я втолковывать упёртому азиату.

— Против пулемётов полагается применять пушки, — стоит он на своём.

— Мало ли что полагается. Но они то ли есть, то ли нет. А приказ атаковать уже получен.

Так вот мы и теоретизировали о разных случаях, проводили расчёты, прикидывали всячески подходы — от этого доклад моего товарища распух и сильно переструктурировался.

Оказывается, вскоре после того, как меня демобилизовали, в наш полк привезли ещё четыре гусеничных транспортера, когда-то сделанных у нас в мастерских для уважаемых людей и спешно мобилизованных для армейских надобностей. Командовать этой колонной поставили моего товарища, отчего он и в звании быстро подрос, и заработал репутацию расторопного и распорядительного командира — давалось ему дело военное.

На завод он заглянул, поблагодарил рабочих за нужные машины, поглядел на наши наброски, на фанерный макет, воздвигаемый на козлах в углу сборочного участка и вывалил целую кучу мелких замечаний. И как пробку топливного бака защитить, и куда лопату прикрепить, по составу ЗИПа прошёлся и напомнил о необходимости «приблизить» землю к водителю спереди — а то не видно, что творится прямо перед машиной.

Потом он уехал, а недели через три и супруга за ним последовала. В этот вечер, после того, как я отвёз Софику на станцию и посадил на поезд до Сталинграда, ко мне пришла Анна. Началось у нас всё, как обычно, в сарайчике на верстаке. Она в этот раз лица не прятала и выражение его мне понравилось — видно, что не напрасно стараюсь, хотя и темновато тут. А потом она меня сильно озадачила:

— Знаешь, Ваня, — сказала она теплым голосом, — не сватайся ко мне

— не пойду я за тебя. Ты, конечно, хорошо зарабатываешь, не злой и грешить с тобой сладко, а только нет в тебе душевного тепла — одни железки на уме.

И опять в жизни моей наступил период тишины и приятных хлопот — мы как раз завершили макет новой машины в дереве и принялись за воплощение её в металле. Так уж вышло, что она сильно напоминала МТ-ЛБ, с которыми я был неплохо знаком, только уменьшенный — четыре метра в длину и метр семьдесят в ширину. Метр семьдесят — это по днищу, да плюс гусеницы по тридцать сантиметров на каждую сторону, но над ними не крыло, а тоже герметичный корпус — мы умудрились так согнуть лист, что образовали пазухи, нависающие над ходовой — дополнительный запас плавучести. Этот прием нам не стоил даже добавки массы, только трудов на листогибке. Корма прямо обрублена и в ней две герметичных двери — тут крышки палубных люков — только-только протиснуться человеку ползком. Ну и снарядный ящик проходит, если не самый большой. Зато наверху над грузовым отсеком тоже два люка — на этот раз продолговатых, размером с обычную дверь. Если их приоткрыть, то вполне можно отстреливаться из пистолета.

Водительская башенка слева совсем низкая — исключительно, чтобы можно было поднести глаза к смотровым щелям, направленным сразу на восемь сторон. Она не поворотная и без люка, но с хорошим обзором. Пулемётная же повыше, поворотная, и тоже без люка. Лаз для экипажа находится по центру — ему как раз между башенками хватило места — он такой же, как в корме. Тут ведь у нас ширина два тридцать — вполне просторно.

Двигатель из самого переда нам пришлось сместить назад и он теперь между грузовым отсеком и кабиной — иначе машина бы слишком «клевала» носом в воде. Теперь «кабина» управления находится в самом носу, поскольку всё равно остаётся довольно много пустого места рядом с частями трансмиссии. Водомёты — те же насосы с электроприводом от генератора постоянного тока. Их можно переводить и на осушение «салона», если возникнет течь.

Скорость, поскольку двигатель не стал мощнее, те же десять-двенадцать километров в час. Ну, можно разогнаться и до пятнадцати, но так насиловать мотор не рекомендуется. По воде получается вытягивать пару километров. Зато нагрузить можно аж полторы тонны, хотя, для себя, мы проверили до двух — везёт и даже по воде плывёт.

А потом начались испытания, устранение косяков, технологические отступления — обычный набор проблем рождения новой техники. Только

летом тридцать третьего года мы со спокойной совестью сменили предыдущую модель «бранзулетки» новой. Если кто-то интересуется мнением госкомиссии, то её не было. Как и на первой модели. Просто комбат Кузьмин вылез из-за рычагов, проконтролировал взвешивание груза, с которым «катался» по Волжской пойме, хранящей следы недавнего половодья. Потом придирчиво осмотрел машину и махнул рукой: «Давайте делать такие. Подписываюсь».

* * *

Сборочный участок невелик. Да и людей у нас далеко не в избытке — поэтому держать темп выпуска получается с трудом. Ставим на тележки заготовки корпусов — согнутые из листов днища с бортами, и начинается приклёпывание кормы, крыши, носовых деталей. Потом — подвеска. Это шестнадцать поперечных труб над самым днищем, торсионы, рычаги... прорва работы. Пневмоклёпка у нас давно в ходу, поэтому магистрали со сжатым воздухом по цеху проброшены, так что я быстро вспомнил про пневмогайковёрты и шлифмашинки — нарисовал, инструментальщики сделали. Сразу веселее дело пошло.

Шаблоны чуть не на каждую операцию, кондукторы — я прекрасно знаю, насколько важны в любой конструкции точность и верная последовательность сборки — и дядя Вася Маркелов все мои начинания решительнейшим образом обеспечивал административным ресурсом. Хотя у него была масса хлопот по снабжению — мы ведь почти все детали получали с других заводов — преимущественно с СТЗ от находящегося пока в стадии разработки тягача. Связи Федотова в НАТИ сработали. А сколько хлопот стоило обрезинивание опорных катков! В саму Москву от нас ездил «толкач».

Вот тут приходит ко мне вечером Анна, да и говорит:

— Беда, Ваня. Я снова непраздна! А траур-то по Никодиму ещё не закончился. Как же я людям в глаза посмотрю? Ещё немного, и всё станет заметно.

— Так, — говорю. — Уехать тебе нужно. А, когда родишь, тогда и вернёшься, причём, не вдовой, а мужатой бабой. Всё и будет пристойно.

— Родить не проблема, а вот с мужем как мне быть?

— А я на что? — спрашиваю. — Тем более — детки-то все мои.

— А-а-а, — отвечает. — Так ты не передумал, стало быть. Ну, тогда деваться мне некуда. А куда ехать?

— Что, нет у тебя нигде дальней родни?

— Такой, про какую знаю, нет. Все в этих местах.

Призадумался я — у меня-то с родственниками положение ещё хуже. Те, кого я помню, вообще ещё не родились. Разве что Кобыланды в Москве на командирских курсах. Единственный человек, с которым тут у меня состоялась дружба. Да и Софико у него, кажется, не вредная, и с Анной они уживались без скрежета.

Ладно, говорю. Скажешь, что в столицу тебя приглашают в прислуги в дом красного командира, да собирайся. За домом мы с Тётей Пашей присмотрим. Отвезу вас, да и распишемся там.

— Обвенчаться бы... — глянула просительно Анна.

— Хочешь венчаться — ради Бога. Мне не трудно.

Посмотрела она на меня незнакомым взглядом, да и говорит:

— Ты не как человек, а будто паровоз на рельсах. Ох, и намучаюсь я с тобой.

— Ага, — отвечаю. — Намучаешься.

На том и порешили.

* * *

До Сталинграда Анну провожали отец и дядя — там пересадка с поезда на поезд, а вещей судьба моя везла с собой — страсть: подушки, матрасы... баба сдавала в багаж диван, чемодан, саквояж... я тоже отправился — взял в снабжении командировку по заводским вопросам и, вроде как попутно помогал по-соседски. Встретил нас в Москве Кобыланды на полуторке — как раз хватило места и людей посадить, и вещи погрузить. А потом мы долго ехали куда-то за город. Оказалось — станция Подсолнечная, а рядом с ней — пулемётные курсы «Выстрел». Там уже ждала Софико с обедом и две комнаты в частном доме, том же, где квартировала семья моего друга. Старушка-хозяйка помещалась тут же в закутке за печкой — чистая коммуналка с удобствами во дворе.

Пока устроились, то да сё, да расписались, да обвенчались, ну и брачная ночь — как положено. Потрепала меня Анна по голове, да и спрашивает:

— А ты не собираешься тут верстачок поставить? — и посмотрела озорно.

Я догадался, в чём дело, да и слез с неё — рядом устроился. Не скажу, что уж такой я кабанчик, но и не пушинка — верных пять пудов. А в

миссионерской позе мы это самое проделали с ней впервые.

Потом я на пригородном поезде мотался в столицу по делам — командировку ведь отработать нужно, а не просто так проехаться туда-сюда. Ночевал же всегда с супругой — тут за пару часов можно добраться. Москва для меня по большей части незнакомая — я ведь не москвич, а подмосковец, то есть раньше бывал в первопрестольной по делам. Выходишь на нужной станции метро и где-то неподалеку отыскиваешь то, что нужно. Потом обратно. Нынче тут пока царит трамвай, а кого о чём ни спросишь — все ничего не знают — сплошные приезжие. Зато милиционеры толковые — они и подсказывали, как добраться до нужного учреждения.

Однажды — помню, что был выходной, и я подправлял крыльцо. Заходит к нам во двор военный с ромбом в петлице.

— Здравствуйте, — говорит, — товарищ Беспамятный. Меня зовут Григорий Семёнович, а про вас мне взводный Кобыландыев всё уже рассказал. Вы не против будете поговорить о ваших бранзулетках?

Ромб в петлице — это что-то близкое к генерал-майору нашего времени, так что отказывать этому человеку мне и в голову не пришло. Тем более — он явно нарочно выбрал для встречи выходной день — подгадал так, что я не занят по своим командировочным делам.

— Эх, — говорю, — отчего же вы, Григорий Семёнович, гусеничные транспортёры таким неказистым словом называете?

— Так, Иван Сергеевич, прилипло к ним это словечко ещё на Кавказе. Уже и не отскребёшь.

Перешли мы с ним за стол в тенёчке — денёк-то жаркий выдался. Подошел адъютант, Кобыланды попросил разрешения присутствовать, разложили бумаги, взялись за карандаши...

— Концепция моторизованной пехоты с использованием в качестве транспорта гусеничных транспортёров выглядит привлекательной, — начал гость. — Организация снабжения и даже размещение полевой кухни на подобном транспортёре, тоже не вызывает затруднений...

— Помилосердствуйте, — отвечаю. — Зачем же кухню в транспортный отсек впихивать? Прицепите сзади в качестве прицепа — и делов-то!

— Ну уж нет. В болоте или при переправе через водную преграду неизбежно произойдёт задержка и подразделение будет разорвано.

Ага. Это выходит, ко мне пожаловал фанат бранзулетов, который намерен на них разместить решительно всё. Ладно, помолчу, послушаю. А он продолжает:

— Но пехоте требуется поддержка, как минимум, артиллерии. Как вам нравится вот такая идея? — и показывает мой гусеничный транспортёр с пушкой в башне над грузовым отсеком.

— Не пойдёт, — отвечаю. — Мало того, что получается перегруз, так ещё и горизонтальная раскачка машины при настильной стрельбе станет приводить к промахам. Лучше на ней подвезти к позиции миномёты, а саму машину отправить за вторым боекомплектком.

— Миномёты. Да, это неплохо, — согласился генерал. — Только не нужно их из кузова вынимать — пусть прямо оттуда и стреляют. Не придётся тратить времени на погрузку-выгрузку. Тогда миномётчики сразу включатся в преследование отступающего врага.

— А если в обороне? — наседаю я. — Чтобы окопать всю машину требуется вынуть около шестнадцати кубометров грунта — это что, к каждому миномёту возить бригаду землекопов?

Видю, призадумался Семёныч.

— Так для обороны миномёт нужно в обычном окопе размещать. А если придётся отступить — то расчёт его на руках унесёт, когда расстреляет боеприпасы, — вмешался адъютант. А Кобыланды принялся строчить в толстой тетради.

— И всё-таки, нужна пушка, — продолжил настаивать комбриг — так его звание сейчас звучит правильно.

— Трёхдюймовка? — и смотрю скептически.

— Хотя бы. Но с длинным стволом, чтобы можно было и по танкам стрелять.

Вот тут уже я призадумался. Понимаете, сказать, что так нельзя — проще простого. Мол, цепляй сзади обычную ЗИС-3 (если они уже есть, а если нет, то что-то похожее), грузи на транспортёр расчёт и снаряды... но это и без меня знают. А тут — нетривиальная задачка.

— В общем, — отвечаю, — против танков эту машину можно применять только в обороне — то есть, закопанную так, что один ствол наружу. А, значит, ни щита, ни дульного тормоза у пушки быть не должно потому, что единственной защитой нашей жестянке может служить маскировка. Башню, ясное дело, сюда тоже не разместить — не вынесет Боливар её веса. Ствол может палить исключительно вперёд с поворотом вправо-влево градусов на пятнадцать, а сзади нужно будет делать подпорку в землю. Ума не приложу, какую пушку для этого приспособить, и вообще — есть ли подходящая?

— Да, насчёт пушки — вопрос непростой. Но это уж мы порешаем. А вот как быть со связью? Столь мобильным формированием, как мне сейчас

видится, кроме как по радио управлять совершенно невозможно...

До вечера мы усидели два самовара, а там и уехали гости. Присел я на недоделанное крылечко и призадумался — того, чего напланировали сегодня, хватит мне на многие годы работы. Это не считая того, что ни спидометров, ни тахометров на порождениях моего «мрачного гения» и в помине нет. Количество горючего в баках определяют, погружая палочку через горловину... с вентиляцией не всё в порядке, отопления нет и в помине. Действительно, бранзулетка у нас, а не гусеничный транспортёр.

Глава 4. Новая волна

Анна родила осенью, и вскорости я забрал её обратно — доставил домой уже не вдовой, а мужней женщиной. Если и были какие разговоры о её моральном облике — то негромкие — срок траура по Никодиму закончился, так что общая благопристойность оказалась соблюдена, а высчитывать месяцы никто не торопился. Я, сказать по правде, домой приходил только ночевать — слишком много новых модификаций транспортёров затребовали от нас войска.

Скажем, ту самую длинноствольную трёхдюймовку мы впихивали в машину совместно с конструктором артсистем — двигались навстречу друг другу. Тут и приделал я к корме бульдозерный нож-отвал. Он служил бы опорой при стрельбе, а ещё очень помогал при окапывании.

Так вот, из этой затеи решительно ничего не получилось — сразу пошел перегруз на корму машины. К тому же отдача длинноствольной пушки быстро ломала нашу «коробочку»: шестимиллиметровая листовая корабельная сталь стремительно накапливала деформации. Поэтому, вместо длинноствольной дивизионки мы поставили полковушку со стволом чуть больше метра и обеспечили ей большие углы возвышения, заодно исключив малые. Получилось что-то вроде чистой гаубицы, зато с довольно широким сектором обстрела — градусов по тридцать влево-вправо. В результате горизонтальные нагрузки от отдачи уменьшились за счёт возрастания вертикальных, с которыми справлялась подвеска.

От военных это чудо заказывали интенданты, то есть принимать решение о пригодности данного уродца для использования при охране транспортных колонн на марше должны были Кобыланды, его начальник Григорий Семёнович и наш военпред Кузьмин. В экипаж опытного образца они пригласили с собой ещё и артиллерийского конструктора, а меня взяли мехводом. В этом составе мы долго колесили по необъятной астраханской степи стреляя разными зарядами на всевозможные расстояния.

Самое странное — машину они признали годной для решения поставленных перед ней задач и заказали двенадцать штук. Посетовали на то, что никак не встаёт на неё пулемётная башенка — но при маломощном двигателе возить собой ещё и её было чистым расточительством. Да и стволу она мешала — так что одно к одному. Тем более — боезапас ведь и места требует, и весит немало. Зато удалось сохранить плавучесть и не потерять в проходимости.

Машинка-то маленькая и лёгкая. Я это особенно хорошо понимаю потому, что имею представление о самоходках более позднего периода. А у нас на всё про всё чуть тяжелее трёх тонн и на вид как прилично раздавшийся вширь жигуль-классика.

* * *

Следующей «моделью» была ремонтная «летучка» с краном грузоподъёмностью четырёста килограммов — в расчёте на монтаж-демонтаж двигателя в полевых условиях. Сильно утеплённые, практически, жилые варианты вездеходов затребовали геолого-разведывательные учреждения. Пограничники просили увеличить скорость. Собственно, с этого и начался следующий этап — для третьей модели бранзулетки был предоставлен стодвадцатипятисильный дизель, что, как оказалось, не потребовало никакой перекомпоновки машины. Только ход сообщения между кабиной управления и грузовым отсеком сделался совсем узким — для проползания на боку, причем, с риском застрять.

Это я рассказываю потому, что над двигателем свободного пространства нет — туда уходит выхлопная труба, воздухозаборники там же расположены, вентилятор для обдува радиатора, заготовка для антенного ввода. Но новый движок занимает поперёк на триста миллиметров больше.

Этот более мощный вариант очень шустро бегал — до полусотни километров в час разгонялись, если не по грязи. Их строили точно по количеству выделяемых моторов исключительно для погранцов. Думаю — гоняться за нарушителями. Потому что все с пулемётами ДП.

Военные моряки просили поставить над грузовым отсеком башню от бронекатера — она очень похожа на танковую. Не прошла по весу. Каких только «идей» не возникало в начальственных головах. И всё из-за того, что машина могла плавать и проезжать через любую распутицу — вот и возникало у людей желание пришпандорить к ней то, что входило в зону их ответственности.

Но основным заказчиком так и оставалось интендантское управление — как раз по два десятка машин основного транспортного варианта каждый месяц они и забирали. И именно столько крупнокалиберных пулемётов Дегтярёва нам и поставляли — похоже, выскребали их с Тульских заводов с великим скрипом.

Подряд рассказывать получится путано, поэтому перестану придерживаться хронологии. Началось с того, что Кобыланды похвастался мне новеньким ТТ. Откуда он взял его в тридцать третьем году — ума не приложу. Он вообще много чего умудрялся доставать такого, что и не сразу сообразишь, как сумел. Вот и заметил я, что патрон у этого пистолета очень похож на маузеровский. Да и сам ТТ — отлично бьёт — далеко и точно. А у меня дома с войны как раз Маузер хранится.

Заработала мысль — с одной стороны военные, как наступит время суровое, обязательно захотят возить пехоту в гусеничных транспортёрах, а с другой — даже с карабином в той тесноте не повернуться, не говоря о винтовках, которые составляют сейчас основу вооружения армии. Третий же момент — воспоминание из будущего. Читал я где-то, будто солдат в бою да под огнём стреляет совсем не так, как на стрельбище. То есть попадать начинает только на дистанциях метров двести или чуть меньше. Как раз на расстояниях, когда тот же Маузер даёт вполне себе приемлемую кучность.

Но это чудо с прикладом-кобурой орехового дерева каждому солдату в руки не дашь... мне кажется. И устроен он сложновато и, наверное, есть ещё что-то, мне неизвестное. К тому же — не стреляет очередью, без чего в ближнем бою легко и смазать второпях. Касательно же пистолетов-пулемётов, выяснил, будто Токарев делал нечто похожее, однако под Нагановский патрон. Поминали его как лёгкий карабин, но, говорили, что он может и как пулемёт строчить. Сам я помню про ППД — это конструкция Дегтярёва, однако его на моей памяти не хвалили. До ППШ ещё далеко и, опять же, у всех ближайшего времени автоматов деревянные приклады, а это снова удлинняет оружие и затрудняет пользование им в пространстве вездехода. Тут же явно требуется или складная конструкция, или выдвижная.

Обсудили мы эти моменты с товарищем, а он мне и говорит:

— Знаешь, после событий в Грузии вопрос о вооружении для обозников уже не раз обсуждался, особенно при той популярности, которую завоевали гусеничные транспортёры. Давай-ка составим с тобой толковую записку на имя Григория Семёновича, только ты схему набросай, а потом мы через интендантское ведомство оформим всё, как положено.

На том и расстались. А через пару месяцев вызывают меня в Тулу — там что-то вроде комиссии по приёмке нового образца. Неказистая вышла

машинка, но, как я и просил, примитивная — рожок на двадцать патронов в два ряда, вперёд торчит голый довольно длинный ствол с мушкой, пистолетная рукоятка и откидной приклад рамочного вида. На двести метров в поясную фигуру попадает, на триста — тоже иногда попадает, если одиночным, а если очередью — то намного чаще. Мушка спрятана в кольцо, переводчик типа огня в наличии, хотя и решён непривычно. Да и не переводчик это, а два спусковых крючка. Один — для одиночной стрельбы, другой — для автоматической. Это конструктор Токарев постарался. Думаю, многое было у него наработано раньше, вот и получилось так быстро, как только пришло задание под мысли, ранее крутившиеся в голове.

Мы в основном капризничали по поводу удобства носки при пролезании через узкие проходы но, намучившись, решили, что в подобных ситуациях боец будет держать оружие в руке. В общем, вышло нечто, похожее на немецкие автоматы времён Отечественной, только полегче и покомпактней. Э... мы же не Государственной комиссией приехали, а ведомственной — от интендантской службы. Нас честно предупредили, что, если три рожка выпустить подряд в автоматическом режиме — ствол перегреется. Ну так это — вечная проблема любого скорострельного оружия, кроме пулемёта Максим с водяным охлаждением.

Заказ на ППТ для вооружения обозников интендантское ведомство оформило и премию конструктору выписало. Так что — все остались довольны.

* * *

Потом были письма от друга с Дальнего Востока. Как раз туда и отправили после окончания курсов моего боевого товарища. Вернее, наоборот — его оставили служить в столице, но на самом деле он не вылезал из командировок по горячим точкам — а в этот период японцы постоянно устраивали провокации и на границе, что проходила по Амуру, и по полосе сухопутной территории в Маньчжурии вокруг КВЖД. Войск наших в тех краях было не так много, как хотелось бы, поэтому перебрасывать живую силу и вооружения в самые разные места приходилось часто, а грузовики в тех краях не везде способны пройти — вот и гоняли гусеничные транспортёры.

Кобыланды как раз и налаживал службу бранзулеточных взводов, что стали заводить при каждой автороте. Софико писала Анне встревоженные

письма, после прочтения которых супруга моя наведывалась на завод и внимательно смотрела, хорошо ли мы делаем транспортёры — видно, не раз жизнь нашего друга зависела от надёжности этой техники. После того, как она чуть не зашибла парня, забившего молотком шуруп на внутренней обшивке кабины, военпред Кузьмин хотел её даже нанять в приёмку, но она не пошла — трое детей и хозяйство — некогда ей. Но изредка заглядывать обещала.

Завод наш, согласно плану, ремонтировал речные суда — это было основной задачей. Гусеничные транспортёры тоже делали мы, но не только для интендантов и погранцов, а и на продажу — у них вместо водительской и пулемётной башен были пристроены простецкие деревянные будочки, остеклённые на все стороны. Кроме того в разросшемся инструментальном цехе выпускали пневмоинструмент — шлифмашинки и гайковёрты. За ними вечно выстраивались в очередь приезжие снабженцы — так что завод не бедствовал, и директор относился ко мне просто замечательно — он — мужик с большим понятием. Хоть и числился я по-прежнему сварщиком, но были для меня и щедрые премии, и помощь со стройматериалами и с чем-то иным тоже никто никаких препятствий мне не чинил. Вот и отстроил я нам с Анной хороший кирпичный дом с водопроводом из собственного колодца, и канализацию мы с соседями сделали на квартал — тут удобные уклоны к Мурне ниже железнодорожного моста и озерцо заливное, куда и устроили сток. В общем, мы с инженером Федотовым, которому я за символическую цену уступил свой прошлый участок, приспособили дома котлы на мазутном топливе — и получилось у нас совсем городское жильё со всеми удобствами.

Так эти котлы на заводе тоже потихоньку делают, да продают. А ещё припомнились мне конвекционные печи медленного горения — это уже для твёрдого топлива вариант взамен получивших в войну распространение прожорливых буржук.

Анна как-то сказала, что не хотела она идти замуж за работника, а теперь поняла, что была не права.

— А за кого же ты хотела? — спросил я озадаченно.

— За воина, — ответила, нахмурив брови, — каким мой Никодим был.

— Он же на пароходе работал!

— А до этого воевал против Советской власти ещё в гражданскую. Он же из казаков... — а больше я из неё ни слова не выдавил, с какой стороны ни задавал вопросы. Только ещё сказала, что друг мой — казах — тоже воин. Это, мол, сразу видно по ухватке.

Вот так и узнал я, кто таков на самом деле. Анна же, сдаётся мне, тоже

казацкого происхождения. Слышал я в своё время, что были такие Астраханские казаки. Ну да отсюда и до Дона недалеко, может статься, что оттуда родом и супруга моя, и вся её родня.

Я почему так на этот счёт переживаю — в селе Владимировка уже началась коллективизация, и не за горами тридцать седьмой год. Старшему сыну аккуратно в школу идти будет пора в это тревожное время — он у нас с тридцатого. Второй и третий — погодки — с тридцать второго и тридцать третьего. А больше нет пока, хотя мы с супругой ни в чём себе не отказываем.

Новый дом у меня построен сразу с большим крепким подвалом. Ещё по той, прошлой жизни я знаю — будущая война досюда не дошла. Но пристань и завод бомбили, даже местные жители поминали железную баржу, что долго лежала под берегом, утопшая от авианалёта. Под ней, говорят, жил огромный сом — такая тут ходила страшилка, что он был способен утащить под воду купающегося человека... правда, жертвы его не упоминались.

Однако, не про байки речь, потому что сейчас их ещё не придумали, а про то, что убежище какое-никакое для своих домочадцев я сделал, места для хранения съестного припаса приготовил, а по возрасту деткам моим в армию не идти до самой победы.

Я же, как был рядовым, так и останусь, потому что не воин. Вот и будет моё дело пехотное, когда час придёт, потому что как раз тридцать шесть лет в сорок первом мне и стукнет. Вернусь ли, нет с той будущей войны — кто знает. Но на фронт пойду в хорошей физической форме, для чего и сам гимнастику делаю, и сынов к физкультуре приучаю. Старшенький из Маузера уже вполне неплохо стреляет... младших тоже научу.

* * *

Про пулемётную башню расскажу. Мы над ней немало работали, так что, есть чем похвастаться. Дело в том, что авиация очень любит на разные колонны сверху пикировать, бомбы бросать и из пулемётов обстреливать — это в моё время во всех фильмах про войну показывали. Вот поэтому пулемётный ствол у нас поднимается высоко — на шестьдесят градусов. Выше просто целиться неудобно — поэтому и не старались задрать его шибче. И спереди очень хорошая броневая маска — не взять её ни из пулемёта, ни из винтовки.

Это нарочно так сделано, чтобы боец, когда метит в лоб пикирующего на него вражеского самолёта, был спокоен и уверен в собственной неуязвимости. Дело в том, что при таком ракурсе, когда поперечные смещения цели невелики, вероятность её поражения максимальна — остаётся похлопотать только о душевном спокойствии стрелка, чтобы глаз его не подвёл и рука не дрогнула в решительный момент. Когда я про это отписал Кобыланды, он нарочно стрелков-бранзулетчиков проинструктировал и провёл специальные тренировки, а потом доложил — перестали японские пилоты пугать транспортные колонны, потому что любители этого дела как-то быстро закончились.

Вообще-то это чаще были провокации, чем вразумительные нападения... так прекратились они.

Так вот, продолжу про башню. Я её всячески старался «расплющить» — сделать, как можно ниже. Поэтому голову стрелка разместил левее, для чего и окуляр прицела туда перенёс, усадив наводчика на прикрепленную к башне же скамеечку. За уменьшение высоты пришлось заплатить возросшей шириной, потому что хвостовая часть ДК при подъёме ствола должна была уйти вниз мимо плеча. Естественно, первой мыслью было сместить ствол вправо от оси, но тогда отдача начинала поворачивать всю конструкцию. А это можно было преодолеть только сделав механизм поворота башни, способный противостоять крутящему усилию.

Я так подробно рассказываю потому, что ничего не выходит запросто. В конце концов механизм наведения получился с двумя маховиками — вертикальным и горизонтальным — и педальным спуском, потому что обе руки заняты. Для тридцать третьего года это было очень круто. Плюс широкий и низкий зеркальный перископ на крыше — через прицел панорама обзора невелика, а осматриваться необходимо. Приборы наблюдения пришлось делать самим — даже интенданты на могли отыскать серийно выпускающихся изделий подобного назначения. Не знаю даже, то ли из-за секретности, то ли я неправильно объяснил Кузьмину, то ли ничего подобного пока просто нет.

Впрочем, неподвижный перископ — вещь тривиальная, а крутить по сторонам всей башней не слишком затруднительно.

Ещё расскажу про радиосвязь. В эту эпоху рации для установки на подвижных объектах весьма громоздки, капризны и нежны. Лучшие образцы — у флотских. Вот такую мы и попытались разместить на бранзулетке в кабине между башнями. А к ней ещё и радист требуется непременно, потому что нужно всё время «держат волну». Так она у нас ни в какую не вставала — великовата для этих объёмов. Я уже не знал, как

и быть-то, но вдруг нам улыбнулась удача — привезли настоящую танковую рацию. Ох и радости было! Но, что плохо — только одну. То есть даже проверить наличие связи совершенно невозможно.

Снова уехал снабженец в стольный град и вернулся он оттуда виноватым и обиженным:

— Сказали, что больше нам радиостанций не дадут, потому что выделяют их строго по счёту для новых танков, и то не всех, а исключительно командирских. Ни за какие деньги не продадут. Зато могут поставлять вот такую сборку — говорят, что это без проблем, потому что военпред пересчитывает изделия на более поздних этапах изготовления.

Вздыхнул я и давай разбираться с этой железякой и торчащими из неё лампами. Нет, сам-то я не радиолюбитель, но в электрике понимаю, постоянный ток от переменного отличаю и умею измерять напряжение. Ну и собранная рация у меня имеется — есть куда заглянуть, чтобы подсмотреть, как там что к чему приделывается.

А в электронных схемах той поры многое не так, как нынче. Для ламп нужны два напряжения — высокое анодное и низкое накальное. И то и другое я обеспечил, подключив последовательно нужное количество секций аккумулятора. Микрофон и наушники от наших переговорных устройств тоже нашёл куда подключить — разъёмов, правда нет, но проводочками соединить — не проблема. Внешние выключатели, антенный вывод — всё сделал, как на собранной рации. Оно возьми, и заработай.

Дальше оказалось дело техники — взяли аккумуляторы небольшого габарита, а они доступны, и собрали цепи так, чтобы при зарядке от генератора банки были подключены на низкое напряжение — параллельно, а при работе — на высокое — последовательно. На самом деле никакого параллельного включения там нет — каждая низковольтная секция заряжается отдельно, отчего время заряда растягивается, и сам процесс требует присмотра, зато получилось дубово и, главное, доступно. Оставалось выгнуть корпус точно по месту и обеспечить подключения.

Постарались органично «вписать» новое оборудование в интерьер, тем не менее, недавно просторная кабина стала совсем тесной — если кому-то нужно выбраться наружу — радисту тоже приходится вылезать наверх — иначе никак не протиснуться. Зато появился член экипажа, способный присматривать за внутренним переговорным устройством. Зачем радист, спросите? А затем, что на танковых рациях волна тоже уходит, и присматривать за ней обязательно кому-то нужно.

Добавлю ещё огромное количество запчастей к транспортёрам, что у нас непрерывно запрашивают всё те же интендантские службы. И солдаты

интендантского управления по полгода проводят на заводе, работая на сборке, обкатке и испытаниях машин. Нам — дополнительные рабочие руки. Армии — отличные мехводы, знающие технику до последнего винтика.

* * *

Так и проходили годы за мирными делами и домашними хлопотами, изредка скрашиваемые короткими приездами моего боевого товарища. О своей службе он рассказывал мало — обычно короткие эпизоды, проливающие свет только на то, что наши машины могли бы быть и совершенней. Ну и небольшие тактические этюды мы разыгрывали. Я его постоянно склонял к мысли, что врага надо уничтожать пушечным огнём с закрытых позиций, а всю остальную деятельность подчинить этой цели. То есть — артиллерийской разведке, доставке орудий в точку залпа и подвозу боеприпасов — а то, мне казалось, он слишком увлечён традиционным принципом фронтальной атаки.

Как же я в нём ошибался! Мог бы сообразить, между прочим! В тридцать втором году в петлице у него был кубарь, в тридцать пятом — шпала, а в тридцать седьмом... в тридцать седьмом произошло вот что:

Наш местный НКВДэшник Дмитрий Иванович Агеев пришёл к нам домой вечером и сказал, что мне следует срочно собираться и явиться туда, куда меня доставят, а более определённого ничего не сообщил — мол, и сам не ведает. С работой он всё уладит — не осерчает на меня руководство, если не выйду в смену в обычное время.

Собрался я, как в тюрьму, обрядился в свою старую армейскую форму, с Аней попрощался, будто навсегда, показал, где заначка, научил, как себя вести и что отвечать — судя по всему: ни её, ни сынов наших репрессии не коснутся, но строгие дяди неудобными вопросами запросто могут побеспокоить. Она мне яиц варёных собрала, отварной картошки молодой целый чугун, сала... второй мешок образовался. Потом уже Агеев меня на мотодрезине отвёз через Мурню на станцию Ахтуба, а оттуда машиной в степь к самолёту. Как я понял — это какой-то АИР, потому что пассажирский верхнеплан — видывал я такие на картинках про историю авиации. А тут прохаживается военный в чине комкора и поглядывает на наручные часы. Вот ему меня и представили: «Беспамятный Иван Сергеевич доставлен». Ни гражданином Дмитрий Иванович меня не назвал, ни товарищем — чувствую, сомневается он в моём статусе на

данный момент.

Я тоже сомневался, поскольку не силен на предчувствия, поэтому ничего определённого насчёт своей будущей судьбы представить себе не мог. С одной стороны — меня не арестовали дома, с другой — год нынче уж больно страшный. Донос? Да, вроде, особо некому. Я специально так строил жизнь и отношения с коллегами, чтобы держаться в тени, никому не мешать и не вызывать зависти... хотя, тут наверняка не скажешь — люди порой такому завидуют, что диву даёшься, а уж какие пакости они от этого способны совершить — слов нет.

Однако, решил «икры не метать», держаться спокойно. Потому что тогда меньший «откат» пойдёт на семью. Это я свои переживания описываю — были они у меня нешуточные.

Поглядел на меня комкор неодобрительно, да и говорит:

— Садитесь в самолёт, красноармеец, — и сам тоже следом забрался.

Глава 5. Приграничные конфликты

Взлетели мы и пошли на восток — это я понял потому, что Волга так ни разу внизу и не появилась. Она нынче разлилась от половодья, никак не пропустил бы — идём-то мы на удобной высоте, землю прекрасно видно и никакой тебе облачности. Шум в салоне умеренный, даже разговаривать можно. Собственно, тут ко мне этот комкор и пристаёт, голос уверенный, и первый же вопрос буквально сносит с ног:

— При каких обстоятельствах вы познакомились с басмачом Кобыландыевым?

«Ах ты, — думаю, — плесень, гэбня кровавая в бою не бывавшая... счазз... всё тебе расскажу»

Вслух же, сдерживая вскипающую в душе ярость, изложил я следующее:

— С красноармейцем Кобыланды Кобыландыевичем Кобыландыевым я познакомился летом тысяча девятьсот тридцать второго года — на военных сборах. Потом мы оба вместе с частью, где проходили службу, были направлены в зону боевых действий. Там красноармеец Кобыландыев буквально у меня на глазах проявил себя умелым и инициативным защитником Советского строя и завоеваний Революции — образцово выполнял задания командования, был беспощаден к врагам нашего отечества. Он дисциплинирован, выдержан, характер имеет твёрдый, стойкий. К женщинам относится тактично, семейные узы хранит надёжно. С соратниками поддерживает ровные деловые отношения.

«Вот тебе, — думаю, — моя позиция»

— Благородно, конечно, товарищ Беспамятный, что вы так хорошо отзываетесь о фронтовом друге. У нас тоже не возникало к нему никаких претензий, до последних событий на Дальнем Востоке. А потом были собраны дополнительные сведения о его юности, и установлено, что он не так прост, как кажется. Нашлись люди, видевшие его в одной из банд, действовавших в Туркестане в конце двадцатых годов. Более того, есть основания полагать, что он был курбаши — главарём целой шайки, сновавшей за границу, словно к себе домой. Последнее свидетельство относится к тридцать первому году, а в тридцать втором Кобыланды появляется уже в окрестностях Астрахани в качестве мирного жителя и призывается на военные сборы.

— И что, он даже имени не изменил? — удивился я.

— Это имя переводится как «отважный леопард», — в голосе собеседника послышалась ухмылка. — Не мог мальчишка от него отказаться. Кстати, наши его не так-то упорно и искали — просто заметили, что банда перестала появляться из-за кордона, ну и успокоились.

— А они что, сильно зверствовали? — продолжил я расспрашивать.

— Свидетельств об этом не найдено — поминалось, что гоняли стада с нашей стороны на сопредельную, а оттуда возили контрабанду. Есть даже непроверенные подозрения, будто или действовали подкупом, или очень хитроумно водили за нос пограничников. В общем, упоминаний о боестолкновениях с бандой курбаши Кобыланды в архивах не нашлось. Зафиксированы слухи о ссоре между ним и другим атаманом, но ненадёжные.

— Тогда не вполне ясно, — выражаю я сомнение, — каким образом юнец смог возглавить вооружённое формирование. На Востоке ведь уважают седины...

— Дерзость и жёсткую руку там тоже ценят, — последовал ответ. — По анкете твой подзащитный — сын чабана. Так вот — эти данные подтвердились. Он действительно сын чабана. Очень уважаемого чабана. Настолько уважаемого, что люди к его имени сзади прибавляют словечко «бай». Впрочем, к Советской власти он лоялен, в сопротивлении курсу партии замечен не был.

По мере развития разговора возникало впечатление, будто это я веду допрос. Ох, неспроста это — не иначе, сейчас умышленно притупляют мою насторожённость, чтобы выяснить нечто важное. В общем, как-то всё не так.

Сижу, молчу. Мне ведь ещё обещали рассказать о каких-то «последних событиях» на Дальнем Востоке. По лицу собеседника вижу только, что он недоволен, а о других его эмоциях судить не могу. Вот и выжидаю.

Комкор тоже рта не раскрывает, не продолжается наш разговор. Ох, чую, что-то не так. Не обвиняемый я, не подследственный, но и не свой в этом диалоге. Наконец, я не выдержал этого неустойчивого положения:

— Так что там за последние события на Дальнем Востоке? — спросил, а самому стало тревожно. Помню краешком памяти, что командующего Дальневосточным Военным Округом репрессировали где-то в эти годы. Помню не из нынешних газет, а из прошлой жизни, из будущего. Вроде как он как-то неправильно командовал и что-то то ли развалил, то ли завалил.

— По инициативе интендантских служб при авторотах были созданы бранзулеточные подразделения для работы в условиях бездорожья, —

послушно принялся излагать мой мрачный собеседник. — Ваш друг как раз курировал эти мероприятия. На их основе возникли также и скромные конвойные формирования, предназначенные для охраны обозов на марше. Всё выглядело просто прекрасно. Кобыландьев проводил колонны по сложным маршрутам, выдерживал серьёзные стычки с белобандитами и выручал наши заставы, подвергшиеся нападениям с сопредельной стороны. Получал награды и повышения по службе. И вдруг во время очередной провокации японцев один из охранных батальонов под его командованием на гусеничных транспортёрах своим ходом пересек пограничную реку в двадцати километрах от места событий.

В течение трёх часов они преодолели считавшуюся непроходимой местность и, заметьте, артиллерийским ударом смели охрану... — мой собеседник кивнул ординарцу, который жестом волшебника развернул перед нами карту — ...вот здесь, от моста, после чего перенесли огонь на расположение японского гарнизона вот здесь. На чужой территории, вы понимаете?!

— А как он добрался до места, где переправился? — проявил я недоумение.

— Баржей шли, пока она не села на мель. Впрочем, освободившись от груза, судно смогло вернуться, — пояснил мой собеседник.

— Я же говорил, что товарищ Кобыландьев инициативный и умелый защитник нашего отечества, — завёл я старую шарманку.

— Перестаньте ёрничать, — взвился мой собеседник. — Вы понимаете, что ни с того, ни с сего обозники оказались способными решать сложные боевые задачи наступательного характера. Подразделения японцев, блокировавших пограничную заставу, они перебили частично миномётным огнём, частично из пулемётов, причём вели огонь с сопредельной территории на свою сторону. После чего отнюдь не успокоились, а пошли от одного японского гарнизона к другому, снося их, словно кегли плотным артиллерийско-миномётным огнём.

Этот бывший басмач, практически, объявил войну Японии на территории оккупированной ей Маньчжурии... хотя, там сейчас Манчжоу-Го, но не оно заказывает музыку, а самураи.

Так вот! Связи с нашим батальоном нет — информация идёт от противной стороны по дипломатическим каналам. Императорская армия уже собрала нешуточные силы и двинула вот сюда, — комкор показал карандашом на ничем не примечательную точку, через которую проходила ниточка, обозначающая сухопутную дорогу.

Я взглянул на окружающие её пометки и плотоядно ухмыльнулся:

— Ох и огребут самураи! Как бы они после этого не попросили нас обратно принять КВЖД в знак искренней признательности за отзыв подобной опасности от их чернявых головушек!

— Вы что, полагаете возможным издеваться?! — вспылil мой собеседник. — Скажите — у вас есть возможность повлиять на действия этого закоренелого бандита?

— Конечно, — отвечаю. — Как только окажусь рядом с ним, немедленно попрошусь в строй, чтобы с оружием в руках помочь ему наказать наглецов, осмелившихся покуситься на нерушимость наших границ.

— Иван Сергеевич! Вы совершенное дитя в вопросах политики. Ну нельзя же в вашем возрасте столь буквально понимать всё, что пишут в газетах!

— А мне, товарищ комкор, и не положено ничего особого понимать — в мирное время я рабочий. Сварщик моя профессия. А в военное — красноармеец моё звание. Что велят, то и делаю.

— Помилуйте, батенька, не пытайтесь городить подобную чушь. Нам прекрасно известно, сколь много сил и изобретательности положили вы на создание этих... бранзулетов. И сколь тщательно трудились над разработкой тактики их применения в боевых условиях. И Дмитрий Иванович и Григорий Семёнович крайне лестно отзываются обо всей вашей деятельности на протяжении целого ряда лет.

Я вздохнул понимающе, — ясно, как день, что те, кому положено, знают про меня всё, что им нужно.

— Но проучить наглецов всё-таки необходимо, — заявил я упрямо. — И хорошо, что есть кому. Всё равно через пару лет на Халхин-Голе придётся это сделать. А так — раньше на пару лет начинаем получать боевой опыт, причём опыт положительный. Надеюсь, снабжение группировки басмача Кобыландыева не было прервано с нашей стороны?

— Да хрен её прервёшь — он сразу всё, что надо завёз баржами, даже госпиталь с хирургами у него с собой. И целую автороту успел переправить. Боевые части, что стоят в тех краях превратились в растревоженные муравейники — молодые командиры все, как один, просятся в интенданты, причём обязательно в бранзулетчики. Да и не басмач он, если честно — комбрига ему недавно присвоили.

— Поделом, — отвечаю. — Заслужил. Знаете, я конечно понимаю, что возникли определённые дипломатические затруднения, но держать лицо всё равно придётся. Так что, пускай японцам ответят — присутствие наших войск на их территории будет прекращено, едва будет покончено с

бандитскими шайками, нарушающими границу. А мы посмотрим, как наш басмач выполнит маневр вывода войск с сопредельной территории. И поможем, чем можем — например, нанесением отвлекающих ударов в нужный момент. Поиграем на его стороне — он ведь — наш человек.

— Этот наш человек уже пятый день, шерстит японцев... — брызнул слюной комкор.

— Он с оружием в руках выступил на защиту нашей Родины, — напомнил я.

— Какой вы, право, зануда, Иван Сергеевич.

— Вы ведь везёте меня на Дальний Восток, чтобы я повстречался с нашим героем? Мне бы хотелось оказать поддержку его инициативе, а то упечёте его сгоряча в подвалы кровавой гэбни и не будет у нас в годину испытаний обученных и прошедших боевое слаживание мотострелковых войск!

— Про годину испытаний, кровавую гэбню и будущие события на Халхин-Голе мы, надеюсь, потолкуем в другой раз. С глазу на глаз, — комкор оставил меня в покое и принялся что-то строчить. Я, чтобы не подглядывать, стал раздавать спутникам дорожную снедь. Сопровождающий отделенный, наверное вестовой, откупорил термос с заметно остывшим чаем — следующая посадка, говорят, в Оренбурге. Что-то далековато, на моё рассуждение. Кажется, в это время перелёты такой длины делались только после соответствующей подготовки. Хотя, могу и путать — в эти годы авиация развивается семимильными шагами, а я, признаться, не отслеживал — редко заглядываю в газеты.

* * *

Итак, кому-то потребовалось свести вместе меня, моего старого товарища и... думаю, поговорить. Не иначе, комкор направлен к месту событий, чтобы разобраться в вопросе, заинтересовавшем руководство страны. Так я рассудил, распустил скатку с шинелью и хорошенько в неё упаковался — нынче в салонах самолётов нет климат-контроля. Солнышко, конечно, припекает через окошки, но всё равно атмосфера бодрая.

Пилоты сменяли друг друга, одна за другой следовали посадки для заправки горючим. Мы выходили размять ноги и по иным вопросам — сортира в нашем авиалайнере конструкторы не предусмотрели. А мы даже ночью продолжали лететь. То есть, сели в сумерках, долили горючего и взлетели уже при свете фары. А следующее приземление было на рассвете.

Одним словом — шибко торопились. Байкала я не видел — мне сразу показали Амур — он тут ещё не так широк, как в низовьях, но всё равно река уважительная.

А потом мы сели на луговину с выкошенной травой. От кромки леса к нам сразу направилась полуторка, а я, пользуясь простором, скатал свою шинель и вообще привёл себя в порядок. Мысль, надеть военную форму мне уже казалась не самой лучшей — придётся перед всеми тянуться, иначе огребу... собственно, казусы сразу и начались. Пока прибывший на автомобиле взводный докладывал комкору и отвечал на его вопросы, водитель в звании командира отделения припахал меня на разгрузке бочек с горючим из кузова — насилу убедил его подкатить грузовик к самолёту и уж там прямо из кузова переливать бензин вёдрами в баки.

Впрочем, бочки всё равно скатили и, оставив их злым и усталым пилотам, уселись в машину и поехали куда-то под уклон местности — за нами никто не приехал, только авиаторы прислали заправщиков. Из комкор и «оседдал». Места вокруг красивейшие, грунтовая дорога — след в примятой колесами нескольких машин траве. Часа два мы уворачивались от веток, падая на дно ничем не покрытого кузова, тряслись на корневидных могучих деревьях, а потом выбрались в обжитое место — как я понял — на пограничную заставу.

Несколько крупных изб, между ними вымощенная камнями площадка, флагшток, часовой под грибком. Тут, похоже, о нас предупредили, то есть никаких недоразумений не образовалось и комкора отвели к наблюдательной вышке, а меня отправили на пищеблок. Старший из пограничников со знаками различия ротного так и сказал — а ты, красноармеец, перекуси пока, да ступай к дневальному — скажи, пусть покажет свободную кровать. Это, как я понимаю, он озадачился моим возрастом — явно за тридцать — слишком большим для такого звания.

А был бы я в штатском — совсем другое отношение ко мне проявили бы. Комкор же поглядывал на это с ухмылкой, никому ничего не объясняя. Злорадствовал или потешался — ума не приложу. Так что я поел, помылся в баньке — а она тут завсегда наготове, хотя и без парной, но с тёплой водичкой. Бельишко сменил, пришёл свежий подворотничок, выспался — в избе-казарме несколько бойцов и среди дня дрыхнут, видать из наряда.

Помог на конюшне, с поваром потолковал о том, можно ли в такую жару есть горячий борщ и уселся в тени починять сапог рядовому Суслову — старшина заставы меня попросил. Только положил последний стежок на располосованное голенище — тут и «накрыл» меня комбриг Кобыландыев. Он, оказывается, раньше подкрался и стоял за спиной — ждал, когда

закончу.

— Одно удовольствие, Ваня, смотреть, как ты работаешь — сказал он улыбаясь всей своей мелкозубой пастью.

— Ага, — отвечаю, хлопая его по плечу, — а про тебя только слухи слышать, один другого страшнее.

— Ой, — скривился друг, — почему все прямо по ране угадывают! Только Софико не говори, — спохватился он.

— Можно подумать, не увидит она шрамов на твоей шкуре, — подначил я его. — Ты сколько людей потерял, скажи, как на духу?

— Раненых два десятка и убило пятерых, — вздохнул Кобыланды. — Молодые все, из последнего пополнения. И две бранзулетки на тресе выволокли. На отходе нас накрыли артиллерией с закрытых позиций.

— А где батальон? — спрашиваю.

— Я тебе кто, выходить там где меня ждут? — ухмыльнулся товарищ. — Батальон перешёл границу на участке другой заставы. Пойдем, однако, к карте. Сейчас комкор будет меня дознавать и тебя грушей трясти, — волнуясь, он частенько начинал неправильно использовать слова.

— Поешь, — говорю, — в баньке ополоснись, сейчас я тебе свежее бельишко дам, а командиру на глаза явишься чистым и сытым — терзать он тебя будет, а не дознавать. Злой, как лютая ненависть.

* * *

— Основным видом боя должна быть активная маневренная оборона с засадами, минными западнями и управляемыми фугасами на дорогах. Огненными мешками, внезапными обстрелами транспортных колонн, — толковываю я комкору.

— Это на словах хорошо звучит, а как вы будете управлять своими подчинёнными? У вас что, у каждого бойца имеется рация? И как он с ней перемещается? Или его сопровождают два носильщика и радист?

А Кобыланды слушает наши препирательства и ухмыляется — весело ему наблюдать, как рядовой пытается поучать генерала... генерал-лейтенанта, если я правильно перевел нынешние звания на привычные мне.

Тут входит незнакомый комполка и сообщает:

— На четвёртой заставе второго отряда с сопредельной стороны был обстрелян пограничный наряд, — пока вошедший переводил дух (видно, что запыхался от быстрого бега), комкор ехидно скривил брови и спросил:

— С нашей стороны потери есть?

— Никак нет. Смазали японцы. Однако тут как раз случайно проходил конвойный батальон, который занялся преследованием злоумышленников, для чего пересёк границу и сбил гарнизон ближайшего населённого пункта.

— Карту, — блеснув гневным взглядом в сторону моего товарища, генерал-лейтенант спросил: — У вас ведь три таких батальона подготовлено. Один вы только что вывели из-за реки. А второй, получается, отправили на дело. И не пытайтесь меня убедить, будто всё произошло случайно.

— Реальную выучку войска получают только участвуя в боевых действиях, — поторопился я его успокоить. — Начинать большую войну самураи сейчас не готовы — вот и обкатаем тактику на малых конфликтах, тем более, они сами нарываються. Через год развернём обстрелянные батальоны в полки, а потом к тридцать девятому году тем же способом получим уже три вполне боеготовые дивизии, оснащенные по последнему слову техники и укомплектованные опытными, проверенными в деле бойцами.

— Если вы согласны, — поддержал меня Кобыланды, — большое дело получится для страны и неприятный сюрприз для гидры мирового империализма.

— Вы, товарищи, меня за Советскую власть не агитируйте, — рявкнул на нас «проверяющий». Отдыхайте тут... пока. А завтра покажете мне батальон, что вышел из боя. И не в парадном строю, смотрите, а в самом настоящем обычном состоянии. Я у вестового обмундирование позаимствую — притворюсь младшим командиром на манер сообщника твоего — Беспмятного, а ты, Кобыландыевич, смотри, чтобы без показухи мне.

* * *

Сколько сюрпризов ожидало комкора — в точности не скажу. Но мне их хватило за глаза. Начну с того, что ППТ я не узнал, хотя были они у шестерых из числа восьми членов десанта каждой бранзулетки — на стволах появились дырявые кожухи, как на привычных нам ППШ. Понятно, чтобы боец не обжигал руки о ствол. Кроме того заметно короче стали магазины.

— Пришлось выбирать между ёмкостью и удобством стрельбы из положения лёжа, — улыбнулся отделенный, чей экипаж мы выбрали в качестве жертвы любопытства высокого столичного гостя.

В таком стрелковом отделении просто боец, именуемый стрелком, оказался всего один. Потому что присутствовал там ручной пулемётчик со вторым номером и снайпер, вооружённый незнакомой мне винтовкой с оптическим прицелом. Снайперу полагался помощник-прикрывающий. Ещё имелся собственно командир отделения, телефонист и артиллерийский корректировщик. Как мне пояснили — последний, восьмой боец обычно использовался «по обстоятельствам» — послать куда, посторожить, сбегать глянуть — как оно там...

В оснащении мотострелков сразу бросились в глаза «фартучки», скрепленными на спине лямками и широким поясом напоминающие форменные фартуки гимназисток. Собственно передника спереди почти и не было, вернее основная его часть оказалась на боках, где в кармашках гнездились запасные обоймы, цилиндрические предметы и пистолет с ужасающим стволом — ракетница. Так вот — цилиндрические предметы оказались гранатами, а ракетница — гранатомётом. Она посылала снаряд метров на триста по высокой траектории, но взрывался он, как я понял, не от удара, а по времени. То есть при дальнем выстреле — ещё в воздухе, а при ближнем падал на землю и ждал, пока догорит запал.

Так вот понял мой товарищ идею подствольного гранатомёта. Ну и прилаживать это устройство под ствол никто даже не подумал. Местные умельцы сработали. Но бойцы одобрили, рассказали как «замучили» этими штуками окопавшихся супостатов, когда пристрелялись — выгнали их из укрытий под пули снайпера.

Третий момент оказался для меня просто шоковым. Оказывается, командир машины может в бою связаться по радио с каждым бойцом. В шлемы-будёновки вделаны примитивные детекторные приёмники, способные принять мощный сигнал радиостанции транспортёра на расстоянии чуть ли не полкилометра — этого достаточно, чтобы дать целеуказание или команду на смену позиции.

Комкор часа полтора «играл в солдатики», гоняя ребятешек через микрофон. Успокоился, когда выучил все позывные бойцов этого отделения... хе-хе. Пусть прочувствует, что командирам наука нужна не меньше, чем бойцам.

Да, радики имеются на всех машинах, и пара телефонных аппаратов и катушки с проводом — а как же при такой мобильности без управления и передачи разведданных? Каждое подразделение хоть что-то, да видит и, если вовремя доложит — то у командования легко «сложится» цельная картинка.

Пару дней наш проверяющий выглядел крайне недовольным и бурчал по любому поводу. Ему решительно всё не нравилось. Или это таким образом зависть из него вылезала? Настоящую же проблему он создал нам на третий день:

— У тебя, как я понял, готовится к переходу границы третий так называемый конвойный батальон, — спросил он у Кобыланды. — Так вот — я должен пойти с ним и посмотреть всё это в деле своими собственными глазами.

— Никак невозможно, — отреагировал мой друг. — Пассажирских мест в транспортёрах нет, а на место командира машины человека нужно больше года готовить.

— В десантном отделении поеду, — продолжал настаивать комкор.

— Туда тоже лишнего человека не впихнуть — они и так там, как сельди в бочке.

— Вместо бойца сяду. Переоденусь рядовым — чего там сложного? Небось, справлюсь за рядового красноармейца. И не спорьте — вопрос решённый. Извольте наилучшим образом исполнить, а не устраивать мне дискуссию о невозможности выполнения приказа старшего по званию.

— Точно, — улыбнулся я. — В третьем-то батальоне вас не видели не только комкором, но даже младшим командиром. А мы объясним, что вы от газеты, и что это очень нужно, чтобы правильно описать коварство японских милитаристов.

Потом мы тренировали с комкором посадку-высадку, обращение с ППТ — там два спусковых крючка: один на одиночную стрельбу, второй — на автоматическую. Ну и другие элементы подготовки, как могли, подтянули. Как его «внедряли» в один из экипажей, я не видел. А вскоре мы провожали «бранзулеточный» батальон, отправляющийся на вылазку.

Лоханки числом около четырёх десятков спокойно въехали в реку, переплыли её и скрылись на другом берегу. Ночь, тишина, только негромкий гул моторов и тихий лязг неторопливо перематывающихся гусениц. Почему гул негромкий? Так работал я над глушителями. Не идеально получилось, но выхлоп заметно ослабил. Следом подошла колонна грузовиков — на воду сбросили понтоны, соединили их настилом в паром, и началась перевозка машин на тот берег.

Что-то грохотало вдаль, Кобыланды нервничал, не снимая с головы наушников, после рассвета вдаль за границей пролетело несколько

самолётов. Держать меня в курсе происходящего никто не пытался, да и маловато, думаю, поступало новостей — не до докладов сейчас нашим.

* * *

Ждать — тоскливое дело. Невольно в голову начинают лезть дурацкие мысли, появляются сомнения и как-то неуверенно чувствуешь себя, если ничем не занят. Я слонялся по заставе, стараясь не попадаться на глаза командирам — ну кто меня надоумил одеться красноармейцем! Кто угодно может до тебя доковыряться и куда угодно послать. Хотя, тихо тут, благостно, как я люблю. Ровно стучит в сарае движок, крутит генератор. Стоп! Что за ерунда? Зачем генератор, если вот столбы с проводами и лампочка под потолком в комнате горит? Ну-ка, куда ведет кабель от генератора?

Привел он меня туда, где на столе стоит рация. Рядом — боец в наушниках и мой товарищ дремлет. Солдатик занимается зарядкой аккумуляторов — узнаю своё «изобретение» с переключателями и «указометром» — называть эту головку вольтметром у меня язык не поворачивается.

Другой ящик с аккумуляторами подключен к рации — она от него работает, пока заряжается второй комплект. Получается — мотор-генератор сюда привезли вместе с радиостанцией и радистом на время, пока проводится операция на сопредельной территории. Опа! Парень вытащил отвёртку и отвинчивает винты крепления кожуха рации. Не иначе — какая-то неисправность. Надо помочь. Это ведь я когда-то подключал-соединял в первый раз, значит и в этот раз соображу, что к чему.

Зашёл с крыльца, прокрался на цыпочках мимо спящего Кобыланды и присел рядом с бойцом, придерживая переднюю стенку, уже отсоединённую от остального. Какой культур-мультик! Даже и не знал, что на нашем заводе так хорошо делают. Я тогда научил электриков, да и не заглядывал больше сюда. Кузьмин их проверял при приёмке — вроде претензий не было. И немудрено, если тут такая икебана! А это что за незнакомая связь?

Кажется, я спросил вслух.

— Так переключатель средневолнового передатчика, Иван Сергеевич!

— Не понял, — удивился я. — Писано же было в руководстве, что рация коротковолновая.

— Так она и есть коротковолновая, — захлопал глазами радист. — На

средние переходят, когда отдают команды бойцам на детекторные приёмники. Короткие-то волны куда сложнее детектировать, — пояснил он таким тоном, словно это всем известно.

Я упёрся взглядом в гнущееся из металла шасси, из которого торчали радиолампы, пачки пластин переменных конденсаторов, заглянул сзади, где натянулись между изолирующими колодками резисторы и разной формы незнакомые финтифлюшки. Ох так ничего себе технический прогресс! Вообще непохоже на первый экземпляр, побывавший когда-то у меня руках.

Проснулся Кобыланды. Похоже, моё изумление не было беззвучным, а дремлет он чутко.

— Принимает? — спросил он у радиста.

— Так точно. Клемму переобжал.

— Ступай, Игнат, прогуляйся до ветру. Я послушаю, — мой друг отправил прочь лишние уши. — Что, понравилось? — это уже вопрос ко мне.

— Тут маркировано не по-нашему, — ответил я невпопад.

— У Софико есть родня. Из бывших. Эмигрировали они после революции. Вот один троюродный и делает маленький гешефт. Оттуда готовые блоки, отсюда — чёрная икра. Ну а канал передачи... хм, — Кобыланды помедлил немного. — Да не надо тебе этого знать. Завод покупает сборку у артели «Красная медь», прячет в самодельный кожух — всем хорошо. Не бери в голову и про наш разговор забудь.

* * *

Через три дня с противоположной стороны начали возвращаться грузовики. Некоторые везли раненых. А ещё через пару дней приволокли на тросе несколько повреждённых «бранзулетов» — их переправили на наш берег всё тем же понтонным паромом.

Потом я наблюдал возвращение батареи трёхдюймовок: установленные в грузовых отсеках гаубичной длины стволы казались обрезками зенитных орудий — так уж придумали их устроить. Плыли пушечные транспортёры неважно, глубоко погружившись в воду, отчего сердце замирало — уж очень немного оставалось на поверхности высоты до обреза открытого кузова. Станные чувства они у меня вызывали — эти уродцы. С одной стороны направленные при транспортировке вверх стволы выглядели очень убедительно и производили грозное впечатление. С

другой — стрелять из них было можно только при больших углах возвышения, когда отдача направлена преимущественно в землю. Грубо говоря, цели, расположенные ближе трёх километров были для этих орудий досягаемы только с применением ослабленного заряда — так уж получились у нас возможные углы возвышения, что пришлось вернуться к раздельному заряданию. При попытках стрелять прямой наводкой из-за малой массы машины происходила такая её раскачка, что ствол задирался и снаряд уводило вверх.

Словом, это оружие работало только с закрытых позиций или издалека. Наши попытки создать сзади опору в виде бульдозерного ножа-отвала к успеху не привели — с ним транспортёр окончательно перетяжелелся, разбалансировался и в воде погружался кормой вперёд. Слишком маленькую и лёгкую машину мы сделали...

Наконец появились основные действующие «лица» — транспортёры с десантом. Они деловито вступили в реку и неспешным ходом преодолели её. Выбравшись на наш берег ядро вышедшего из «поиска» батальона стало втягиваться в лесную дорогу, ведущую от заставы, на которой мы квартировали. Одна из машин отклонилась в нашу сторону, остановилась ненадолго, «выпустив» из длинного верхнего люка коренастую фигурку, а потом почапала туда же, куда и все.

«Фигурка» же направилась в нашу сторону. Комкор — вот кто торопился выразить нам своё... интересно, что?

* * *

— Ну, вы и прохиндеи, — заявило начальство, сидя в заставской столовой и уплетая за обе щёки аппетитно пахнущее горячее варево. — Это же просто машина войны какая-то, а не конвойный батальон. Чуть какое затруднение встретят — подтягивают артиллерию и крошат японскую оборону с зарытых позиций.

— Большой расход снарядов, — вздохнул Кобыланды. — Нам бы нормальные самоходки, чтобы могли работать прямой наводкой, не опасаясь никакого огня...

— Что за самоходки? — вскинулся комкор.

— Вроде танка, но без башни. С толстым лбом и мощной пушкой.

— Такие не плавают, — одёрнул я размечтавшегося друга. — Сразу лишишься свободы маневра. Да и ресурс ходовой у них заметно меньше, чем у нынешних лёгких транспортёров.

Проверяющий передал опустевшую миску повару и жестом потребовал у ординарца бумагу и карандаш:

— Ну-ка, нарисуй в общих чертах, — повернулся он ко мне.

— Не, ну нормальную пушку нужно ставить на более тяжёлую машину, а для этого потребуются двигатели куда как мощнее. Наши-то крошки на своей мягкой подвеске так и будут подпрыгивать от каждого собственного выстрела.

Несмотря на столь категорическое утверждение, я принялся прорисовывать вариант удлиненного до пяти метров корпуса, добавив с каждой стороны по два катка — это позволяло мне увеличить массу машины тонн до семи с половиной. Тогда в лоб и в щит пушки удавалось поставить листы толщиной миллиметров двадцать пять, но крыша боевого отделения и часть его задней стенки надёжно не влезали в балансировку, а поворот ствола ограничивался теми самыми пятнадцатью градусами, что я и обещал когда-то. И, судя по всему, без дульного тормоза никуда не денешься. А это значит, что при стрельбе из окопа пороховые газы поднимут столбы пыли.

Получившийся силуэт показался мне знакомым — не иначе — в будущей войне нечто подобное применялось какой-то из сторон.

— Вот, — сказал я завершив эскиз. — Но плавать эта машина не будет никогда. И вообще, в пределах имеющейся концепции унифицированной ходовой части достигнут предел, как размера повозки, так и её массы.

— Штабную ещё нарисуй, тоже длинную, но без пушки, — вдруг вспыхнул комкор. — В этой тесной жестянке едешь, словно жук в спичечном коробке, толкаясь плечами на каждом ухабе. Но, чтобы плавала, — спохватился он, — негоже командиру отставать от своих частей.

Мы с Кобыланды переглянулись, и я принялся за работу — у нас появился союзник.

— Так, прохиндеи! — оглядев моё художество, «союзник» придал своему лицу недоверчивое выражение, — как я понял, для обеспечения одного батальона в бою требуется ещё и авторота?

— И инженерный взвод, — кивнул Кобыланды.

— А откуда всё это взять? — погрустнел наш недавний оппонент. — Впрочем, — добавил он спустя минуту, — мысль о разворачивании конвойных батальонов в полки я поддерживаю, а там будет видно.

Мой товарищ достал давно приготовленную папку с обоснованиями структуры мотострелковых частей и штатными расписаниями, а я подумал про себя, что ничего, кроме событий на Халхин-Голе из истории не помню,

но про то, что тут, на Дальнем Востоке, по линии соприкосновения с японцами никогда не было спокойно — знаю наверняка. А ведь три полка — это уже дивизия. Если она себя хорошо зарекомендует в предстоящих через пару лет событиях — процесс утращения численности войск высокой мобильности, возможно, захотят продолжить... три дивизии к сорок первому году, это уже кое-что на весах противостояния с фашистской Германией. Если получится — может быть на начальном этапе войны не произойдёт таких грустных событий, как в известной мне истории? Ведь у западных границ страны местность отнюдь не степная — для активной маневренной обороны очень даже пригодная.

* * *

Поговорить со мной комкор не забыл.

— Так какой такой кровавой гэбне вы мне давеча толковали, Иван Сергеевич?

Вот она, моя несдержанность, довела-таки до необходимости отвечать за распущенный язык. Я заметно сник и замешкался, отчего собеседник набылчился и ударил кулаком по столу:

— Не стройте мне глазки, красноармеец Беспамятный. Отвечайте чётко и внятно.

— Так, это, не могу знать, вашество! — я вскочил и вытянулся во фрунт, смахнув с головы будёновку и положив её на локоть левой руки, приподнятой к груди. Меня как в двадцать девятом по голове вдарили, бывшее запаматовал, а только мысли разные в голову ни с того ни с сего приходят и слова непонятные всплывают.

Комкор тоже вскочил и вытянулся — кажется это в нём проснулся старый рефлекс ещё от дореволюционных времён — не иначе, с Империалистической.

— Слова, говоришь! Ну-ка, назови ещё какие-то другие. Непонятные.

— Геймер, Интернет, чифанить, блютус, юэсби.

— Чего же непонятного! Английские слова. Игрок, вход в сеть, третье действительно непонятное, синий зуб и аббревиатура опять же английская, судя по произнесению названий букв. Ты что, до удара по голове знал этот язык?

— Не помню, товарищ комкор.

— А почему ко мне обратился по форме ещё той армии?

— Не знаю. Думаю, от волнения. Непонятные мысли и побуждения

возникают у меня, когда волнуюсь. Вот как на друга моего начали вы наезжать, так я сильно перенервничал. Но на людей не бросаюсь — тихий я. Однако чую — полезут японцы на Монголию в тридцать девятом. А чем чую — не пойму.

— Тогда что это за такую за годину испытаний ты предрёк? Ну-ка, напрягись, сообрази. Это может быть важно, — комкор совершенно изменил тон. Теперь он беседует со мной, словно врач с пациентом.

— Думаю, это про то, что германец на нас обязательно полезет. А противник он сурьёзный и биться с ним будет тяжко.

— Хм, здравая мысль. А теперь напрягись и ещё про гэбню доложи. Чем она плоха?

— Так кровавая потому что. Много людей поубивает. В том числе — командиров.

— Ладно, красноармеец, можете быть свободны, — оборвал мои рассусоливания комкор. Но потом добавил совершенно иным тоном: — Ступайте, голубчик.

Глава 6. Первая самоходка

Работа над самоходкой прошла относительно быстро и принесла неожиданный сюрприз — немного увеличив ширину корпуса, удалось сохранить за машиной способность плавать. И всё это, благодаря тому, что по пути с Дальнего Востока я удачно заглянул в Горький.

Признаюсь сразу — это была не моя идея, а комкора. Он и бумаги мне выдал соответствующие, и телеграмму отправил — так что встретились мы с конструктором Грабиным без всякой волокиты. Посмеялись над нашей попыткой поставить на лёгкую машину дивизионную пушку для использования против близких целей, поспорили об эффективности применения полковой короткостволки, а потом довольно быстро прикинули, чем вооружить планируемую машину — за время, проведённое в поезде я многое успел набросать. Главное же — договорились о компоновке боевого отделения и расположении силовых элементов конструкции.

Знаете, когда обо всём позаботишься заранее — потом получается куда проще. Опять же дизели под новые машины пришли стодвадцатипятисильные, да заказ сверху спустили, да деньги выделили. А когда мы с инженером Федотовым новую лоханку вычертили и прикинули развесовку — вот тут плавучесть и вылезла. А вскоре и пушка подросла из Горького.

Мотор у нас снова переехал в самый перёд, отчего водительское место отъезжало назад. — развесовка продиктовала это решение. Баки для горючего ушли под пол в промежутки между торсионами, да и сам пол приподнялся. Это продиктовала забота о просторе для экипажа — им ведь в бою работать нужно, а не плечами толкаться. С брезентовой крышей тоже не сразу нашли удобный вариант.

Потом, как обычно, косяки, недодумки, перекомпоновка носовой части и, наконец, грозная государственная комиссия.

— А почему так тихо ездит?

— А нельзя ли сделать то же самое, но в колёсно-гусеничном варианте, чтобы мчалась быстрее ветра?

— А почему так медленно плавает?

— А давайте проверим, выдержит ли она снаряд тридцатисемимиллиметровой противотанковой пушки?

Спорили до хрипоты. Что любопытно — к пушке тоже придрались за

то, что у неё маленькие углы возвышения, отчего её нельзя использовать для стрельбы по самолётам. А то, что машина переплывает реки и продирается через любые неудобья — это вроде как ничего удивительного. Федотов сильно нервничал — он у нас начальник заводского КБ, так ему и переживания достаются и работа с бумагами, чего я не очень люблю. Зато и плюшки ему достаются самые большие. Вот он и объяснял, что по доступным материалам лучше сделать никак невозможно. А я возил комиссию по разным неудобным дорогам... и зря они на скорость бочку покатали — сороковник мы вытягиваем.

Помаленьку как-то всё успокоилось, и нам «спустили» заказ на опытную партию из двенадцати таких самоходок. Типа — отправят на войсковые испытания, а уж по их результатам и примут решение. Куда бы, вы думали, их увезли? На Дальний Восток. То есть наши «конвойные» батальоны быстренько прибрали новодел к рукам. А вообще-то в действиях комкора, возглавлявшего комиссию, ощущалась нервозность и торопливость. Защищал он нашу самоходку, как лев, но доверительной беседой меня в этот раз не удостоил. И чего, спрашивается, так нервничать?! Впереди тридцать восьмой год, а в нём, как я помню, ничего примечательного в военном плане не произойдёт.

Зато у нас с Анной старший пошел в школу, через два года — второй подрастёт. А там и третий за ним следом. Одни парни. Супруга же меня стала часто привлекать к исполнению супружеского долга, причём действуя изобретательно и разнообразно. Я как-то предложил ей по старинке на верстачке встретиться, но она ответила, что таким способом одни мальчишки получают, а ей хочется девочку хоть на старости лет.

Насмешила, честное слово. Ей всего двадцать семь — до старости ещё, как до луны пешком.

* * *

После самоходки на той же, возросшей до пяти метров базе мы сделали и штабной фургончик — убрали толстые листы с самого носа перед водительской кабиной и со лба боевого отделения, зато приладили кунг с широкими подоконниками над гусеницами. Ну и дверь в корме сделали полноразмерную. Увы, сто-двадцатипятисильных двигателей под это нам никто не дал, а с маломощным сорокапятисильным они двигались вовсе не так шустро — опять где-то с десяточку выходила средняя скорость. Но это и неплохо — заметно более лёгкий движок

уравновешивался кабиной — то есть балансировка машины не нарушалась.

А потом наступил удивительный период затишья для меня, и всплеск суеты на заводе. Дело в том, что до сего момента я старался делать машины максимально низкими — просто в силу того, что приплюснутый к земле силуэт вдохновителя и примера всех моих затей МТ-ЛБ именно таким и был. Вот я подсознательно его и копировал. Но после самоходки с её заметной надстройкой в корме и штабного транспортёра с ещё более выразительной пассажирской кабиной в том же самом месте, на завод поступили заказы на технику высокой проходимости самого разного назначения. Их принялись заказывать для ремонтных мастерских, санитарных эвакуационных машин, под мощные радиостанции. Геологи заинтересовались, но с ними уже директор завода отношения налаживал, без военной приёмки. Буровую установочку размещали. Небольшую такую, не глубинную.

По сути, это были просто очевидные вариации, к прорисовке которых меня не привлекали. К этому времени КБ под руководством Федотова набралось опыта и вполне организационно оформилось. Я же числился сварщиком опытного участка — мне часто руками быстрее понятно, чем на чертежах.

Тем не менее, моё положение в цехе было весьма независимым. Официально я по-прежнему оставался обычным рабочим, но реально мог кому хочешь что угодно приказать, кроме начальника цеха и инженера Федотова, полагавших меня своей правой рукой. Вот тут и заработала у меня фантазия. Захотелось, честно говоря, забэцать нечто необычайное, неординарное. Почуял я в себе способность на то, чтобы сказать новое слово в технике.

Понимаете, в каком-то старом журнале в далёком будущем видел я рисунок танка чьей-то мечты с уникально низким силуэтом, где корпус состоял из двух частей, соединённых гибкой сцепкой. Мехвод там располагался лёжа возле двигателя, а башнёр в прицепе находился ниже расплюснутой башни, в которой не было решительно ничего, кроме казённой части орудия. По замыслу конструктора это сооружение должно было стелиться над самой землёй, оставаясь невидимым с мало-мальски приличного расстояния. То есть — в боевом отношении подобное решение выглядело крайне привлекательным: сам всех лупишь, а по тебе почти невозможно попасть, потому что практически не видно. Хе-хе. Даже в средней высоты траве, а не той, что по пояс.

Вот мне и захотелось соорудить нечто крошечное, низенькое, но кусачее.

Уложить мехвода — это, в принципе, решаемо. Нужно только посообразовать, каким образом обеспечить ему достойный обзор. Размеры меньшего из применяемых у нас нынче дизелей позволяют затолкать его в полуметровый просвет — то есть высота корпуса получится небольшой. И этот вариант способен обеспечить мощность почти в полсотни лошадиных сил — не так уж мало для компактной машины. Остается сообразить, чем это создание вооружить.

Ну так, чисто теоретически, знаю — чем больше калибр снаряда или пули, тем более толстую броню она способна пробить. Широко известен факт, что на начальном этапе Отечественной у нас в войска в больших количествах поступали противотанковые ружья. Если поступали — следовательно со своей задачей они справлялись. Зато в фильмах о конце войны этот вид оружия не упоминался — то есть или хватало пушек, или, что важнее, этими пушками научились эти самые вражеские танки эффективно поражать издали, не доводя дело до применения ручного противотанкового оружия.

Точно — в кадрах хроники той поры чаще всего мелькали самоходки, очень похожие на наши — то есть мы правильно угадали с трёхдюймовкой, поставленной на плавающее шасси. Это, конечно, радует. Однако, нужно придумать, чем вооружить задуманный мною крошечный танк. То есть, несомненно, пушкой. Самого маленького из существующих калибров, причём — автоматической, потому что это позволит обойтись без заряжающего.

Идеально маленькая машина должна иметь экипаж вообще из одного человека, но непонятно, сможет ли он и движением управлять, и вести прицельный огонь. В моё время при том уровне развития компьютерных технологий, наверное, подобную задачу можно было бы решить, но у нас сейчас даже танковые башни поворачивают плечевым упором, а для управления движением постоянно недостаёт одной конечности, потому что для поворота нужно использовать два рычага, занимающие обе руки, а ноги давят на газ и сцепление — то есть ни почесаться, ни скорости переключить, не бросая чего-нибудь, не получается.

Нет, не подумайте будто ситуация непроходима — есть варианты для преодоления этих проблем. Я толкую о том, что и рулить, и выбирать цели, и вести огонь в одиночку не получится. А ведь ещё необходимо осматриваться, наблюдая окрестности — иначе мигом вляпаешься. И тут требуются действия не менее, чем трёх человек. Лучше — четырёх. Это я сосчитал радиста, который должен, ни на что не отвлекаясь, «держат» волну. А четверых в совсем уж маленькую коробчонку не запихнёшь. И на

всё это накладывается неопределённость с пушкой — не слыхивал я ни о чём таком у нас в это время. Ни нынче не слышал, ни в будущем не читал.

Помаялся я немного, да и отписал Кобыланды. Поделился с другом «озарением» и всей кучей возникших по его поводу сомнений. Сам же клеил из тонкого картона макетики разных вариантов компоновки — искал шедевральную конструкцию.

* * *

Шел тридцать восьмой год, время от времени появлялись тревожные вести с Дальнего Востока, наш цех продолжал выпускать вездеходы, но чего-либо примечательного, выдающегося не происходило. Постучали в наш дом в ночь на первое сентября — точно помню, как еле уgomонили сынов. Старший, гордый тем, что он завтра идёт во второй класс, задрал младших братьев. Нет, они не расплакались и не раскапризничались — просто подрались. И наш первенец понесёт завтра в школу не только букетик «майоров», но и лёгкую синеву под глазом. Анна довольна — дети растут воинами. Хе-хе. Они вчера за сарем лудили соседский самовар. Я, когда ночью тайком переделывал, остался доволен их стараниями — почти ничего не испортили. Мастерами они у нас растут.

Так вот, уgomонили мы отпрысков и доделывали во дворе обычные мелкие дела, как вдруг постучали в калитку.

— Вань, тут к тебе какие-то военные, — Анне видно вход во двор от того места, где она протирает тарелки. Но почему в голосе любимой звучат тревожные нотки?

— Нехай заходят, — отвечаю. — Я тут под лампочкой. Пускай идут на огонёк, — никакой тревоги в моей душе не возникло — тридцать седьмой-то год уже тью-тю, закончился. А люди в форме бывают на заводе нередко — нечего их бояться.

— Иван Сергеевич Беспмятный? — подошедшие явственно принадлежат к «органам». Тем самым. Потому что петлицы у них малиновые, что мне кажется тревожным симптомом. Тем не менее, согласно киваю и пересыпаю гайки с бумажки обратно в баночку.

Не дождавшись от меня вопросов, парни немного помолчали, невольно следя за тем, как я убираю инструменты и вытираю руки тряпицей, смоченной в уайт спирите.

— Вас вызывают в Москву, — наконец открыл рот первый, повыше ростом.

— Приглашают, — поправил его второй.

По всему видно, что они стараются вести себя вежливо, вот только выходит это у них угловато и неестественно.

— Выезжать прямо сейчас, — интересуюсь.

— Да, товарищ Беспамятный.

— Пойду, переоденусь, присаживайтесь, это недолго.

В доме, куда я вошел, уже горит свет. Анна собирает мне на дорогу снеди, а на столе — сидор с бельишком, свежей рубашкой и мыльнорыльными причиндалами. Одеваюсь по городскому — есть у меня приличный костюм. И вещи перекладываю в чемоданчик средних размеров. Как-никак — в столицу еду.

— Сёмке скажи — будет кляксы ставить — я ему уши повыкручиваю, — говорю на прощание супруге, чтобы хоть как-то рассеять тревогу в её глазах. Знаю — если попросту пообещаю вернуться, она только сильнее забеспокоится.

Никакая машина на улице нас не ждала — да я бы услышал шум мотора, а его не было. Прошли мы до железнодорожной линии, а тут стоит вагон с паровозом и железнодорожник с фонарём. Нормальный вагон, их в эту пору называют «мягкими» — то есть по два места в купе. Проводник весь из себя в форме сразу предложил чаю, а за окном уже мелькают фермы моста через Мурню да колёса постукивают.

В купе я ехал один и кроме проводника ни с кем не встречался до самого Сталинграда — мы быстро докатили, задолго до наступления утра. А тут, пока осмотр вагона, пока смена локомотива, прогулялся. Гляжу — ребята, что приходили за мной, тоже перетаптываются неподалеку.

Потом за окном — то леса, то поля. Других пассажиров нет, один проводник в конце вагона хлопочет. Бежим быстро, напористо. Да уж, сообразить бы, куда и зачем меня таким фон-бароном доставляют. Оно, вроде, и спросить не стыдно, однако, какая-то опаска в душе ворошится. Поэтому делаю морду ящиком и, кроме как насчёт чая, никого ничем не беспокою. Словом — держу фасон и демонстрирую полный фатализм.

* * *

В Москве прибыли мы вовсе ни на какой не на вокзал, а встали в тупичок. Кругом пакгаузы, охрана на вышках, и всё сплошь асфальтировано. Легковушка подъехала прямо «к трапу». Не «Эмка», а заметно крупнее. В салоне просторно, как в лимузине. Движок же спереди

кабины стоит поперёк, словно сундук позади колёс. Этакое чудо незнакомое.

Парни, что меня сопровождали, перекинулись словечком с встречавшим нас офицером, да и пошли своей дорогой. Надо понимать — передали сопровождаемого по инстанции. Пока ехали, новый «нянь» разглядывал мою физиономию безо всякого стеснения, но ни вслух, ни мимикой ничего не выразил. Вид он имел самый безоблачный. То обстоятельство, что зарулили мы не куда-нибудь, а напрямик в Кремль, заставило меня только сильнее напрячься:

«Это что? Уж не к самому ли Сталину меня доставили? Судя по оперативности и слаженности действий — не иначе», — трепыхнулась в голове тревожная мысль.

Пока шли коридорами, я лихорадочно соображал, какими откровениями смогу поделиться с вождём, в отношении которого слышал в своё время столько противоречивых мнений. Поэтому не слишком многое разглядел в приёмной, откуда меня сразу направили в кабинет. Собственно, про убранство кабинета могу определённо сказать только то, что там стоял стол — волновался, уж извините.

— Здравствуйте. Как доехали, Иван Сергеевич? — обратился ко мне хозяин кабинета.

— Здравствуйте, Иосиф Виссарионович! Быстро доехал, удобно.

Я ни секунды не сомневался с кем разговариваю — сразу узнал это лицо, и, сохраняя невозмутимый вид, уселся на предложенный мне стул, ожидая вопроса — понимаю ведь, что нельзя начальству что-то втолковывать, если оно само не проявило к этому интереса. И, чем выше начальник, тем шибче нельзя.

— Специалисты автобронетанкового управления дали отрицательную оценку так называемым «бранзулеткам», изготовленным на основании выдвинутых вами идей, — не стал томить меня длинной паузой вождь. — У них слабое бронирование и низкая скорость. Что вы на это скажете?

— Правда ваша, — кивнул я, — совсем не боевые машины. Их назначение — доставлять грузы через бездорожье. Можно и людей... — я остановился, чтобы не городить банальностей, забалтывая собеседника. Понятно же, что никто не запретит посадить в транспортёры пассажиров. Что уж греха таить — боялся я ляпнуть лишнего. У меня ведь семья, детей надо поднимать. Так что нарываться на неприятности совершенно не хотелось.

— Я поверил бы и вам, и автобронетанковому управлению, если бы войска, посаженные на эти жестянки, нынче летом не устроили нашим

японским соседям сущее светопрествление на озере Хасан. Надеюсь, вы в курсе событий?

Сказать по правде — не очень. Слово такое слыхивал в разговорах на заводе но, поскольку газет читать не люблю — не вникал в ход развития этих событий. Мало ли что там на Дальнем Востоке происходит? Японцы, как я помню, вообще не прекращали щипать наших то там, то тут. Поэтому, ответил честно:

— Не в курсе, товарищ Сталин. Потому, что политически близорук и дальше своих служебных обязанностей ничего не вижу.

Долго он на меня смотрел. Я уж подумал, что сейчас непременно начнётся набивание знаменитой трубки, но не дождался.

— Очень хорошо, товарищ Беспамятный, что вы осознаёте этот печальный факт, и не занимаете руководящих постов, — вдруг прервал паузу мой собеседник. — Тем не менее, другие факты не позволяют мне относиться к вам, как к рядовому работнику. Скажите, не нуждаетесь ли вы в чем-то? Не нужна ли помощь, поддержка?

Теперь настала моя очередь призадуматься:

— Знаете, Иосиф Виссарионович! — ответил я неуверенно, — если возникнет надобность, обязательно напишу вам об этом.

— Только не забудьте, непременно напишите, — улыбнулся вождь, а я понял, что аудиенция подошла концу, и мне пора откланиваться. И ещё — упущено что-то важное, то, чего никак нельзя не сказать.

— А можно, высказать одну мысль, которая представляется мне весьма существенной, — я, всё-таки, решился проинструктировать вождя.

— Слушаю вас, Иван Сергеевич.

— Наша страна находится в окружении врагов и вынуждена постоянно держать наготове вооружённые силы. Только выучка войск сильно различается — не вылетающие из приграничных конфликтов бранзулетчики оказали неприятелю весьма серьёзный отпор — ведь вы помянули их, вероятно, потому, что другие части имели несколько меньший успех... — тут я сделал паузу и дождался согласного кивка. — Для того, чтобы чему-то научиться, нужно делать это. Не воевавшие войска обязательно уступят опытным частям, обстрелянным и имеющим историю побед и поражений.

На мой взгляд, японцы оказывают нам неоценимую услугу, устраивая приграничные конфликты, позволяя красноармейцам оттачивать искусство ведения боевых действий.

— Друга своего оправдываете? — вдруг строго поглядел на меня собеседник.

— А разве с комбригом Кобыландыевым что-то не так? — встревожился я.

— Об этом ещё предстоит подумать, — нахмурился Сталин. А я понял, что надо скорее уходить — ляпнул-таки лишнего.

* * *

Ни арестовывать, ни расстреливать меня никто не торопился. Да и доставлять домой тоже не спешили. Вывели за пределы Кремля и сказали: «До свидания». А я побрёл на квартиру друга, перекладывая из руки в руку чемоданчик — Анна успела его основательно нагрузить дорожными харчами. Смотрел на школьников, возвращающихся с занятий, слопал мороженое, газировочки с сиропом опрокинул стаканчик. Не ел я давненько, наверное, от волнения кусок в горло не лез. А тут отпустило, и пустые кишки настойчиво забрякли, напоминая о своих потребностях.

Голова была пуста... Софи́ко, жена моего старого товарища, только что вернулась с работы и «допрашивала» детей о том, как они вели себя в садике — малые у них девчонки, чернявые и симпатичные. Гостили у нас этим летом — так что я знаком с обеими. Глава семьи, как оказалось, всё ещё в командировке на Дальнем Востоке, но, судя по сообщениям газет, бои там уже отгремели — вскорости ждут его. Поезд мой уходит только ночью — было время потолковать о том, о сём.

Софья, поскольку с детства знает иностранные языки, устроилась переводчиком в какое-то военное учреждение — говорит, что достаются ей сплошняком технические тексты, а она частенько затрудняется с терминами. Вот например... — и показывает мне статью про автоматическую пушку «Эрликон» швейцарского производства. Пока мы все слова распутали, до меня дошло — это же как раз то, что я хотел бы установить на свой микроскопический танк — ну просто прекрасно вписывается в концепцию.

Попросил я бумагу, перо, да отписал товарищу Сталину просьбу купить для меня один экземпляр такого орудия и боеприпасы к нему. А что? Обещался ведь, что дам знать, коли понадобится помощь. А самому раздобыть заграничную пушку — это для меня совершенно невозможно.

Конверт купил уже на вокзале, да тут же в почтовый ящик и бросил свою эпистолу.

С поезда меня сняли в Мичуринске. Парни с малиновыми петлицами на этот раз со мной не церемонились — торопили, чуть не подталкивали. Несколько часов продержали в камере, правда ничего не отняли, даже чемодан оставался при мне, а потом вернули на вокзал. Знакомый вагон с паровозом, проводник, забравший мой костюм, чтобы вычистить и погладить и пара учтивых хлопцев, старающихся лишний раз не мозолить глаза. В Кремле я оказался в многолюдном кабинете, где, за длинным столом кроме Сталина, узнал в лицо Ворошилова, Калинина и, подозреваю, Молотова. Мог бы ещё и Берию опознать — помнил я это лицо ещё по прошлым временам, но не углядел пенсиястого.

Хозяин, а кроме него никто тут меня не знал, скользнул по мне недовольным взглядом, но ничего не сказал. Пришла в голову мысль, что сопровождающие, чего-то напутали и совершенно напрасно меня сюда направили, хотя секретарь, что находился в приёмной, им не препятствовал.

Разговор шёл о тяжёлых танках, к которым тут отнесли и Т-28 с тремя башнями, и Т-35 — с пятью. Когда я прибыл, плакаты уже развесили, так что оставалось только посмотреть на них — и всё стало понятно. Кроме того, присутствовали проекты двухбашенных машин: Т-100 и СМК, на мой взгляд друг от друга ничем не отличающиеся. И рассматривался единственный однобашенный вариант — КВ, правда, с двумя орудиями, точащими вперёд, будто дустволка. Наверное, чтобы первый раз пальнуть пристрелочно из малого ствола, а потом врезать как следует из второго, побольше.

Не представляете себе, как тоскливо мне сделалось. Вот знаю я правильный ответ на вопросы, по которым сейчас ведётся дискуссия: одна башня, одна пушка, калибр — максимально возможный. По этому пути и пошло танкостроение, получив опыт, который сейчас... да есть и он, только мнения по нему никак не сойдутся в единую точку. Так что взял я карандашик из стаканчика и бумажку из стопочки рядом, написал свою «формулу», и отправил её Сталину.

Тот взглянул, ухмыльнулся, и спросил:

— Товарищ Котин? А какова самая большая пушка, которая может быть установлена на вашем танке?

— Мы как раз и поставили самую большую из имеющихся в настоящее время пригодных для установки на танк.

— А если формулировать задачу артиллеристам, чтобы они спроектировали специальное орудие для вашего танка, на какое значение их ориентировать? — продолжил настаивать Иосиф Виссарионович.

Пока ничем особо не выделяющийся темноволосый мужчина в форме прикидывал в уме, я снова написал записку и передал её.

— Сто семь миллиметров, — наконец произнёс спрашиваемый.

— А почему товарищ Беспамятный выбрал калибр в сто миллиметров? — теперь взор вождя обратился ко мне.

— Унитарный патрон, — отозвался я. — Он, конечно, длиннее, чем снаряд и гильза по отдельности, что может оказаться неудобным при работе с ним в тесноте башни, но оценить это может только конструктор после проработки компоновки.

Мне показалось, что в глазах Котина мелькнула радостная искра.

— А что ещё хотели бы вы добавить? — вождь снова упёрся в меня взглядом.

— В варианте самоходки это шасси потянет и стопятидесятидвухмиллиметровку, — ляпнул я уверенно.

— Что, предлагаете переставить мотор вперёд? — взвился конструктор. — Как на ваших лоханках? — во как! Оказываются меня знают-таки тут. И в лицо, и по делам.

— Не обязательно, — пожал я плечами. — Ничего страшного, если ствол выставится вперёд...

— ...и станет задевать деревья, — ехидно встрял Ворошилов.

— Не получится это без вращающейся башни, не сможет командир из стороны в сторону пушкой размахивать. А если мехвод глуп, то машину он ломает ещё до того, как доедет до леса.

— И для чего может понадобиться мощный шестидюймовый снаряд? — вдруг спросил один из незнакомых мне присутствующих.

— ДОТы, ДЗОТы, другие огневые точки, — пожал я плечами. Укрепления нынче где только не строят. Та же линия Маннергейма чего стоит, — повисла тишина, и я понял, что опять сболтнул лишнего.

Может — поэтому, может — потому, что отродясь не слышал ничего хорошего о многобашенных танках, участия в дальнейшем обсуждении я не принимал. Косил взглядом на почеркушки, которыми занимался Котин, но было далеко и неудобно — ничего не разглядел.

Когда все разошлись, меня сводили в столовую, а потом опять провели в кабинет, где состоялась первая встреча с вождём.

— Так зачем вам потребовался «Эрликон»? — почти от порога спросил меня Сталин.

— Самая маленькая пушка для самого маленького танка, — ответил я с улыбкой. — Затраты на проверку идеи невелики, зато мы наверняка узнаем, нужны ли они войскам.

— Намеряете на предстоящий в следующем году конфликт на Халхин-Голе? — теперь улыбнулся уже Иосиф Виссарионович. — Откуда у вас эти сведения?

— Лет восемь тому назад меня сильно стукнули чем-то тяжёлым по голове. С тех пор и случаются у меня разные непонятные предчувствия.

— Что, так и не восстановилась память о прошлом?

— Нет, не восстановилась. Не знаю даже, плохо это или хорошо.

Потом я рассказал о своей задумке размазанного по земле танка и поделился размышлениями о средствах поражения бронетехники — противотанковые ружья частенько попадали в фильмы о войне, так что слово это было мне знакомо. Поэтому, мол, хочу заранее озаботиться калибром побольше, то есть сразу выбираю двадцать миллиметров, чтобы потом не переделывать машину, когда противник увеличит толщину брони.

— Ладно, — заключил Сталин. — Привезут вам «Эрликон». А вы, пожалуйста, не уезжайте из Москвы ещё несколько дней.

После этого меня опять вывели из Кремля и отпустили на все четыре стороны. Было уже поздно, поэтому я взял извозчика, чтобы не плутать, и попросил отвезти меня в недорогую гостиницу — у Кобыландыевых всего две комнаты, только меня там ещё не хватало. Номер нашёлся, действительно дешёвый. На шестерых. С удобствами в конце коридора. Первым делом я разыскал почтовое отделение и дал телеграмму домой, что задерживаюсь в столице по делам. И на завод тоже сообщил. Следующий день гулял по городу, дожидаясь пяти часов, когда возвращаются с работы и из детского сада Кобыландыевы — хотел узнать, нет ли вестей от друга.

* * *

Никаких пяти часов я не дождался — «нашли» меня вскоре после полудня — небольшая легковушка подрулила к краю проезжей части улицы и пара «малиновопетличников» бросилась из неё в мою сторону. В это мгновение я с удивлением обнаружил, что прохожие из ближайших

окрестностей куда-то испарились.

— Иван Сергеевич Беспамятный? Скорее садитесь, мы уже опаздываем! — завопил один из ребят.

Увидев ответный кивок, второй рванул назад к машине и призывно распахнул передо мной дверцу. Я невольно подыграл им, буквально впрыгнув туда, словно от кого-то убегал. Представляю себе, как это выглядело со стороны!

А потом я снова попал на совещание к Сталину. Меня опять провели в кабинет, где за длинным столом расположилось много незнакомых людей — на этот раз я не узнал никого, кроме Сталина и Ворошилова. Речь шла об истребителях. Основной лейтмотив — наши И-16 проиграли Мессершмитту-109. Значит, нужно скопировать принципы, заложенные в его конструкцию и создать свои образцы. Чтобы не отставали.

Против этой позиции пытался возражать только один человек, к которому обращались по имени-отчеству — Николай Николаевич. С ним и не особенно спорили, если честно, но, едва он умолкал — разговор неизменно возвращался всё в то же русло. Причём толковали о моторах, о их недостаточной мощности, малом ресурсе и задержках со стороны моторостроителей. Создавалось впечатление, что тема обсуждается не впервые, работы уже ведутся и люди собрались подвести промежуточные итоги и наметить дальнейшие шаги.

Сам я в авиации мало понимаю и по существу ничего сказать не могу. Сидел, молчал, вспоминал будущее. Собственно, всего два момента отчётливо предстали перед моим внутренним взором, словно живые. Немцы начали войну на остроносых Мессершмиттах, но потом у них появились Фоке-Вульффы — тупоносые. Считалось, будто эти машины опаснее мессеров.

С другой стороны — у нас лучшим истребителем периода войны называли Як-3. Остроносый. Но в послевоенное время были разработаны Ла-9 и Ла-11, тупоносые. Да и о их прототипах Ла-5 с Ла-7 отзывались положительно. Это я помню по книжке «Самолёты Страны Советов» и воспоминаниям Кожедуба. Логика подсказывает, что тупоносые машины должны оказаться лучше, тем более, что про Ла-9 и Ла-11 было сказано, что добиться лучшего от самолётов с пропеллерной тягой невозможно в принципе — что-то вроде теоретического предела для винтовой авиации.

Итак, передо мной большая группа «остроконечников» и один единственный «тупоконечник» — Николай Николаевич. Этот боец-одиночка несомненно прав. Но, почему-то не способен одержать в споре верх. Позиция Сталина для присутствующих не ясна — он слушает и

спрашивает. Что требуется от меня? Иду на второй круг анализа.

Итак, мне известно, что наилучший истребитель создан Лавочкиным. И, что истребитель этот — тупоносый. Задача — способствовать тому, чтобы данное событие произошло как можно скорее. Почему скорее? А потому, что любая машина требует кропотливой доводки, которая невозможна без опыта эксплуатации. И всё это необходимо проделать до середины сорок первого года. Времени не то, что в обрез, но и раскачиваться некогда. Самолёт он, знаете ли, не лоханка — куда сложнее техника. И доводить её до ума — дело куда как более трудоёмкое.

Как добиться того, чтобы это поручили Лавочкину прямо сейчас? Ума не приложу. Я и половины-то тех слов не знаю, которыми сыплют присутствующие. Вчера с танками было значительно проще — я их много разных собственными руками перещупал. Понятно, со своей способностью аргументировать ни до кого я здесь не достучусь.

Написал на бумажке для памяти всего два слова: «Тупоносый» и «Лавочкин», да и засунул её в нагрудный карман пиджака — на всякий случай, вдруг у меня прямо спросят, как сделать самый-самый лучший истребитель. Чем завершилось совещание, так и не понял — целую кучу резолюций надиктовали грозными голосами: номера заводов, аббревиатуры с наименованиями моторов, сплавов, сроками — не моё это. Потом все разошлись, и я разошёлся, только не очень далеко — жрать хотелось ужасно, вот и искал дорогу к столовой, где давеча перекусывал.

Поел как следует за скромную денежку, и стал соображать, как отсюда мимо охраны выбираться. Потому что провожатые меня позабыли-позабросили. Наверно сегодня у них был приказ только насчёт доставить. А про выставить им никто не сказал.

Решил вернуться в приемную — там дядька сидит за столом, а я, когда заходил, с ним поздоровался. То есть мы как бы знакомы. Вот к нему и обращаюсь за помощью — наверняка он не станет ко мне цепляться и выяснять, откуда я здесь взялся.

Действительно, не стал, а позвал помощника и велел меня вывести. И ещё бумажку выписал, отдать на проходной — пропуск, стало быть. Так что вышел я из Кремля и отправился в гостиницу. Недалеко ушел, метров полтора-два всего, как слышу сзади громкий топот. Оглянулся — несётся пара молодых военных, только что пистолетами не размахивают и не вопят: «Стой». Подождал я их, хотя, думаю, мог бы и удрать — бегаю я лучше, чем эти парни. Они заметно запыхались, потому что неслись сломя голову.

Передний прямо на бегу выдохнул: «Отдайте записку», — и на нагрудный карман показал. Разве мог я не отдать? Второй как раз тормозил,

скрежеща подковками по брусчатке. Он на вираже тоже не смолчал — сказал «Спасибо». Представляю себе, как это выглядело со стороны! Посреди Красной-то Площади. Больше этот вечер никаких сюрпризов мне не преподнёс. Было время поразмышлять над поведением вождя. Вот понимаю, что не сдуру он меня вытаскивал на эти разговоры — есть в этом какой-то резон. И что будет происходить дальше? Меня что, заставят выслушивать беседы руководителей высокого ранга, чтобы преодолеть ту самую мою политическую близорукость? Вряд ли.

* * *

До утра всё было тихо и благостно, как я люблю. А вот на следующий день, стоило выйти за порог гостиницы, чтобы не сидеть сиднем до вечера, до момента, когда Софико возвращается с работы, вижу — машина ждёт и знакомые хлопцы в форме. Дверцу распахнули — всё понятно. Опять к Сталину.

Я и не спрашивал ничего, и головой по сторонам не крутил, а только даже близко к Кремлю мы не подъехали. Промчались мимо Речного Вокзала, а вскоре остановились у какого-то учреждения с проходной. Мои провожатые потолковали с вахтёром, а потом пришлось ждать минут сорок, пока не появился давешний Николай Николаевич.

— Чем обязан? — спросил он меня, поздоровавшись.

— Ума не приложу, — ответил я смущённо. — Посадили в машину, привезли... я ведь признаться, даже фамилии вашей не знаю.

— Посадить — это они могут, — кивнул мужчина на моих сопровождающих. — И привезти тоже способны. А фамилия моя Поликарпов.

— Тот самый! — не удержался я от восторженного восклицания. — Конструктор знаменитого ночного бомбардировщика У-2.

— Это учебная машина, — нахмурился мой собеседник. А я понял, что ляпнул лишнего, и прикусил язык. — Так вот, — продолжил Поликарпов. Мне сказали, будто я должен вам всё показать и рассказать, однако в настоящий момент решительно не располагаю временем, — наверное на моём лице нарисовалось огорчение, отчего он изменил тон и добавил: — И не имею ни малейшего представления от том, что это такое «всё». Может быть послезавтра?

А мне и правда стало обидно, что с таким человеком не получилось пообщаться — расположил он меня к себе своей какой-то ершистостью,

что ли. Мне почудилось, что за насмешливым взглядом скрывается уязвлённое чувство собственного достоинства. Ну и помню я его борьбу одного против всех — уважаю таких крепких духом.

На перенос встречи я сразу согласился, тем более, что послезавтра выходной. Мои провожатые, а они так и торчали рядом, обещали доставить к оговоренному времени прямо от гостиницы. На этом визит и завершился. Вечером забежал к Софико и узнал последние новости о Кобыланды — он уже выехал с Дальнего Востока и где-то на днях должен появиться. Хм, оттуда неделя пути, не меньше, так что стоит запастись терпением.

Следующий день я провёл в зоопарке и совершенно ни о чём не думал. Поглядывал по сторонам и легко убедился в наличии при мне сопровождающих. Они, впрочем, даже не пытались прятаться, отвечали на приветливые кивки и никак не влияли на мои свободы. Не то, чтобы охрана, но присматривают. Впрочем, возможно, с одной единственной целью — не начинать неведомо где меня разыскивать, если понадоблюсь.

Ну а потом — встретились с Поликарповым. На этот раз вахтёр меня и моих спутников беспрепятственно пропустил, потом мы поднялись на второй этаж, прошли по переходу и спустились вниз — началась экскурсия по цехам авиазавода, по помещениям конструкторского бюро... я глазел и слушал скупые комментарии Николая Николаевича. Ну а что вы думали? Меня послал на всё это посмотреть, а его попросил всё это показать первый человек страны — разумеется мы дружно делали порученную работу, потому что люди оба взрослые и ответственные. Заодно я выяснил почему считается, будто хорошее крыло должно быть длинным.

— А может быть вам объяснить, отчего крыло делается сверху выпуклым, — ехидно любопытствовал мой провожатый — ему явно было скучно водить повсюду не пойми кого и не пойми что ему показывать.

— Про это знаю, — понимающе улыбнулся я. — И про угол атаки. А вот отчего бывает флаттер и штопор — ума не приложу. Но вы, пожалуйста, не утруждайтесь это мне объяснять — на сегодня новых познаний достаточно. А картинки самолётов у вас тоже есть?

Вообще-то в помещениях в выходной день довольно пустынно — изредка где кто мелькнёт в отдалении, но в КБ несколько человек стоят за кульманами или склонились над слегка наклонными чертёжными столами. Кое-какие картинки мне понятны, другие — словно кошмарный всплеск вычурного воображения, наводят уныние своей причудливой хитровымудренностью. Наконец — силуэты аэропланов с разных ракурсов. Вот это интересно — тут можно попытаться узнать что-то знакомое. Вдруг как раз сейчас задумывается нечто, известное мне по книжкам или

фильмам?

Провожатые, а они парни молодые, хоть и делают вид, будто присматривают за мной, на те же картинки любуются выпучив глаза. Вдруг, вовсе не там, куда глядели, а на стене — карандашный набросок. Ну, как набросок? На миллиметровке, но от руки. И так похож на Ла-5, что я просто замер. Стою и ищу отличия.

— Чем привлёк к себе такое внимание этот эскиз? — полюбопытствовал Поликарпов скушающим голосом. Вот чувствуется — надоели мы ему.

— Этот вариант, — говорю, припоминая фразу из книжки «Самолёты страны Советов», — способен достичь теоретических пределов возможностей винтовых самолётов.

На самом деле эти слова не мои — так было написано про Ла-9 и Ла-11, но внешних отличий на мой непросвещённый взгляд тут не заметить.

У Николая Николаевича даже челюсть лязгнула. И выразился он весьма непарламентски — не удержал себя в руках:

— Откуда такая уверенность, молодой человек? Вы же ничего в авиации не петрите!

— Так меня лет восемь тому назад чем-то тяжёлым ударили по голове. Память о прошлом будто корова языком слизнула. Но изредка появляются неожиданные мысли о будущем, в основном — про технику.

Набрал любезнейший Николай Николаевич воздуха в грудь. Ух, чую, сейчас он мне выскажет все, что думает. Но, на сей раз, взглянув на провожатых, повел меня в кабинет и давай показывать разные фото других самолётиков. Я узнал только «Спитфайр» и сразу ткнул в него:

— Тоже отличная машина, но до того, со стенки, всё равно не дотягивает.

После этого мне было показано несколько фотографий, рисунков тушью и карандашных набросков, среди которых ничего определённо знакомого не встретилось — ну не спец я, что уж тут скажешь! Но Поликарпова, похоже, что-то заинтересовало. Он ткнул пальцем в конкретное изображение. Не фото, а чертежи самолёта в сборе. Вот чую, это как раз и есть его последняя затея. Тупоносый какой-то обрубок и крылья шибко впереди. Сильно напоминает И-16.

— На «ишака», — говорю, — похож. Испытывали? — спрашиваю.

— К зиме надеемся получить мотор.

И тут меня как стрелило! Зима, мотор, Чкалов. Ну, кино крутили как раз зимой перед тем отпуском, из которого меня и перебросило в это время.

Кино, конечно, не фонтан: многосерийка о людских страстях. Но про главного героя, Валерия Павловича Чкалова я в интернете поковырялся — глянулся мне он, не скрою.

— Знаете, — говорю, — не стоит эту машину в воздух поднимать. Нет у неё будущего. Э-э..., а Валерий Палыч ещё жив?

— Да, — отвечает Поликарпов.

— Вот и хорошо, — у меня будто камень с души упал.

— Вы подождите немного, — попросил Николай Николаевич. — Мне нужно сделать один звонок, — и ушёл, оставив нас одних.

Не было его минут пятнадцать, потом, вернувшись, он взглянул на меня озорно и спросил:

— Отчего же вы, Иван Сергеевич, не сказали мне, что сами весьма опытный конструктор?

— Дабы не солгать, Николай Николаевич. Я, скорее интуит, хотя и способен на несложные расчёты. До настоящего конструктора мне далеко. Примерно, как рабфаковцу против инженера. И простите за то что отнял ваше время, ибо не по хотению своему, а волею пославшего меня Сами Знаете Кого пришёл я к вам.

Мы понимающе друг другу улыбнулись и расстались не тая в душе гнева на силу рока, что свёл нас столь неожиданно.

Глава 7. Самый маленький танк

Ночью после этого же дня дверь нашего номера, где почивали шестеро усталых мужиков, раскрылась. Вошедший нащупал выключатель и:

— Вставай, Иван! Это я, Кобыланды. Будем обмывать моё новое звание, — и увернулся от брошенного в него сапога. — Я целой шпалы в петлицу удостоился.

— Надо же, такой молодой, а уже комбат, — произнёс один из соседей по номеру. А я невольно стряхнул остатки сна: — друг мой ещё год назад был комбригом, и вот уже разжалован — понижен в звании сразу на три ступеньки. И пришёл в штатском — впервые вижу его не в военной форме.

Нечего и говорить — стол был накрыт мигом, благо «виновник» торжества явился с бутылкой, а харчи имелись у многих — командировочные тут все. Когда нужно что-то отметить — мужчины консолидируются мгновенно и... нашлась ещё и бутылка самогона, и пара флаконов коньяка. Я только поглядывал, чтобы мой казах не слишком налегал на спиртное — он хмелеет легче меня. В результате проснулся утром... в поезде. На соседней полке сладко посапывал свежеобмытый комбат в гражданке, а мои сопровождающие тоже никуда не девались — сидели неподалеку и ничего не делали.

Продолжалось это недолго — пришёл проводник и стал нас будить — подъезжаем. Подъезжаем к Коврову. Зачем к Коврову? Что мы тут забыли? Однако, вопросы потом. Сначала мыться-бриться, а позавтракали уже на вокзале. Обычно-то я по ресторанам ходить не любитель, но товарищ мой нас затащил и напотчевал. Выглядел он лихим и придурковатым и явно пребывал не в ладу сам с собою. Пока мы допивали третью чашку чая с лимоном, он поведал, что размеры конвойных частей так и не были увеличены до полка. Наверху это дело зарубили. Даже уже подготовленные батальоны «разукрупнили», оставив по бранзулеточному взводу на автороту. И исключительно, как транспортные средства на период распутицы. Единственное, чего удалось добиться, это того, что подразделения поддержки: миномётчиков, гаубичников и самоходчиков оставили как раз при каждой из этих рот, а не раздербанили и не перевели в другие части. Личный же состав так и не сохранивших мотострелковых подразделений распределили по другим полкам или демобилизовали.

Я плохо понимал, что к чему — ну не соображаю, как мыслят лица, облечённые властью. Но после событий на озере Хасан произошло много

перестановок и вообще на Дальнем Востоке все чувствуют витающее над своими головами напряжение.

А потом мы сели на извозчика и вскоре мне показали самый обычный для моего бывшего времени автоматический гранатомёт. Станковый, естественно. Сразу признаюсь, что по сравнению со знакомым мне АГС этот был потяжелее — что станок, что саму машинку удобнее было переносить вдвоём, чем поодиночке. Гранаты у него тоже показались мне более массивными — около сорока миллиметров в диаметре. В общем — штука знатная.

— Ты бы придумал, как приладить такое оружие в башню бранзулетки, — просительно посмотрел на меня Кобыланды. И я понял, что он нисколько не сломлен неудачным расположением звёзд на властном небосклоне.

— Так, — говорю, — отчего же не приладить. Мне бы чертежи, дабы не вымерять, да не прикидывать, что тут к чему.

— Так я дам, — встрял в наш разговор интеллигентного вида человек в военной форме, что руководил демонстрацией. И представился: — Яков Таубин.

— Его система проходила испытания у нас на Дальнем Востоке, — добавил Кобыланды. Очень понравилась — то что надо для маневренного боя. Умельцы-оружейники сразу попытались установить её в башне, что для пулемёта, но как-то не получилось. А то я думал — станем заказывать со стороны интендантского ведомства — глядишь, и примут их на вооружение, гранатомёты эти. А и не примут — так накопим немного на складах конвойных частей, также, как ППТ и твои гусеничные транспортёры.

Потом мы возвращались обратно в Москву в одном купе все трое, а моё сопровождение расположилось по соседству. Не дальняя в общем-то дорога пролетела в мгновение ока — никак в малый транспортёр, тот, что с пятидесяти сильным движком, этот гранатомёт не становился. И в десантном отсеке его тоже перевозить не выходит — там и без него не повернёшься: ручной пулемёт, снайперская винтовка, катушки с кабелем и телефонные аппараты, да ещё и восемь бойцов на пространстве в три с половиной квадратных метра при всего метровом просвете — это же душегубка просто, даже без гранатомёта. А к нему ещё и расчёт нужен — ну никак не лезет, хоть плачь.

На лице Якова нарисовалось не то, чтобы уныние, но огорчился он сильно. Оказывается, у его детища долгая история с непонятным концом. То есть первоначально создавалось орудие для метания «снарядов» с

дистанционной трубкой — гранат Дьяконова, разработанных ещё в Империалистическую для стрельбы из мортирки, надеваемой на конец винтовочного ствола. И связано это с тем, что запасы сих боеприпасов на складах весьма значительны. А вот в войсках данный изыск не уважают, шибко неудобная конструкция, приводимая в действие силой винтовочного патрона.

То есть — теоретически всё это выглядит перспективно, но в реальном бою работа с подобной приспособой — чистый шаманизм и камлание с прицеливанием ну очень на глаз, потому, что лазерными дальномерами красноармейцы не оснащены, и выбор угла подъёма ствола с установкой дальности на дистанционной трубке по таблицам — дело вдумчивое и скрупулёзное. Если ошибёшься, граната рванёт на полпути, рассеяв осколки где попало, или упадёт на землю и покатится по ней в районе цели. Да и в цель угодить непросто из-за проблем с дальнометрией.

Со станковым автоматическим вариантом вопросы наведения решались ловчее — такая штука, как пристрелочный выстрел проблему прицеливания решал за счёт траты пары лишних гранат, но работа расчёта с дистанционной трубкой в зоне, доступной для неприятельского пулёмётного огня была признана опасным делом — стрелял-то гранатомёт на расстояние в три сотни метров. То есть, если из окопа — нормально, но в наступлении, в чистом поле под огнём — полная ерунда.

Чтобы преодолеть это, Яша усовершенствовал гранату — поставил на неё контактный взрыватель мгновенного действия. Отлично получилось. Но только запасы гранат Дьяконова на складах для подобной стрельбы совершенно не подходили — они с дистанционной трубкой. А нарабатывать новые боеприпасы при том, что изначально планировалось использование старых — это уже никому не понравилось. Тупик какой-то, чистая безысходность и ужасно обидно — хорошо сделанная работа, замечательное средство поддержки для стрелкового подразделения, а такая ерунда на выходе.

Вообще-то про разные вундерваффе, затоптанные злыми тупыми военными я много читал. Только же превозносители непризнанных гениев всегда казались мне людьми гуманитарно образованными, но в вопросах техники только слегка эрудированными, но вовсе не знатоками. Потому что любое устройство на войне должно быть, прежде всего, предсказуемым в руках пользователя, перевозимым на любой телеге и годным к хранению под любым навесом. И не стоит так уж набрасываться сходу на тех, кто принимает решения о том, что можно давать в руки солдату, а что нет... простите, расчувствовался маленько.

Так вот — в данном случае ротный миномёт запросто решает аналогичные задачи, а перенести его может даже один боец, причём, бегом. А уж устроен он не в пример проще и боеприпасы у него к транспортированию куда как устойчивей. Да вот беда стрелять из миномёта с подвижного объекта с короткой остановки никак не получится. А гранатомётным стволом водить из стороны в сторону можно, как душа пожелает. Подходит мне Таубинская машина.

* * *

Рассказал я о своём замысле микроскопического танка — у него-то башня еще не проектировалась, как, впрочем, и корпус. А если предполагаешь и рассчитываешь заранее, то многое можно предусмотреть. Тем более — сам Иосиф Виссарионович разрешил и даже обещал помочь.

— Слушай, Ваня. Зачем тебе Эрликон. Мы прорабатываем автоматическую пушку калибром двадцать три миллиметра. Давай её к тебе поставим, — предложил Таубин.

— Да можно и двадцать три, только мне авиационная или зенитная скорострельность не нужна, а то снесёт мой танк отдачей (помню я что вытворяют четырёхствольные зенитные установки — это же чистый ураган!). Давай я одиночными буду стрелять — это не больше, чем по три раза в секунду получится. Мне главное, чтобы заряжалось само.

— Так это значительно проще, — ответил Яков. — Мы даже образцы тебе поставим через несколько месяцев, как только завершим баллистические проверки. Они у нас, считай, уже есть в лабораторном исполнении для крепления на стенде. Однако пока не до конца автоматические, скорее самозарядные — но запирающие затвор и система подачи снарядов работают надёжно.

Пошли мы смотреть это чудо. Ох, и бабахает оно — жуть. Посмотрел я на его «работу» и взяли меня сомнения. Сами посудите: двухсотграммовый снаряд вылетает со скоростью девятьсот метров в секунду. То есть импульс примерно такой, как от удара кувалдой. Естественно, уходит он в отдачу, то есть лупит по моему масепусенькому танчишке, причем как раз в башню. Да тут никакого неприятеля не надо — от собственной пальбы рухнет моя машина набок и только гусеницами будет перебирать.

— Нет, — говорит Таубин. — Погляди, какой у нас длинный ход ствола! На всю длину патрона. Считай, четверть метра. Так что твоя кувалда будет бить не прямо в башню, а через толстую подушку.

Присмотрелся я к конструкции, прикинул на бумажке, подсчитали мы усилие — терпимо получается.

Еще магазинное питание у этого агрегата забавное: девять обойм по девять патронов — всего восемьдесят одна штука. И весит сия сборка четверть центнера — не перезарядишь в бою по-быстрому. То есть — нужно следить за расходом боеприпасов. Это просто принимается к сведению — вряд ли тут что-нибудь сделаешь — не наступило пока торжество металлических патронных лент.

Поинтересовался я ещё одним механизмом, предохранителем. Очень уж он добротно сделан да тщательно прилажен.

— Это для синхронизации с работой самолётного двигателя, — объяснил Таубин. — Пушка-то авиационная. Можно стрелять и через плоскость вращения винта, но для того, чтобы не угодить в собственную лопасть. Пока она находится на пути снаряда, выстрел запрещается. Впрочем, могу для бранзулетов и проще сделать.

— Не надо, — ответил я, — пусть остаётся, как есть. Подходит мне этот вариант — незачем разрушать унификацию.

Вслед за этим я призадумался. Если ставить на танк и гранатомёт и пушку (а очень хочется) — это сразу два прицела. Плюс — стрелку нужен приличный обзор во все стороны — не крутить же такими большими стволами, чтобы просто осмотреться. К тому же самого наводчика хочется разместить лёжа, но лежащий человек требует башни диаметром с длину его тела потому, что должен вращаться вместе с ней. Всё это я и изложил, набросав свою мысль на бумажке. Дело в том, что взяв произвольного роста стрелка нужно иметь диаметр башни и ширину корпуса около двух метров, а это уже вовсе не крошечный танк, скрывающийся в складках местности. Если же наводчика не положить, а усадить — это сразу требует не меньше метра вертикального размера плюс, как минимум, клиренс, что, собственно, уже достигнуто на малых лоханках-бранзулетках. И вот тут у нас с Таубиным начал рождаться довольно хитрый оптический комплекс, совмещающий и перископ и прицел. Только при вращении объектива окуляр оставался на месте. Один недостаток всё портил — в зависимости от угла поворота по горизонтали изображение наклонялось и, при взгляде назад, оказывалось вовсе перевернутым. Остальные же вопросы, в том числе и связанные с вертикальным смещением поля зрения или линии прицеливания решались более-менее корректно, если не считать перекоса. Это я о подъёме стволов на большие углы возвышения.

Сразу признаюсь, даже без этой особенности получалось довольно сложная конструкция, занимающая немало места всё в той же башне.

Оставалось только привыкнуть к меняющейся ориентации вертикали при осмотре горизонта. В своё время мне приходилось читать о том, что по своей адаптивности человеческий мозг весьма совершенное устройство, но понять, разумно ли на него полагаться в столь непростой ситуации можно только экспериментально. Дадут ли тренировки возможность вести прицельный огонь в направлениях, отличных от «прямо вперёд»?

Решил рискнуть — всё-таки в случае успеха боевую машину получится просто «размазать» по земле. И еще один момент гвоздём засел в сознании: а нельзя ли вообще обойтись одним-единственным членом экипажа? Дело в том, что автоматические коробки передач я знаю неплохо — не раз в них заглядывал. А решать вопрос управления поворотом машины не обязательно с помощью пары рычагов — можно и педалями рулить. И вообще, если употребить ноги для управления, а руки для наводки и стрельбы — получается офигительно круто.

Как же мне сейчас не хватает самых обычных телекамер, столь доступных в моём родном будущем!

* * *

Вопрос с переделкой старых гранат Дьяконова оказался камнем преткновения. Сами-то они ничего так — хорошо бахают. Тротил внутри, чугуниевый корпус, порождающий убойные осколки. Но к ним нужен другой взрыватель и собственный вышибной заряд — тот, что выталкивает снаряд из ствола и сообщает ему необходимую для полёта скорость. Потому, что винтовка в гранатомёт не входит. Эти проблемы Таубин, разумеется решил. Вопрос тут не технический, а чисто производственный. Кто-то должен делать разработанные им элементы, а потом вынимать из боеприпасов старые и вставлять туда новые. И это — полмиллиона раз. Хе-хе.

Вот и сел я конструировать роторно-конвейерную линию. Шучу. Просто ремонтникам часто приходится делать разные опрессовки, выколотки, зажимы и иные приспособы, решающие достаточно хитрые задачи там, где рукой не ухватишься, или сил не хватает в пальцах. Я на этом собаку съел. Поэтому занялся заменой человеческих рук на самых неудобных и рискованных операциях механическими щипцами, толкателями или... ковырялками назову — не для всех этих измышлений придуманы названия. А до понятия «манипулятор» они не дотягивают — слишком примитивны.

Станки тут нашлись, народ вокруг заинтересованный — как же, замаячил свет в конце туннеля для их никому не нужного детища. Три электромотора отыскали, пяток соленоидов намотали — и пошло дело. Не часовое, чай производство с его прецизионной точностью — вполне разумные допуски, ну и материалоёмкость невелика. Жесть нынче не дефицит, а рецепт лака, того самого, из сказов Бажова, я хорошо помню. Хе-хе. Может и не того самого, хрустального, но без ножа он не удаляется ни с металла, ни с картона, ни с дерева, а уж воду «держит» сколько надо. Впрочем, деревянных деталей в конструкции не применялось, а вот картонную гильзу от воды уберечь было необходимо.

Получился участок на шестнадцать квадратных метрах, где три работника за смену могли переделать до тысячи гранат. Сами эти работники — ребята из КБ, которые и так сидят на окладах и бывает, что не заняты. Кроме того, готовы потрудиться на общественных началах потому, что труба большого диаметра над этой организацией уже чувствительно нависает — не выкрутятся, могут и работу потерять, и свободу — понимают это люди — не было у них ещё никакого существенного признанного начальством успеха, отчего тучи над головой заметно сгущаются. Что же касается затрат на материалы, то они невелики, если работать без спешки, распределяя их по выделяемым на текущие работы ассигнованиям.

Так мне Таубин объяснил — я-то в подобных вопросах разбираюсь неважно. В общем, подзасиделся я в Москве, пока то да сё. Зато определился с вооружением для малого вездехода. Танчоночка моего зайчущего. Не поверите — снился он мне. То есть замысел превратился в идею-фикс. А тут уж лучше не сдерживаться, а то я за себя не отвечаю.

Ну а идеи наши насчёт наведения, когда ствол повернут за спину стрелка, Яша со специалистами в области прицелов будет решать — есть у него связи, есть наработки и опыт. Я скорее как постановщик задачи выступил, чем как воплощение. Приборы наблюдения у нас с прицелом не совместились даже мысленно — разные поля зрения требуются для них. Мы уж по-всякому прикидывали. Как ни смазывай оптическую ось — не едет эта телега.

* * *

Когда и куда девался Кобыланды, я так и не понял. От нас с Яковым он отстал ещё на вокзале, когда мы возвращались из Коврова. Потом мысли

отвлекли меня вообще ото всего, и спохватился я только вечером. Заглянул к нему домой, но Софико сказала, что он не появлялся. И посмотрела на меня хитрым глазом.

Так он что? Скрывается? Формы военной больше не носит, а ведь никогда раньше из неё не вылезал! Но тогда непонятно поведение моих «хранителей» — они даже не подумали его ловить и арестовывать. Ничего не понимаю. И вообще — у меня появилась такая уйма идей! С тех пор, как два года тому назад придумывал самогонный аппарат соседу Никите Фомичу, не испытывал я подобного творческого подъёма. Там хитрость была, чтобы не кипятить брагу и вообще — точно держать довольно важный режим, известный мне от деда.

Словом, помаялся я пару дней бездельем, а потом отписал Иосифу Виссарионовичу:

«Отпустите меня пожалуйста домой, а то деньги кончаются и дела на работе простаивают»

Ответ мне передали на следующий день: «Можете уезжать».

Анна обнимала меня так, будто я вернулся живым с того света. Заметил — притерпелась она к моим свойствам, привыкла. Даже вот обрадовалась душевно, а не потому, что положено, потому что муж. Нравится мне она, не стану скрывать. Тепло с ней и радостно.

На заводе же ничего не изменилось — заказы, объёмы, сроки. Вот только, кроме меня появился ещё один скучающий — наш главный конструктор инженер Федотов — нечем ему заняться при нормально стоящей на производстве серии. А сплошным потоком шёл малый вездеход без пулемётной башни и без рации — чисто грязепроходная плавающая полуторка, именуемая в среде военных странным словом «бранзулетка». Более ничего нам не заказывали.

Вот и занялись мы с нашим придумщиком реализацией моей идеи масепусенького танчонка — благо с вооружением всё ясно, мотор и трансмиссия как раз от крупносерийного образца, фанеры и реек в достатке, а козлы для экспериментальных моделей пустуют. После того, как я выговорил всё, что взбрело мне в голову, коллега поглядел на меня озадаченно и развёл руками:

— Вань, я просто ума не приложу, с чего начать.

И начали мы с приборов наблюдения — делали зеркальные перископы и крутили их по-всякому, глядя на окружающий мир из положения лёжа. Всё-таки практика — критерий истины. Несколько дней экспериментов — и всё встало на свои места. Оказалось, что смотреть вперёд и назад нужно через по-разному устроенные приборы. Для вождения вообще достаточно

переднего широкого перископа с парой дополнительных перископов, повернутых вправо и влево так, чтобы поля зрения частично пересекались — в сумме на сто двадцать градусов по горизонтали — я такое еще на бронетехнике будущего встречал, но заняться ими вплотную как-то руки не доходили. А тут как раз самое время.

Зеркала, понятно, не стеклянные — металл, электрополировка. Наверху легкосъёмные триплексы — они теперь доступны. Сносно получилось, неплохой обзор. Захотелось и пары скромных аналогов зеркал заднего вида, но только левое получилось без особых изысков. Вернее, вышли оба, но правое потом не заработало — показывало только башню.

Башенный перископ выполнил по этой же схеме, только задний обзор сделал в полном варианте, не перевёрнутом, а прямом — по другому организовал отражения. Причём, поскольку тело наводчика располагается неподвижно относительно корпуса, а не вращается вместе с башней, то и крепить к этой самой башне перископ нельзя, а то просто крыша у человека едет вместе с поворотом орудийного ствола. — настолько теряется чувство направления. Поэтому «объективы», хоть и выведены сквозь крышу поворотной конструкции, но вместе с ней никуда не едут, а только немного перемещаются стрелком относительно корпуса, по которому он и исчисляет положение в пространстве — относительно ориентации собственного тела. Немного — это насколько поворачивается голова, чтобы без особого зверства.

Мы с Федотовым быстро поняли: одному стрелку-водителю с машиной не справиться хотя бы потому, что он элементарно запутается для чего куда глядеть и как трактовать два отражённых изображения, одно вывернутое справа налево, которое сзади, и одно прямое. Двух членов экипажа пришлось располагать рядом друг с другом ногами вперёд, причём водитель сдвигался к носу так, что голова его оказывалась за пределами башни.

Соответственно, система наблюдения для него делалась отдельно и не изменяла ориентации относительно корпуса. Широкая низкая горизонтальная панорама вперёд и слева перископическое окошко назад. Хотелось бы ещё и вправо-влево глядеть, но это уже никак не лезло в наши габариты. Назад обзор у водителя получался вдоль движения в растворе градусов десять влево, но никак не круговой. Впереди же поле зрения было вполне приличным — почти как на автомобиле через лобовое стекло..

Стрелок же мог вращать перископ во все стороны руками настолько, насколько шея позволяла ему крутить головой, но заднюю и переднюю полусферы обозревал через разные стёкла. И, поскольку сам не мог

крутиться вокруг окуляра, как капитаны-подводники, то окуляр ездил по дуге вокруг его головы. То есть элементы двигались по периметру башни внутри неё, огибая человека и опираясь опять же не о башню, а о корпус. Наизобретались мы до осточертения, пока добились того, чтобы приборы наблюдения не задевали макеты пушки и гранатомёта. И, чтобы всё это не свернуло голову наводчику. Вот после этого я и вызвал телеграммой Якова Таубина, потому что нужно было решать вопросы с заряданием и прицелами.

К счастью, наши разговоры по дороге из Коврова и потом в Москве не прошли даром — он оказался готов к тесноте, в которой это всё размещалось и даже наработал кое-что. Во всяком случае рукоятка перезарядки пушки и спусковое устройство были перенесены туда, где к ним удобно присоединялись тяги от педалей, а пространство для присоединения магазина мы расположили верно. С пушкой совсем быстро управились — она всё-таки более привычно устроена, и тоже с магазинным питанием аж на восемьдесят один патрон. И теперь уже совсем автоматическая, но палить одиночными из неё можно, потому что темп стрельбы невысокий. Ну, или двойка получается, если подзадержался «отсечь» очередь — не так уж и плохо.

Только после завершения размещения оружия, приборов наблюдения и головы башнёра, стали мы «описывать» танк вокруг смакетированного комплекса и обоих членов экипажа..

Знаете!? Опыт — великое дело. Двигатель встал впереди справа перед стрелком, трансмиссия, а она короче, разместилась левее перед водителем — как раз удобно для присоединения органов управления. Центробежный насос на валу отбора мощности, загонял воду в два сопла с заслонками, чтобы управлять тягой по каждому борту и менять, таким образом, направление движения. Башня практически в самой корме чуть не нависает над прямо срезанной задней стенкой. Через низкий, но широкий лаз в ней экипаж и проникает на свои места независимо, не мешая друг другу. Словно в тубус прямоугольного сечения ногами вперёд приходится «вставляться» в машину, сразу распластываясь на спине. Уклон у ложа, конечно есть, но совсем небольшой. Опора под плечи и затылок тоже имеется, однако её приходится выдвигать снизу уже потом, когда сам пролез..

Нос мы слегка заострили, а гусеницы выбрали самые узкие от танкетки Т-27 — их давно уже сняли с производства, но траки пока выпускали для ремонта находящихся в войсках машин. Когда это всё обозначилось в очевидном виде, пришла пора рассчитывать массу машины

и её давление на грунт. Вот тут и ждало нас «открытие». Танк этот никак не мог нести брони, потому что перетяжелелся, если делать обшивку толще тех же «волшебных» шести миллиметров. В общем даже от пистолетной пули такая «защита» может спасти не каждый раз — зависит от пистолета. Зато для конструктивной прочности этого было более, чем достаточно. А ещё верхняя точка машины в районе башни отстояла от земли немного меньше, чем на метр. Ширина оказалась заметно больше — метр тридцать. В длину мы проиграли той же самой Т-27 около полуметра — получилось три десять вместо два шестьдесят.

Образец собрали за месяц и начали испытания. Удивительно, но по ходовой части, двигателю, трансмиссии и корпусу доделок оказалось немного. Бегала наша машина со скоростью сорок километров в час и по воде легко делала десяточку. Основную проблему составило привыкание к лежащему вождению и стрельбе из положения лёжа на спине. Кроме того, всплыла необходимость серьёзной амортизации ложементов, иначе езда вынимала из людей печёнки-селезёнки. Что же касается собственно вооружений — вот уж где получил я по сусалу!

Гранатомёт на поверку оказался отнюдь не столь безотказен, как показалось мне спервоначала при демонстрации под Ковровом. Он не перезаряжался при попытках стрельбы по близким целям, когда я направлял ствол почти горизонтально — отдача не «доталкивала» ствол до места. При высоком же, близком к вертикальному, подъёме ствола пружина не каждый раз возвращала его в положение для выстрела.

Только с оружейной автоматикой я ещё не разбирался! Нет, устранить задержку было нетрудно — рукояткой дёрнуть — и дело в шляпе. Но кому это нужно в бою, отвлекаться на то, что перестало работать? Сразу вспомнилось, что на штатном станке углы подъёма ствола были ограничены и сверху и снизу, но мне это не понравилось, и в башне я механизм сделал на все возможные углы, которое позволяло внутреннее пространство.

Поковырявшись в гранатомётной автоматике я вроде как всё понял, но никак не мог сообразить, что с этим делать — ведь не могу же я отказать танкис... бранзулетчику, конечно, в возможности лупануть по цели в упор! Захотелось набить Таубину морду. Так я ему и отписал в телеграмме. Он быстро ответил, что сам приедет.

Приехал. Привёз новую пружину и гранаты. После их замены всё заработало.

— Понимаешь, — оправдывался он, — это всё из-за старания сохранить старые гранаты. Вернее — наибольшее количество их

компонентов. В общем, мы в качестве вышибного заряда использовали дополнительный картуз от Дьяконовской конструкции. Ну а как твоя телеграмма пришла — плюнули на экономию и увеличили навеску. Ну и пружину навили пожёстче.

Не, ну я понимаю — интеллигентный человек пытается удовлетворить наибольшее количество требований, выдвинутых каким-то бережливым специалистом из артиллерийского управления, но если от экономии техника плохо работает — то все затраты напрасны. Плюшкинизм-Гобсечество какое-то, право слово.

Однако, теперь, после усиления заряда, граната летела на километр.

* * *

Весной тридцать девятого года мы завершили три уже не опытных, а боевых образца, о чем я отписал Иосифу Виссарионовичу с просьбой направить их на войсковые испытания в район Халхин-Гола. Дело в том, что военная приёмка, бравшая серийные бранзулетки, искренне сочувствовала нашим усилиям, можно сказать, болела за нас. Но в их номенклатуре этих машин не было и никто их не заказывал. Директор завода смотрел на наши усилия, трату материалов и отвлечение сил работников — на всё это «баловство» — со смирением философа. В-первых, не так уж много мы затратили и отвлекли, а во-вторых, после моих с Федотовым подобных «заездов» завод всегда оказывался в выигрыше, начиная выпускать весьма востребованную продукцию. Ту, на которую многое удавалось выменять или сделать неплохую выручку — не вся она учитывалась, не вся стояла в плане... не знаю, как уж он там хитрил, наш директор, но ящики с мазутными котлами или конвекционными печками часто отгружали маленькими партиями или даже поштучно через багажное отделение станции Ахтуба.

Так вот, отправив письмо вождю я очень переживал по поводу того, что мы сделали. Ведь, если посмотреть на новые лоханки взглядом опытного формалиста, то легко усомниться в их ценности для армии. Уже известна танкетка Т-27, которая по куче документированных признаков не слишком отличается от плода моих замыслов. У неё даже броня почти два раза толще... хотя, тоже может быть прострелена из винтовки. Примерно такая же скорость и такой же экипаж. Тем более, что установленное нами вооружение на ней прекрасно поместится. Вряд ли знающие военные люди не «оценят» этого.

В конце концов характеристики техники, хотя они и важная штука, не заменят навыков людей, которые ею пользуются. И Оленебой Фениморовского Следопыта запросто завалит бойца, вооруженного самой совершенной винтовкой, если тот менее точно стреляет... я нервничал и переживал... конечно. Попади наше детище в одно из подразделений, сформированных Кобыланды, от них был бы большой толк в Приамурье. Но, оказавшись у танкистов, эти миниатюрные лоханки вызовут только смех и презрительные плевки.

Через пару недель после отправки моего послания представитель заказчика принял новые машины. Куда их повезли — ума не приложу. Да и не знал этого Кузьмин... кажется. Во всяком случае, мне он не признался даже после литра на двоих.

Глава 8. Степь

— Башнёром к себе возьмёшь? — донёлся из темноты голос моего старого товарища.

— За яйца тебя надо бы взять, морда казахская! — вскочил я от тусклого вонючего костерка, вглядываясь в темноту южной ночи.

Из пропахшего пылью мрака появилась коренастая фигура и сделала шаг ко мне навстречу.

— Ты куда пропал? — спросил я, когда закончились обнимашки и хлопания друг друга по плечам.

— Ай, Ваня. Сейчас в Стране Советов очень опасно быть красным командиром, — улыбнулся Кобыланды, сверкнув зубами в отблеске мелких огоньков, перебегающих по кучке тлеющего аргала (высохшего навоза, если кто не в курсе). — Но ты говорил мне, что бывают ещё и воины-интернационалисты. А про то, что необходимо оказать помощи братскому монгольскому народу, писали в газетах. Вот и стал я цириком. Форму менять не нужно — только знаки различия другие, — он отогнул ворот танкового комбинезона и показал петлицу, в которой вместо шпалы красовалось что-то похожее на песочные часики. Ты Расскажи лучше, как доехал?

— Нормально доехал. Повестку мне принесли прямо на завод, подогнали машину и отвезли в Урбах. Посадили в воинский эшелон, что вёз грузовики, а он прямиком и докатил до самого Улан-Удэ. Ох и гнали, скажу я тебе!

— Это да, — кивнул Кобыланды. — Полторы тысячи вёрст по степным дорогам от ближайшей железной дороги. Никак нам без грузовиков. Японцы-то со своей стороны тянут стальную магистраль — у них с транспортом дела обстоят веселее. А наши дороги... вот поедем — сам увидишь, какие автоколонны нынче задействованы. Ты машины-то поглядел? Как они? — перевёл он разговор в деловое русло, кивнув в сторону силуэтов укрытых брезентом МОТок. Это я придумал для своих суперлёгких танков такое определение — Мобильная Огневая Точка.

— Всё в порядке. Что? Мехводов нужно подготовить?

— Нужно. Да ты не пугайся, не с нуля. Ребята — тёртые бранзулетчики. Башнёрами я сам займусь — времени у нас мало. Если послезавтра не тронемся, можем и вовсе не догнать батальон.

— Понятно, — отвечаю. — Один день на всё, про всё. А как же с

языком? Переводчик хотя бы есть? А то с охраной только жестами и переговариваюсь.

— Не понадобится переводчик. Народ у нас из конвойных батальонов с Дальнего Востока. Сибиряки, — Кобыланды произнёс несколько слов по-монгольски, после которых вокруг произошло активное шевеление ранее остававшихся в неподвижности фигур. В смутном полумраке зарождающегося утра было видно, как с машин стягивают чехлы:

— Трам-тарарм твою растудить её в качель, — донеслась до меня родная речь. — А как в её влезать?

Я встал, потягиваясь, и сбросил с плеч шинель, в которую загнала меня чувствительная ночная прохлада. Начинался учебный день — представители братского народа к вечеру должны освоить новую технику.

— Твоё место справа, — сказал я Кобыланды и отпустил фиксаторы крышки лаза. Пластина откинулась на манер полки и обнажила широкую горизонтальную щель. Парни в танковых комбинезонах смотрели на неё задумчиво и почёсывали затылочные части шлемов.

— Вы! — ткнул я пальцем в крайнего справа.

— Цирик Лихолетов, — представился тот.

— Забирайтесь ногами вперёд и кверху пузом... Ваша лежанка слева.

— Может быть покажете, товарищ инструктор? — глаз в сумерках не разглядеть, но поза выражает недоверие.

Я мигом залез, запустил двигатель, проехал вперёд и «потанцевал», демонстрируя маневренность «аппарата». После этого мне уже больше никто не перечил — дело быстро пошло на лад. Парни действительно оказались неплохо подготовленными, поэтому шло не столько обучение, сколько разбор особенностей и освоение тонкостей — мехводы «обкатали» машины, освоились в непривычных условиях и уже к вечеру заявили, что полностью готовы.

В путь мы выступили ночью — света фар при скорости двадцать-тридцать километров в час вполне хватало, чтобы вести танки по степной дороге. Жаль только, что коротки летом периоды темноты — хватило их всего на полтора-два километра. А потом прилетели самолёты и давай нас клевать. Я сидел на месте башнёра и пулял трассирующими по пикировавшим на нас японцев. Первая встреча закончилась вничью — без потерь с обеих сторон. Думаю, дымные следы наших снарядов сбивали пилотам прицел.

Вскоре мы остановились, спрятали технику под маскировочными сетками и принялись за техническое обслуживание. Не столько это было нужно моторам или ходовой, сколько механикам — всё ведь незнакомо.

Чистка орудий — тоже стандартная процедура. Потом подтянулся грузовик с боеприпасами и водой, а там народ и задавил кемаря перед следующим рывком.

И тут гляжу, друг мой набивает магазин гранатомёта.

— Откуда у тебя незаряженный, — спросил я.

— Разрядил, — хмыкнул этот пройдоха. — Меняю гранаты с контактными взрывателями на дистанционные. Вот у этих постоянная задержка в шесть секунд — как раз полкилометра. Попробую ими достать этих тварей летучих.

— погоди, — говорю. — Не было же дистанционных! Вернее Таубин их должен все переделать на контактные.

— Я попросил и дистанционных. Ты же сам говорил — подобные решения вернее всего проверяются в боевой обстановке. Ну, какое оружие лучше. Я вот и подумал, что взорвись граната неподалеку от атакующего самолёта — пилот сразу шарахнется, — договорил, и выдал мне пяток цилиндров. Как раз на одну гранатомётную обойму. — Ты тоже попробуй. Уверен, что стреляешь лучше меня.

Самолёты мы в этот день видели ещё пару раз, но я так и не понял: наши это были или вражеские. Далеко. Вечером вёл мехвод, а ночью за рычаги перебрался я. То и дело нас обгоняли колонны грузовиков, заставляя сдвигаться с дороги в степь, а я всё-таки имею заметно больше опыта езды по неудобьям. Утром снова сменились, поэтому воздушный бой между нашими И-16 и японскими Ки-27 наблюдал, не отвлекаясь, через прицел. Не скажу, что всё понял, но кутерьмы было много. Однако, никого не сбили.

Местность тут открытая, авиации раздолье. Очень хочется постоянно видеть над головой свои ястребки... а они только изредка пролетят поодаль. Слева на дороге пылит автоколонна, обгоняя нас. Справа конные повозки и караван под вьюками. А вот стремительные БТ катят на колёсном ходу — их все пропускают, машут руками и даже пальцами показывают. Наши три лоханки тоже привлекают к себе внимание, но их издали не видать, поэтому любопытные взгляды обращаются в нашу сторону не так часто.

И вдруг откуда ни возьмись пара японских самолётов заходит на автоколонну прямо через наши головы. Низко идут, целятся наверное, потому что держатся в воздухе ровно и плавно снижаются, причём на небольшой на мой взгляд скорости. Мысленно прикинул — я ведь из гранатомёта стрелял много и траекторию гранаты представляю себе хорошо — да и выпустил три снаряда подряд в расчетный момент. Как

стреляли другие машины — не видел и не слышал — хлопает это орудие совсем негромко. Поэтому появление восьми разрывов в воздухе перед самолётами было для меня неожиданностью. Для пилотов — тоже. Ох, как они рванули в сторону — думал столкнутся или упадут. Но нет, удержались. И улетели.

* * *

На третий день мы уклонились левее от дороги, в которой двигались на восток техника и колонны снабжения, и вскоре полоса интенсивного движения войск и грузов потерялась из виду. Зато обогнали большой отряд кавалерии — всадники ехали шагом и выглядели усталыми. По виду лошадей можно было понять, что животные готовы выпить любую реку... не выпили. К водопою они подтянулись через полчаса после нас — днёвка получилась совместной и ещё помню много вкусной баранины. Конники остались на месте когда мы уходили — их транспорт нуждался в более длительном отдыхе, чем наш. И, да, в нашей форме монголы. Да и объясняться с ними можно. Некоторые командиры понимают по-русски, хотя, в основном, обходились несколькими десятками слов — что-то мы по-ихнему, что-то они по-нашему.

Вскоре и приехали. Встретил нас всадник в танковом шлеме и комбинезоне.

— Товарищ капитан! — обратился он прямо из седла к Кобыланды, находящемуся в кузове полуторки. — Вверенный вам батальон совершенствует позиции и ведёт разведку.

— Здравствуйте, Илья Константинович. Покажете на карте. Караван со вторым боекомплектom прибыл?

— Так точно, — улыбнулся встречающий.

— Вот и прекрасно. Загоняйте грузовик в укрытие, и через полчаса жду вас у себя.

Подчиняясь указаниям посыльных развели мотки по заранее отрытым окопам, где и укрыли их маскировочными сетями.

Вечерело. Спадал дневной зной. От недалёкой реки тянуло влажной свежестью. Прямо в неглубоком окопе за кормой танка мы расстелили шинели и устроились на отдых. Мы — это я и Сеня — механик-водитель нашего «аппарата». Мне предстояло работать башнёром и, как следствие, командиром машины. Так мы с Кобыланды порешили, чтобы я, разработчик, на своей шкуре прочувствовал все прелести и оценил

собственные недодумки. Подошёл «кормилец», наделил нас пловом с бараниной сколько вошло в котелки. Он и воды принёс, чтобы наполнить фляги. Мы сразу сделали ему заказ ещё на пару вёдер для двигателя и запасных емкостей. Ещё он забрал записку с требованием на боеприпасы и горючку.

Мне Сеня сразу объяснил, что когда батальон окопался — нечего по нему лазить, кому ни попадя. Есть люди, которые всё доставят, сообщат и вообще, знают скрытные маршруты. Во избежание демаскировки.

Странные, однако, обычаи в монгольской армии! Когда я служил... ну... во время Грузинской кампании, как-то с этим было попроще.

* * *

На следующий день решался вопрос с радиосвязью. Наши мотки не могли вместить в себя радиостанций чисто геометрически. Так что в них было зарезервировано местечко под размер «сколько осталось». Пока же в этой нише пристроен боезапас. Доппаёк, так сказать. А воевать без надёжной связи бойцы конвойного батальона уже категорически не желают. Разбаловались, понимаешь! Поэтому «привязали» нас к одной из «бранзулетов», снабдив детекторным приёмником. Благо, об антенном выводе я позаботился заблаговременно. Ну а наушники в шлемах имеются, поскольку переговорные устройства давно стоят на всех машинах, так что дело оказалось несложным.

Потом пришёл художник и раскрасил наши МОТки в камуфляжные цвета, то белил добавляя в зелёный колер, то подмешивая сажи. Работал он вдохновенно, поглядывая на окружающий ландшафт и указывая из какого ведёрка куда наносить краску — в шесть рук мы тоже управились споро. Так и день прошёл в делах. Вечером я всерьёз задумался о том, из чего следует сшить спальные мешки и в каком месте МОТки их хранить — ночи в этих местах холодные, а шинелька какая-то тонкая после дневного-то жара.

Краска высохла только к полудню второго дня, когда солнце снова раскалило все металлические поверхности, ну а потом отделенный, командир нашей ведущей бранзулетки, приказал готовиться к выходу в поиск. Уже в густых сумерках проверили связь, да и двинулись. Общая задача — переправиться через реку и удалиться от неё на полтора десятка километров, преодолев невысокий пологий холм, голый, как коленка. Тут вообще совершенно открытая местность. То ровная, как стол. То совсем

немного на спуск или на подъём. Изредка какая промоина встретится, так и та не предлагает надёжного укрытия. Вот насчёт испортить подвеску, если зевнёшь — это запросто. А замаскироваться в складках местности — редкая удача в связи с почти полным отсутствием таковых. Ну и горюшки иногда встречаются, но не Кавказ. Ни ущелий, ни скал.

Берега, подмытые рекой, русла речушек — вот и все немногочисленные возможности обеспечить скрытность. А в основном — чувствуешь себя, словно на выставке. Вот так и мы катили в вечерних сумерках к широкой реке у всех на виду по широкой ложбине с пологими склонами. Потом командир ведущей машины дал мне указание двигаться впереди, переправиться на другой берег и прикрывать. Мы и переправились, проломились сквозь прибрежные заросли, а уж потом поморгали зелёным — темнота к этому моменту наступила, а луна нынче совсем тонкая, и свету от неё почти нет.

Транспортёр подтянулся за нами через полчаса и снова пошел впереди, направляясь к вершине далёкого холма. Потом через детекторный приёмник я слышал доклад о прибытии в заданный район, затем и мне приказали остановиться. Почему я слышал передачу с бранзулетки, адресованную комбату? Она ведь шла в КВ диапазоне, а не на средних волнах, на которые настроен наш приёмник. Ума не приложу — неважно я разбираюсь в радио.

Десант с бранзулетки побродил по окрестности, затем нас загнали в мелкую ложбинку. Ну да при нашей высоте навверх торчала только верхняя часть башни. Мы с Сеней чуток подкопали, где надо, и приладили маскировочную сеть. Транспортёр же устраивали метрах в восьмидесяти слева и чуток вперёд, если считать от того направления, каким мы ехали. В этом месте отыскивали промоину приличной глубины.

А тут и рассвет. Нам притащили телефон, и я посетовал на свою несообразительность — должен был обеспечить машину собственным аппаратом и вывести наружу клеммы.

Про день, проведённый в железной коробке на солнцепёке ничего рассказывать не стану. Жарко, вот и всё. Одни только размышления об устройстве вентиляции. Ночь тоже ничего особенного не принесла — холод инициировал новый приступ мечтаний о спальнях мешках. Утром позвонил командир ведущего транспортёра и сообщил о том, что две другие разведгруппы, как и мы, продвинулись вперёд и замаскировались. Днём мимо пролетел самолёт, но я не смог определить его принадлежности. Только на третий день услышал два взрыва с интервалом в несколько минут, вслед за каждым по рации командирской машины

незнакомый голос диктовал цифры. Вечером небольшая группа японской кавалерии проследовала слева направо, но на нас всадники не прореагировали. А меня заранее предупредили, чтобы я себя ничем не выдал. По всему выходит — не разглядели они нас. Не зря маскировались.

Мы ждали следующий день. И он нас не разочаровал:

Конные разъезды проявились ещё в утренних сумерках. И вдали замаячили броневики.

— Четыре Чийоды и две Осаки, — доложил по радио командир. — Идут в сопровождении конных разъездов по направлению к реке.

Ответа удалённой станции я через свой детекторный приёмник не расслышал.

— Так вот, Ваня, — продолжил отделенный уже для меня, — нам следует дожждаться тех, кто выслал эту головную заставу. А, как всё начнётся, твоя задача быстро вернуться в расположение. Таков приказ.

— А что начнётся? — любопытствовал я уже по телефону.

— Дык рази ж угадаешь! Вон видишь, пехота топает. А за нею ещё кто-то пылит.

— Не вижу пока. У меня голова на метр ниже, а тут ровно, как стол.

— Погоди чуток. Они движутся на нас. Аккурат километром левее должны пройти, где старый след кочевой тропы, его они и держатся. Это я тебе как природный цирик квалифицированно толкую — в голосе командира слышна ухмылка. Мы ведь сейчас все в форме и со знаками различия монгольской армии.

— А как разъезд на нас наедет? — спрашиваю.

— Вот тогда сразу и начнётся. Удирать станем. В случае преждевременного обнаружения демонстрировать страх и панику. Иначе спугнём.

Разъезды нас не засекли — не напрасно мы так тщательно закапывались. Ну и ближе полукилометра никто так и не проехал — фланговые группы двигались далеко, километрах в трёх. Тут ведь ровно и голо — всё насквозь видать. А броневики держались тропы, хотя и не гуськом они шли, но и не разбредались далеко друг от друга. Неспешно катили. И конница пылила следом компактной группой.

Пехотные колонны, между тем, приблизились, а потом ушли за наши спины — я видел их в задний перископ. Лошади тянули орудия, похожие на наши трёхдюймовки. Батареи следовали одна за другой. И еще на повозках лежали какие-то маленькие пушечки с торчащими в стороны носилочными рукоятками. Наконец, показались танки. Одни силуэтом похожие на наши тридцатьчетвёрки — «Чи-Ха», а другие смахивали на тот самый «Борец за

свободу Товарищ Ленин», только чуток длиннее — «Ха-Го».

Вот, когда они с нами поравнялись — примерно на километр левее, вот тут и началось: на колонну посыпались снаряды и мины. А нам сразу стало нужно «выходить к своим». Ха, и ещё раз ха! Ведущий транспортёр, стряхнув маскировку, выбрался из окопа, развернулся и действительно заспешил назад в сторону реки, но так, чтобы доставать из пулемёта до японцев, не попадая под снаряды наших невидимых батарей. Я же велел править в сторону танков. Те, которые старого образца, удачно подставились, отвернув от колонны влево, чтобы уйти из под обстрела и повернулись а профиль. На наше появление они никак не отреагировали.

— Короткая, — команду я Сене.

МОТка замирает и я всаживаю два двадцатитрёхмиллиметровых снаряда в башню ближайшего «Ха-Го». Вторым попадаю. МОТка без команды делает рывок вперёд.

— Короткая, — и добавляю ещё три снаряда туда же. А танк ворочается ко мне носом — кажется, там пулемёт.

— Короткая, — ещё два снаряда прямо в лобовой лист.

— Вижу дырки, — радуется Сеня, срывая машину с места. А по корпусу стучат винтовочные пули. Хе-хе! Из Арисаки нас не возьмёшь — слабовата она для этого. Обстрелянный танк продолжает поворачивать — непохоже, что внутри остались живые. Зато тот, что шёл впереди, стрельнул по нам из пушки. Не попал — снаряд полетел в никуда. Ну так на то и мала наша машинка, чтобы чаще мазали.

— Короткая, — и я словно гвозди забиваю снаряды по одному в башню, в водительское место и рядом с пулемётным стволом. Всё, ближние цели обезврежены. Перезарядка. Девять патронов в обойме, девять обойм в магазине.

Тем временем ведущий транспортёр удаляется влево, наращивая дистанцию между собой и терзаемой снарядами колонной. Я следую за ним, на ходу истратив заодно обойму гранат по обслуге батареи, что разворачивает орудия, но не могу оценить их эффективность — нас слишком трясёт, отчего изображение в перископе прыгает. Зато гибель конного разъезда, попытавшегося сблизиться с ведущей бранзулеткой наблюдаю отчётливо — несколько коротких очередей из крупняка, и лошадки скачут с пустыми сёдлами.

Транспортёр улепётывает к реке, держа примерно двадцаточку, а мы пристроились сзади. Несколько снарядов, выпущенных танками никого не задевают, но одна из японских гусеничных бронированных машин явно делает попытку перехватить нашу парочку — она прилично притопила и

приближается справа. До неё с километр.

— Стоп! — расходуя по «Чи-Ха» полную обойму пушечных снарядов, но не уверен, попал ли хоть раз. — Вперёд! — сменяю обойму в пушке. — Стоп, — выдаю очередь «до железки». — Вперёд, догоняй наших.

Мотка, словно пришпоренная, мчится вслед за бранзулеткой, а «Чи-Ха» нас больше не преследует. Он вообще не движется.

Какое-то время продолжаем улепётывать, как вдруг, откуда ни возьмись, «Осака» — броневи́чок, похожий на тот, с которого выступал Ленин у вокзала... не помню какого. Крупняк с транспортёра быстро его останавливает, а мой гранатомёт обращает в бегство небольшую конную группу, появившуюся сзади. Вижу падающих всадников, бьющуюся на земле лошадь. А потом ведущая машина восползла на бугорок и остановилась. Пока мы подъезжали, экипаж и десант повылезали наверх, смотрят в одну сторону и бурно на увиденное реагируют. Не, ну чисто зрители на трибуне, стоят на крыше бранзулетки и только, что не размахивают флагами любимой команды!

Мы торопливо подкатали и скорее забрались к своим. А тут — феерическое зрелище. Накрытая артиллерией на марше японская дивизия успела прийти в некое подобие порядка: Пехота залегла, артиллеристы изготовили орудия к стрельбе, танки развернулись в шеренгу. Всё это на ровной как стол степи... и накатывают на них двенадцать самоходок. Тех самых, пятиметровых, что пригодны для стрельбы прямой наводкой. Между ними — бранзулетки ползут потихоньку, не отстают и вперёд не вырываются. И всё это прёт, плюясь огнём на не окопавшихся супостатов, среди которых рвутся миномётные мины.

А тут ещё и шрапнели посыпались, и один из японских танков лишился башни. Вижу вдаль, как две трёхосных Чийоды подруливают к нашим самоходкам с фланга, да только те увидели их, развернулись и врезали так, что одна бронемашина натурально лопнула, а вторая попыталась уйти в нашу сторону.

Мы тут же запрыгнули обратно в лоханки, Сеня рванул навстречу, а я попытался стрелять на ходу издали. Не попал, но трассеры произвели на экипажи должное впечатление — броневи́к остановился и японцы вывалили из него наружу с поднятыми руками.

Тут огонь по рассыпавшейся колонне стал стихать. Вижу, как подходит монгольская конница, развернувшись широким фронтом. Кажется, это называется «лава». Очень страшно выглядит, если с гиком и присвистом мчится прямо на тебя такая силища, а ни пушек, ни пулемётов уже нет. Деловитые самоходки успели покончить с возникшими очагами

сопротивления японцев буквально за полчаса боя — и тут сверкание клинков, люди, сбитые корпусами лошадей, арканы.

— Называется это: «Конно-артиллерийская засада», — прокомментировал командир нашей маленькой группы. — Хотя, конница тут только для того, чтобы не отпустить обратно разгромленную часть. Если бы дали неприятелю окопаться — так бы джигитов и продержали на исходной, не выпуская под убой. Зато сейчас они возьмут под охрану пленных и займутся трофеями. А нам следует сосредоточиться на боевой работе.

* * *

Так и не доехали мы до реки — поступила команда снова отправляться в разведку. На этот раз среди бела дня. Наши бранзулетка с МОТкой уехали недалеко — в небе появились вражеские самолёты и, хотя было им не до нас, поступила команда остановиться. Мы, ясное дело, принялись окапываться и маскироваться прямо среди голой степи, чем и занимались до самого вечера. Тут я и обратил внимание на то, что десантников в бранзулетке не восемь, как раньше, а всего четверо.

— Так уж сложилось, — улыбнулся в ответ на мой вопрос отделенный, — что больше и не надо. Пулемётчики да один снайпер, плюс от всех бочек затычка — вольный стрелок. А то на дальних переходах выматываются люди от тесноты. Правда, если приходится окапываться, то сильно недостаёт рабочих рук. Ну а телефонную линию проложить или артиллерийский огонь скорректировать — это любому под силу. Бойцы-то все опытные, много чему обученные.

Позицию мы оборудовали и ночью, и на другой день, который начался с прихода трёхтонки — воды привезли, горючего, боеприпасов и кучу корявых жердей. Мы неплохо устроились и даже замаскировались толково, перекрыв часть траншей. Не для защиты, а чтобы внизу была тень, но сверху выглядело ровным местом, а не ямой. Пищу себе готовили на горелке — дизтопливо-то есть. Одним словом — обжили место. А вокруг — ни души. Изредка вдали пролетит какой самолёт, и всё. Степь да степь кругом, в чём легко убеждался каждый, заступающий на наблюдательный пост.

Тихо тут, благодатно, как я люблю. А только на пятый день закрутился неподалеку воздушный бой. Из него «выпал» биплан и прямиком на нас, да с энергичным снижением. Гляжу — пропеллер-то у него не крутится, то

есть явно пошел на вынужденную посадку.

— Ох ты ж царица небесная! — Воскликнул кто-то из наших. — А как он в наши окопы угодит?! И нас ломает и сам расшибётся!

Тут я выбрался наверх и двумя малыми сапёрными лопатками сделал выразительный выпад влево. Знаете, как иногда девчата из группы поддержки проделывают пушистыми шариками. Пилот меня правильно понял и повернул чуток, как раз туда, куда мы из своих окопов вынутый грунт по ямкам рассыпали и невольно выровняли это место. А биплан этот нашенский Р-5, мне его Поликарпов показывал на картинках, а потом я их разок и здесь в небе видел.

Так вот, сел он нормально и остановился неподалеку... Из передней кабины выбрался лётчик, и сразу на капот мотора смотреть — не иначе, пробоины считает. А из второй вылез летнаб, если я правильно помню, как их нужно называть, и уверенным жестом меня к себе подзывает. Гляжу я на него — мама родная! Надо же, кого сюда занесло! Хотя и в лётчицком комбинезоне и в шлеме, то есть без видимых знаков различия, но лицо-то никуда не девалось.

Подбежал, козырнул и говорю:

— Добро пожаловать, Георгий Константинович. Цирик Беспамятный счастлив приветствовать вас на гостеприимной монгольской земле.

Отделенный тоже подбежал, козырнул, но к речи моей ничего добавлять не стал. А мехвод мой Сеня и второй, что с ведущей бранзулетки, уже тащат к самолёту свои инструментальные ящички.

— Какая часть? — спрашивает Жуков.

— Передовое охранение хозяйства Кобыландыева, — отвечает отделенный. — Не желаете ли чаю? Пока механики разберутся... а то давайте, машину вызовем, или другой самолёт за вами.

— Вызывайте, только скорее, — отделенный побежал к рации, а меня никто не отпускал. — Вы, цирик, покажите мне тут всё. Выскочили тут, как чёртик из табакерки посреди чистого поля.

Вот так меня назначили экскурсоводом. Да недолго мы бродили — две траншеи да дюжина стрелковых ячеек плюс закопанные в землю транспортёры — вот и вся экспозиция. Потом командир наш доложил, что машина за командующим вышла и будет вскорости. Жуков успокоился и вставлять пистон никому не собирался, но тут закричал наблюдатель:

— С востока конная группа и бронеавтомобиль.

— Наших там нет — значит, японцы. Захаров, Кийко! Держать командующего в траншее. Остальные — по машинам. Встречный бой. Сергеич! Твоя МОТка шустрее. Постарайся встретить их подальше, а то

как бы они по ероплану не стрелили.

* * *

Сеня притопил, оставив бранзулетку далеко позади, а я не отрываясь смотрел через перископ, прикидывая дистанцию для открытия огня. Бронеавтомобиль «Осака» — противник несерьёзный. На нём только пулемёты обычного калибра. Поэтому мы остановились, когда расстояние сократилось до полутора километров. Ударил из пушки. Из пяти снарядов попал я тремя, но этого оказалось достаточно. Эта древность остановилась и пара человек из неё выскочила. Потом уже и по конникам выпустил пяток гранат, как они поближе подскакали — двоих из сёдел выбил, а остальные ускакали обратно.

А то решили захватить беззащитный самолёт, понимаешь... хе-хе. С другой стороны, я чувствовал себя неловко, будто с пистолетом вышел на безоружного. В общем, преимущество на моей стороне оказалось слишком большим — в чистом поле, где мало возможностей для применения хитростей — ничего со мной поделать противник не мог.

Глава 9. Сарай

Демобилизовали меня через два с половиной часа. Георгий Константинович лично напутствовал буквально следующими словами:

— А ну выметайся в свою Тмутаракань, сварщик хренов. Вари там МОТки, бранзулетки и самоходки. Не твоё собачье дело по степи вышивать — есть и без тебя кому японцев шугануть. И сделай, наконец, транспортёр приличных размеров, а не эти маломерки.

— Так, — отвечаю, — мне бы дизелёк на пару сотен лошадок.

— Ты ещё здесь?! А ну, марш в самолёт! — И, чуть смягчившись: — Будет тебе движок.

Вот так и закончился для меня Халхин-Гол. Как только Жуков поговорил с Кобыланды, тут меня из армии и вышибли. Хотя и не из нашей, из монгольской, но, всё равно выпроводили на гражданку. Самолётом до Улан-Удэ, а дальше — в мягком вагоне.

Ясное дело — никакой новый мощный мотор меня дома не ждал, поэтому я принялся в общем виде соображать, куда грести дальше. В принципе, сейчас готовы три варианта плавающих шасси: трёхметровое — МОТка, четырёхметровое — бранзулетка и пятиметровое — самоходка. И доступны два оппозитных дизеля на сорок пять и на сто двадцать пять сил. Причём второй вариант нам выделяют неохотно, только под отдельные заказы интендантов (самоходки) или пограничников. Оба этих движка нормально встают и на четырёхметровые шасси, и на пятиметровые... это когда для мастерских, буровых и других «переезжающих» объектов — завод их тоже делает для мирных жителей и гражданских организаций, но исключительно в тихоходном варианте.

Так вот, если мне дадут двухсотсильник, можно будет нормально таскать и шестиметровую повозку. Плавающую. С толщиной стенок миллиметров четырнадцать. Конечно, подрастёт и ширина корпуса, и высота — таковы требования устойчивости и прочности. И габарит машины дотянет, практически, до своего прототипа — МТ-ЛБ. Нравилась мне эта машина, не скрою. Но обязательно нужно сразу прикидывать два варианта. С максимально возможной бронёй — боевые. И из шестимиллиметрового корабельного листа — грузоподъёмные. На последние, кроме крупнокалиберного пулемёта никакое вооружение не планировать — только, чтобы отбиваться от самолётов или нападения мелких шаяк. А вот касательно тяжёлого, слегка бронированного варианта

— нужно очень хорошо подумать, поговорить с Грабиным, с Таубиным. И ещё, вспоминаю, где-то не за горами Советско-Финская война в очень холодную зиму. Только, не помню: зиму с тридцать девятого на сороковой год? Или с сорокового на сорок первый?

Тут ведь какая хитрость — если взять пятиметровое самоходочное шасси, а оно бронировано противопульно, да поставить на него башню от мотки, а внутри обеспечить тепло... меня натурально расплющило потому, что Жуков велел делать шестиметровый вариант, который пока не просчитан, не смакетирован, не опробован. И всё это я вывалил на Федотова. А он — на дядю Васю Маркелова. А тот сообщил директору завода. На другой день собралось совещание, куда, кроме перечисленных товарищей пригласили военпреда Кузьмина. Единогласно решили делать пятиметровки с башней от мотки и отоплением, а для сохранения тепла грузовой отсек обшить изнутри вагонкой... Стодвадцатипятисильные движки для них Кузьмин обещал «выбить». Такое сложилось впечатление, что он и без меня догадывался про возможность войны с Финляндией. Люди военные о таких делах узнают раньше нас — мирных жителей.

Пока мы лепили обкаточный образец — от интендантов пришел заказ на большую партию именно этих самых машин с автоматическими гранатомётами и двадцатитрёхмиллиметровыми пушками — по всему выходит, что мои мысли военпред перетёр у себя наверху и согласовал с нашими производственниками. Требуемая грузоподъёмность три тонны — мы тут же перешли на шестимиллиметровый лист, потому что иначе — никак. Не увезти нашей подвеске и броню и заданный вес. Ну да расчёт был на то, что дощечка пулю винтовочную придержит, ежели та пробуровит железо. А насчет чего покрупнее из нынешних стрелялок — так мы удалили даже ту защиту, что была на семидесятишестимиллиметровой самоходке-прототипе нынешнего варианта, которая держала пули от крупняка с передней полусферы. Сами понимаете — интенданты заказывают транспортное средство не для того, чтобы туда-сюда одно и то же железо возить.

А двухсотсильного дизеля как не было, так и нет. Думаю, если его сейчас делают, то весь изводят на танки. У нас в стране Советов большого изобилия моторов пока не наблюдается — так, впритык всё, да и то с натяжкой.

Что ещё добавлю к образу последней пятиметровой «модели» — тут в грузовом отсеке без тесноты умещаются снова восемь десантников (он на полтора шага длиннее, на полтора лаптя шире и на ладонь выше, чем у четырёхметровой бранзулетки) и дровяная печка с дымоходом. Вот и

выходит — хочешь грузы вози, хочешь — бойцов транспортируй к месту боевых действий. Потому, что люки имеются и в корме, и в крыше, а дырявить борта амбразурами я никому не позволю. На мой взгляд такая фигня может прийти в голову только с бодуна — делать в борту дырку, которую надо затыкать от воды, защищать от осколков и завешивать от комаров, а стрелять через неё имеет смысл только для того, чтобы избавиться от патронов или забалдеть от пороховых газов, потому что попасть на ходу с трясущегося упора можно только в небо. Далеко не в самый центр. Я и с турели-то при хорошем обзоре, иначе как с остановки, всегда промахиваюсь.

Скажите — разухарился Ванюша? Это, чтобы духом не падать, потому, что Жуков велел сделать машину побольше, а мы опять остались в предыдущем размере, да ещё и защищённость ослабили. И, поскольку, команду он отдавал лично мне — догадайтесь, кому прилетит его неудовольствие?

Кстати, заказы были и на самоходки, и на обычные бранзулетки, и на те, что с полковушками, и на миномётные — военные заказы вытеснили всю гражданскую тематику, отчего директор завода организовал третью смену — иначе машины мирного назначения делать стало решительно некогда, а они ему были важнее — что-то он с этого наваривал.

Ну а мы сооружали экспериментальный шестиметровый корпус, нарастив ширину до двух восьмидесяти и высота стала больше полутора метров — то есть внутри можно стоять, чуток пригнувшись, а не только сидеть, как в пятиметровке. Сюда без проблем поместилась бы танковая башня с сорокопяткой, да вот беда — не мог я сообразить, как подобное сооружение можно использовать в бою. Не рисовалось перед моим внутренним взором подходящих ситуаций. Это шасси ни на что непригодно в пределах действия вражеской артиллерии, стоящей на прямой наводке А с башней от МОТки получался хорошо защищённый транспортёр. Чисто обозная машина на пять тонн груза. Хотя, можно и счетверённый Максим поставить или другие малокалиберные орудия и использовать их в подвижном варианте в качестве мобильных зенитных установок. Впрочем, до такого военная мысль пока не дошла... кажется. Мне ведь из генштаба доклады не направляют и с последними веяниями военной науки я не знаком. Опять же автоматическая двадцатитрёхмиллиметровка Таубина вполне себе неплохая зенитка, если обеспечить ей большие углы возвышения. Пока-то у нас только до сорока пяти градусов чуток не хватает, потому что иначе раздавит башнёра.

* * *

Обстановка, сложившаяся осенью тридцать девятого года на заводе, казалась мне унылой. Производство, работающее ритмично радовало начальство устойчивыми результатами, а я оказался в положении ни тпру, ни ну, да ещё и весь в терзаниях от непонимания, что делать и куда грести. А в таком состоянии очень хорошо помогают занятые руки. Выпросил я у Кузьмина стодвадцатипятисильный двигатель — они ведь у нас по-прежнему, считанные, и всяк для своей плановой машины предназначенные. Как уж военпред ухитрился «отщипнуть» одну штучку — ума не приложу. Этот дизель я и стал пристраивать на шестиметровый корпус, что ждал своего часа на козлах для макетирования. Дело в том, что лист сюда пошёл вдвое тоньше, чем был в моё время на МТ-ЛБ. То есть согнули и склепали машину из нашей излюбленной шестёрки — значит имеется шанс, что потянет движок колымагу, потому что из тонкого материала повозка выходит легче. Пусть и не столь шустро побежит, но и не застрянет совсем посреди дороги. Только пускай Федотов рассчитает трансмиссию, я потом выберу подходящую на СТЗ — там есть кое-какие варианты. Ну и на заводе у нас свои зуборезные возможности появились — оснащаемся понемногу.

* * *

Ну что сказать о моём новом детище? Да ничего особенного. По два катка прибавилось на каждый борт. Ухудшилась динамика, но возросла грузоподъёмность и прибавилось простора в кузове. Рация тоже вошла в увеличившуюся ширину, несмотря на то, что впереди поставлена более широкая башня от МОТки. В кормовую дверь — а я оставил только одну — можно войти, хорошенько наклонив голову, а не вставая на четвереньки.

Поездили мы на этом драндулете с Кузьминым. Потом он дал команду обшить изнутри деревом не только кабину, но и грузовой отсек. Снова поездили, и на пустой лоханке, и с полной загрузкой. А потом он просто велел делать их, вместо пятиметровых.

— На две тонны больше везёт, — объяснил он мне своё решение. — А главное, Иван Сергеевич, обязательно доставит груз до места, не застрянет по дороге. И от самолётов отобьется, — он заказал у Таубина гранатомётные гранаты с дистанционной трубкой и мы не раз с ним в степи

«развешивали» в небе рядочки из пяти быстро тающих дымных облачков. Почему из пяти? Такова ёмкость магазина. Но цепочка получалась убедительная — уверен — отвернёт лётчик, если увидит такое перед собой. А не отвернёт — встреча с кусочком чугуна, которые разбрасывает тротильный заряд, не пойдёт на пользу его аэроплану.

Полёт трассирующего снаряда из пушки тоже хорошо замечен, да и сам снаряд, хоть он и просто кусочек металла, запросто выводит из строя двигатель — мощно он бьёт. Грубо говоря пара сотен граммов при скорости без ста метров километр в секунду — это ого-го! Это, если просто болванкой вжарить. А есть в комплекте и зажигательные и фугасно-зажигательные.

А вообще-то, знаете? Я начал сбиваться со счёту, перебирая варианты исполнения плавающих гусеничных транспортёров — столько мы их уже разных напекли.

* * *

Вдруг прибыл гость из Москвы, да не простой, а военный с тремя шпалами. Это по-нынешнему уже полковник, потому, что офицеров снова называли привычными словами. Не знаю, правда, всех ли, но на «товарища полковника» этот человек отзывался, и замечаний мне за это обращение не делал. Петлицы у него чёрные и какая-то птица в них. Если бы я был уверен, что нынче уже существуют автомобильные войска — сказал бы, что это крылатые колёса, как в наше время. Да только символика эта изготовлена была как-то аляповато и детали различались плохо.

С другой стороны, у Кузьмина вон, петлицы зелёные, тоже теперь с тремя шпалами, хотя и без птицы, так он на полковника не отзывается.

— Интендант, я, — говорит, — первого ранга.

Поэтому я его по фамилии зову, чтобы не ломать язык. И мозги так целее — устал я уже от всяческих переименований и реорганизаций в непобедимой и легендарной. Как выучил в своё время взводных с комбатами да отделенных с комбригами, так и стану их для себя этими словами называть, пока не увижу привычных мне погон на плечах.

Так про полковника — ох и достал он всех. В любую щель нос совал и спрашивал, спрашивал, спрашивал. Всё руками трогал, за каждый рычаг подёргал и на испытательном полигоне катался, на стрельбище палил из всего, что стреляет. Ни одного доброго слова никто от него не услышал. А потом они с Кузьминым позвали меня съездить в Москву. На «сарай» — так

я окрестил последний шестиметровый вариант транспортёра.

Нагрузил я в него горючки в оба конца — одной-то заправки всего на полтысячи километров хватает, а нам только в один конец не меньше двух на гусеницы наматывать. И ещё назад потом пилить — не видел я у дорог заправок с надписью «ДТ» на транспаранте у въезда. Запчастей прихватил — мне ли не знать, что может дорогой «полететь». Харчей и прочего, что в дороге нужно. И поехали мы в три водителя. Сто часов ходу теоретически, если всё время держать двадцаточку. Но карты, которыми мы пользовались, частенько показывали нам возможности прямить дорогу. Мосты нас не интересовали — любую речку в любом месте мы переплывали. Любая поляна, любая просека для нас — торная дорога. Фары хорошие, а грязи мы не боимся... нет, не совсем дуркой ехали, с оглядкой, но много прямее, чем если бы на автомобиле.

Уже в Подмосковье полковник сел за рычаги не в свой черёд и вскоре мы подъехали к большим железным воротам. Вот туда наш ведущий и зашёл минут на пятнадцать. Потом проход открылся, а дальше заехали мы на площадку, где в рядок выстроились образцы самой разной бронетехники. День выдался пасмурный, осенний, но без дождя. Вокруг стоящих боевых машин копошились люди в чёрном — в танковых комбинезонах. Нас прогнали в самый дальний конец, где нашлось свободное местечко.

Вылез я на крышу сарая — ну и дела! Рядом — одни знакомые. Мотка с недавно покрашенными следами осколков. Бранзулетка общего назначения, бранзулетка с полковушками, бранзулетка миномётная, самоходка, штабной вездеход, пятиметровый транспортёр из последних — в зимнем исполнении. Ну и наш сарай. Мне прямо бальзам на душу пролился, когда увидел я сколь много разных образцов собралось тут нынче, потому что и передвижка с краном тоже стоит, и еще одно пятиметровое шасси с понтоном на спине.

Дальше вижу танки. КВ узнал сразу. Правда, у этого башня пошире и короче он на один каток — корма куда меньше торчит назад. Создаётся впечатление, будто над ним поработал уже послевоенный конструктор. Калибр орудия мне не угадать на глаз — поди пойми, сто это миллиметров, или сто семь. Рядом самоходка на том же шасси явно с передним расположением двигателя потому, что ствол торчит из кормовой надстройки. Верные шесть дюймов. У следующей самоходки калибр где-то посередке. То ли сто тридцать — морской. То ли сто двадцать два. Но тут уже явно вращающаяся башня, правда, неизвестно — вкруговую или угол поворота ограничен. Судя по каткам и гусеницам все три машины из

одного муравейника — не иначе, Котин постарался.

Тридцатьчетвёрку я и узнал, и не узнал. Она тоже короче, чем я привык. А остальное похоже. И больше из средних танков ничего нет. Вижу пару лёгких. Один — явно плавающий (форма корпуса выдаёт) с незнакомой тонкой пушкой. Второй же — классических очертаний, то есть похож на Т-34, но компактней и с сорокапяткой. Оба лёгких танка я из своей прошлой жизни не помню. Может, и встречал когда на картинках, но наименований не скажу.

Судя по всему, готовится показ новейшей техники, потому что даже БТ здесь нет. Но, в этом случае, зачем тут бранзулетки, выпускающиеся аж с тридцать третьего года?

* * *

Полковник сразу предупредил, чтобы мы к другим машинам не подходили и к людям, что их обслуживают, с вопросами не приставали — мол, техника секретная, как бы чего не вышло. Ну да и пусть их. Я встретил Сеню, мехвода с моей Халхин-Гольской МОТки. Он теперь на ней башнёром. Старый сослуживец помог притащить водицы и придать «сарая» товарный вид, а то мы в дороге маленько заляпались. Полканы мои, впрочем, тоже пахали за рядовых — мы тут сейчас все в комбезах и шлемах, знаков различия не видать, а мероприятие ответственное и никакой прислуги поблизости нет, только охрана расхаживает да зыркает недоверчиво. Но к людям не вяжется.

Я, понятное дело, горючки в баки накачал из бочек, что в кузове, масло проверил, плотность электролита, поглядел не брызжет ли где, не подтекает ли. Покрутил башню, ход стволов попробовал, пересчитал магазины в укладках и погонял рацию по всем диапазонам. Хоть сейчас в бой. С Сеней мы у нас в грузовом отсеке пропустили помаленьку за встречу, вспомнили отделенного — он теперь техник-интендант второго ранга, что, на мой вкус — лейтенант. Может быть — старшой лейтенант. Потом я ему гранат с дистанционной трубкой десяток дал — у него таких с собой не было.

Ещё Сеня рассказал, что двадцатитрёхмиллиметровые пушки оказались очень чувствительны к загрязнениям, и один из людей Таубина с ними колдовал — стало заметно лучше.

А там — и в казарму отправились до завтра. Со стороны самоходок ещё звякали железом по железу, но без рьяности, деловито так. А нас строем сводили в столовую и расположили на отдых. Под комбинезонами

не у всех была военная форма — не один я тут человек гражданский. Хотя парни со шпалами после снятия танкистской спецодежды оказались только в моей команде. Им поотдавали честь, как положено, а потом это чинопочитание поутихло, разговоры пошли. Начались воспоминания о событиях в Монголии — бранзулетчики, самоходчики и Сенин экипаж имели, что рассказать. Ребята из Москвы, Ленинграда, Горького и Харькова с интересом прислушивались к нашим: «а помнишь, Ваня, как ты Осаке засадил!», и подсели поближе.

— Так, парни, кто вы? — спросил определённо старший лейтенант, потому что с тремя кубарями и маленьким танком в чёрной петлице.

— Кобыландыевцы, — как нечто само собой разумеющееся ответил командир самоходки и продолжил:

— Так летят на меня вершники — я шрапнелью, а хрен тебе, она уже позади них рванула. Тогда разворачиваюсь, и тикать. Заряжающий с наводчиком из ППТшек тех японских кавалеристов и давай прорезживать — благо — можно за задней стенкой укрыться. Она хоть и тонкая, но пулю из Арисаки держит...

— Вы парни что, из самой Монголии сюда своим ходом катили? — вдруг поинтересовался «мой» полковник.

— Не, нас под Питер перевели, как только с японцами управились. А оттуда — да, своим ходом пришли. А чё, водят у нас все, фары в исправности. В четыре дня докатили без спешки, только за рычагами менялись.

— Это сколько же у вас ресурс ходовой? — воскликнул тот же лейтенант. Старшой лейтенант.

— А чего ему не быть? — это уже полковник начал уводить разговор в сторону. — Машины лёгкие, транспортные. Ковыляют себе потихоньку, не напрягая ни движки, ни подвеску. Наше дело — груз довести...

— ...и от грабителей отбиться, а то на военное имущество желающих много, — завершил эту мысль Кузьмин.

— Так вы их и из пушек, и из миномётов, — никак не унимается старшой.

— Социалистическое имущество должно быть надёжно защищено, — поставил я под разговором жирную точку.

* * *

С утра было достаточно времени и помыться, и побриться, и

позавтракать. Только потом нас позвали к машинам, где, одетые в комбинезоны и шлемы мы замерли в коротких шеренгах поэкипажно. Вскоре и группа военных пожаловала — большие чины, звёзды в петлицах. Я опять узнал немногих: Жуков, Ворошилов — это из больших. Кобыланды со своим ромбом в петлице относился к свите, как мне показалось. Подмигнул мне из-за спин старших товарищей.

Группа экскурсантов прошла, поглядывая на машины и интересуясь назначением и характеристиками. На вопросы отвечали «мои» полковники.

— Ты, Иван Сергеич, гляжу, сделал большой транспортёр, — Жуков обратился прямо ко мне.

— Сделал, с горем пополам. Ты же, Георгий Константинович, не прислал мне обещанного мотора.

— Ну ты, цирик! Не забывайся! По мнению специалистов мощные двигатели требуются для боевой техники, а не для обозных бранзулетов, — и он повернулся ко мне спиной, давая понять, что тема исчерпана и готовясь уйти.

— А щёто по этому поводу думает товарищ Жюков? — спросил я, передразнивая хорошо знакомые мне по фильмам из той жизни интонации Сталина.

Надо было видеть, как поворачивался в мою сторону Георгий Константинович, и как замерли остальные.

— Иван Сергеевич тоже специалист, — вдруг произнёс ранее не примеченный мною другой знакомец. Тот самый Котин.

— Уже спелись! — сверкнул глазами Жуков. — А вот мы сначала поглядим на ваши чудо-пушки, а потом на художества товарища Беспамятного.

— А почему мои? — воскликнул я тоном обиженного ребёнка. — Инженер Федотов чертил, интендант первого ранга Кузьмин выдавал требования! Делал начальник цеха Маркелов, а я работал, куда пошлют.

Кажется, мою шутку поняли многие — на губах заиграли улыбки, а Кобыланды снова из-за спин старших товарищей сделал мне страшные глаза.

— Клоун, — ответил на это Жуков и зашагал дальше к Сенькиной мотке.

* * *

Парадная часть мероприятия длилась недолго. Гостей интересовало

другое. Сначала машины по одной уходили на танкодром, где преодолевали разные препятствия. «Выступлений» других я не видел, но ни о чем страшном никто не сообщал — как-то проехали все, ни один не застрял. Лично я ров и стенку попросту объехал на своём сарае. Уверен, остальные Кобыландыевцы поступили аналогично — не рассчитаны наши машины на подобные издевательства. Стрельбы были на другой день. По дороге мы с понтом переплыли речку у всех на глазах — это входило в программу. Плавающий танк от нас не отстал — вполне прилично и въехал в воду, и выехал из неё. А вот во время стрельбы он меня разочаровал — на нем, оказывается, стоял обычный крупнокалиберный пулемёт, ствол которого защитили броневой трубой — её я и принял за пушку. К тому же ствол не особо высоко задирался вверх — не чересчур зенитным оказалось это вооружение.

По этим же мишеням отработала и серийная бранзулетка с аналогичным результатом. Это и неудивительно — однотипные у нас пулемёты. Только потом ребята еще и вверх постреляли, расчертив небо следами трассеров. Сарай и мотка отработали из пушек по тем же целям, но с несколько больших дистанций — уверенное пробитие двадцатимиллиметрового листа броневой стали вызвало комплименты в адрес конструктора Таубина. В небо тоже не забыли выпалить, демонстрируя способность постоять за себя перед лицом воздушной опасности. Но по-настоящему удивить «экскурсантов» удалось пальбой из гранатомётов. Накрытие целей на расстоянии километра — полдела. У нас ведь осколочно-фугасные — они наглядно взрываются, можно сказать, отчётливо. С фонтанами поднятой земли, с поваленными мишенями. Главное же — не забыли развесить в небе дымные облачка, показывая возможность создания некой завесы на пути самолётов. Невысоко, но отпугнуть пикировщика подобное зрелище вполне способно.

Самоходка и танк, похожий на тридцатьчетвёрку, тоже выступили похоже друг на друга. Может специалист и увидел какие-то различия, но поражения целям они нанесли одинаковые. Лёгкий танк с сорокапяткой, хотя и заметно не дотянул до результатов средних танков, но нашел одобрение у зрителей. Зато потом «выступил» КВ. Стрелял он далеко и точно. Разнес мишени в пух и прах и пробил всё, что ему ни подставляли. Корабельной башни главного калибра с линкора или береговой батареи в этих краях припасено не было, а всё остальное он расковырял.

Самоходка с «промежуточным» стволом, высоко задрав свой хобот, отправила снаряды за горизонт — смотреть результаты нас не взяли — высокие гости уезжали на машине и отсутствовали долго. И под занавес из

сто пятидесятидвухмиллиметровки были развалены бетонные и земляные сооружения, приготовленные несколько в стороне — танки по ним не работали.

Уже в конце отстрелялся миномёт из кузова бранзулетки и полковушка с аналогичного шасси. Их проверили на способность разрушать земляные сооружения вроде землянок, блиндажей и ДЗОТов. Результаты мне не докладывали, но посмотреть на содеянное я подходил — охрана больше никого не отгоняла, видать Жуков и на них прикрикнул. Так да, намолотили они изрядно — впечатляющий результат. Весьма глубокая вспашка, хе-хе.

* * *

— Сарай свой вот его людям отдашь, клоун, — Жуков кивнул в сторону стоящего рядом со столом Кобыланды и кивнул мне на свободный стул. — Продолжайте, комбриг, — это в сторону друга. За столом ещё несколько человек, самые младшие по званию среди которых «наш» полковник и интендант первого ранга Кузьмин. Один я в штатском.

— Формирование бригады практически завершено. Гусеничные транспортёры собраны из всех автобатов, ремонтные работы на них завершаются, обшивка деревом грузовых отсеков идёт полным ходом.

— Стоп, — прервал докладчика Георгий Константинович. — А как же кабина экипажа?

— А это на всех машинах давно практикуется, ещё с первых образцов во время событий в Грузии. Вы могли не заметить, потому, что выкрашено всё в чёрный цвет. Так вот, призванные из запаса и переведённые из других частей ранее служившие в конвойных подразделениях люди почти все прибыли. Командные кадры будут укомплектованы после подписания приказов о повышении в звании... вот эти документы, — Кобыланды положил бумаги на край стола.

— Так, что с топливом, боеприпасами, обмундированием?

— Всё доставляется... решим мы эти вопросы.

Тут я чуть не подскочил, укушенный неожиданным воспоминанием. Видать заметно дёрнулся.

— Чего тебе, клоун?

— Стёганные куртки, ватные штаны, валенки, меховые рукавицы и шапки-ушанки.

— Какие штаны, какие шапки? — вижу, Жуков гневается.

— Меховые, — отвечаю, — шапки. И маскхалаты. Иначе, поморозите

бойцов, — я ведь уже сообразил — готовится нападение на Финляндию. А про тяготы этой кампании поминалось даже в учебнике истории — шибко тогда морозы были сильные.

— Ваня не говорит зря, — вдруг, опережая реакцию старшего по званию, встревает Кобыланды.

— Да, мне докладывали, — вдруг соглашается Георгий Константинович. И тут же саркастически добавляет: — Вы не стесняйтесь, поговорите между собой, а я послушаю.

Друг мой замирает в нерешительности, а мне не страшно — я штатский.

— Одень бойцов в ватники и закутай в белое. В полушубках по снегу не много наползаешься, а мои старые кости уже чуют большие холода этой зимой.

Странное дело, как помянул кости — сарказм из глаз Жукова сразу пропал. Видимо, подобная аргументация не выглядит для него полной дичью. И он не против того, чтобы солдаты были хорошо одеты. Мгновенно уловив смену настроения начальства, Кобыланды решается спросить, несмотря на некоторое напряжение:

— Ты сколько таких сараев можешь быстро мне пригнать?

Поворачиваюсь к Кузьмину и смотрю на него — он больше знает о планах и сроках, о состоянии заделов и этапах производства.

— Через пару недель — шесть штук будет.

— Мне нужно с широким люком на крыше и пулемётной башней, — уточняет мой друг. — Хочу двадцатимиллиметровые миномёты на них установить.

— Миномёт дашь? — спрашиваю.

— Да. Вместе с расчётом.

— Тогда три недели, — отвечаю. — Потому как сперва перечерчивать, а потом, может, и переделывать придётся.

— Вы разговаривайте, не стесняйтесь, — опять подначил Жуков. — Всем очень интересно.

— Я от короткоствольных пушек откажусь, — продолжил мой товарищ. — Восьмидесятидвухмиллиметровые миномёты их вполне заменяют, а с ними куда проще, и можно использовать вне машины.

— А шрапнели? — спрашиваю.

— Этот выстрел в самоходках есть, — отвечает. — А на ближних дистанциях мы из гранатомётов можем обработать пехоту.

На этом мы с другом закончили наш междусобойчик. Словом опять завладел старший по званию и повёл разговор в плане кто когда и чего

должен сделать. Зачем я тут оказался — ума не приложу. Думаю, за компанию с нашим полковником, на которого навесили кучу задач. Про то, что стёганные штаны и бушлаты, валенки и ушанки толком ещё в армии в это время не использовались, я узнал значительно позднее, когда Кобыланды собирал отовсюду то, что смог отыскать, в том числе и в торговых организациях. Часто вещи были совершенно не военного назначения — неподходящих цветов или... орнаментом, например, украшенные. А ещё он ограбил кавалерийские склады — у конников оказалось как раз то, чего ему было надобно. Даже кубанки прибрал — они всяко теплее суконных будёновок..

Друг мой зевать не привык — сразу воспользовался информацией, полученной вне очереди. Он всегда так поступает. Расторопности ему не занимать. Двадцать пять лет парню, уже два года как комбриг. Причём сам Жуков к нему относится хорошо — это нынче дорогого стоит.

* * *

На другой день было собрано маленькое совещание. Чисто военные высоких рангов, из которых я знал только Ворошилова, Жукова и Кобыланды. И, как я понял, конструкторы гусеничной техники. Котин — старый мой знакомый, и ещё мне указали на харьковчанина Морозова. Запоминающаяся личность с налысо обритой головой. Оба, кстати, моих лет — за тридцать. Были ещё люди из Москвы и из Горького, но не стану сыпать именами — признаться, память на них у меня не очень.

Тема была объявлена о дальнейших путях развития бронетанковых сил в плане совершенствования техники, но как-то он всё кругами шёл: броня и скорость, проходимость и вооружённость. Одно перетекало в другое и вращалось вокруг мощности моторов, запаса хода и ходового же ресурса. По всему выходило, что разработки упёрлись в некий предел, достигнутый современными технологиями, хотя по сравнению с тем, как я представлял себе технический уровень этой эпохи, когда жил в будущем — разница очень существенная, причём, сильно в лучшую сторону. Мощные оппозитные дизели сильно расширили возможности для конструкторов и улучшили условия компоновки. Тут ведь в чём прикол: Так уж эти двигатели сконструированы, что для продольного расположения вала сами они оказываются размещены поперечно. Визуально поперечно. Из-за большого размаха цилиндров, направленных «головами в разные стороны». В моделях со встречными поршнями, дающих наибольшую мощность на

единицу веса, очень непростая кинематика, отчего их производство довольно сложное дело. Один коленвал чего стоит! Признаться, я пробовал как-то его выполнить электролитически для маленькой модели. Так намучился и всё на свете проклял. И свету пожёг — страсть.

Так вот. Нынче на всей военной технике стоят оппозитные дизели, которые между собой люди называют любимчиками. Вот у меня на МОТках как раз полусотенный любимчик установлен, как я узнал из выступления горьковчанина.

— А что по этому поводу думает товарищ Беспамятный, — прервали мои молчаливые размышления ехидные слова Георгия Константиновича, — все заулыбались, припоминая нашу прошлую пикировку.

— Думаю, мы сделали правильные танки, самоходки и транспортёры, — ответил я на автомате. — Пришла пора освоения их войсками и кропотливой доводки заводчанами. Дальнейшие тенденции проявятся только в процессе боевых действий.

Добавить к этим словам было нечего, чуть не произнёс: «Хау, я всё сказал».

Видимо, моё «выступление» произвело на присутствующих хорошее впечатление — ведь я всех похвалил. Поэтому никто не попросил слова, только Кобыланды как-то встрепнулся, взглянул на председательствующего и...

— Да говори уж, — махнул рукой Жуков.

— Токарев больше половины деталей перевёл на штамповку, уменьшил темп стрельбы и убрал спусковой крючок одиночного выстрела, — протараторил мой друг чуть испуганно. — Есть у меня с собой — хочешь пострелять?

— Что же вы других не приглашаете, Кобыланды Кобыландыевич? Мы тут все люди военные, тоже интересуемся оружием... — произнёс Ворошилов. — А разговор, мне кажется, состоялся.

— Ага, — говорю. — Ты меня потом до вокзала подбросишь? Мне нужно домой поспешать твои «сарай» делать.

— Не извольте беспокоиться, цирик! — вмешался Георгий Константинович. — Доставят вас, куда положено. Ну, пошли, попробуем в деле ваше обозное стреляло.

Военные, когда речь заходит об оружии, обретают завидную непосредственность.

Шеренга Кобыландьевцев с ППТэхами произвела на меня хорошее впечатление. Начну описывать этих архаровцев снизу. Ботинки с обмотками. Обмотки эти все изгвазданы — покрыты дурацкого вида пятнами явно вручную. Любые оттенки зелёного с вкраплениями других грязных цветов вроде серого, коричневого... я почему на обмотках заостряю внимание — потому, что вся амуниция выглядит подобным образом. И не говорите мне о текстильной промышленности — тут и настой травяной зелени, и йод, и зелёнка и морилка и рука вдохновенного малявника, водившая кистью. Впрочем, вещи явно не раз стирали, отчего результат заметно побледнел.

Мешковатые штаны с пузырями на коленях. Фартучек, знакомый мне по встрече на Дальнем Востоке, превратился в толстого брезента жилет. Под ним что-то из плотного серого войлока — осень у нас, уже холодно — и рукава суконные, как у шинели. В сумме это напоминает куртку, поскольку заканчивается там, где начинаются ноги. Жилет обшит накладными карманами. Плоскими для магазинов и округлыми с виду явно для гранат первого калибра. Но ракетниц ни у кого нет. Вместо них под дырявым кожухом стволов автоматов приделаны трубочки — явно подствольники.

— Миша поработал вместе с Фёдором Васильевичем. Вишь, прям заодно с кожухом и штампуется, а потом — точечная сварка по шаблону, — объяснил Кобыланды. — Гранату тоже немного переделали — взрыватель теперь контактный, унифицированный с боеприпасом станкача. И система инициации выстрела такая же.

— Это вы что, сами целые стрелковые системы на вооружение принимаете? — подошедший незнакомец просто весь светится звёздами в петлицах.

— Для обозников, — ухмыляется мой товарищ, произнося ставшую привычной отмазку.

Пока бойцы инструктируют военачальников и конструкторов бронетанковой техники в части обращения с «обозным стрелялом», я произвожу несколько выстрелов. И одиночных, поскольку палец на спусковом крючке успевает «отсечь» продолжение очереди, и пяток очередей выпускаю по мишеням. А хорошо. Не водит, и отдача милостивая. Для полноты ощущений требую гранату — а тоже ничего. Не сорокамиллиметровка, конечно, но бахает громко. Зато выстрел ею звучит

невыразительно — хлопок.

Извлекаю рожок, патрон из ствола и приступаю к разборке — интересно ведь, как его чистить. Да вполне себе удобно. Детали достаточно крупные. А за моей спиной открылась натуральная пальба, и голос Кобыланды в коротком промежутке между очередями звучит гордо:

— Замучаетесь вы, Климент Ефремович, ствол ему расплавлять. Над этим хорошо поработато, — друг мой, когда волнуется, всё ещё способен неправильно употребить иное слово.

Пока высшие командиры наслаждаются новым оружием, продолжаю разглядывать «Кобыландьевцев». Во всю спину жилета — накладной карман, в котором лежит что-то мягкое.

— Плащ- накидка, — отвечает на мой вопрос боец.

— А-а... — угасаю я. Это для меня не диковинка — видывал я их.

— Покажи — требует Ворошилов, отчаявшийся добиться заклинивания автомата.

Парень быстренько вытаскивает из кармана на спине кусок ткани и просовывает голову в дырку посреди него. А поверх буденовки натягивает капюшон жилета:

— Чтобы казённое имущество не мокло в случае дождя, — ухмыляюсь я при виде скорости с которой всё это проделано. Не понял, как он столь быстро вытащил плащ-палатку из-за спины. Неудобно же руку назад заворачивать!

— Мазила, — неожиданно слышу я знакомый голос. Вроде другому адресовано определение, а только Жуков мне ни капельки не нравится. Может, с моего времени впечатление осталось — уж больно нехорошо о нем отзывались в некоторых книжках. А я вот своими глазами вижу, что резок он, но энергичен и упорен. Наверно — это разные стороны одного свойства — решительности. Как без неё на войне? Зато глупым его никто не называл, ни те, кому он нравился, ни те, кто на него злобствовал. Получается — умный и решительный. Если от командира в минуту испытаний кому-то требуется что-то ещё, так пусть сам попробует, потому что эти два качества обычно в человеке конфликтуют — трудно им ужиться в одном сознании. Ум больше располагает к осторожности. Мне кажется.

Глава 10. Меня понесло

Не скажу, чтобы дома меня ждала такая уж большая куча дел. Сараи мы под стодвадцатимиллиметровый миномёт переделали быстро и даже отправили их под Ленинград в октябре — я торопился, потому что помнил — война будет «зимняя». Точную же дату её начала мне никто не сообщал.

Все эти шестиметровые вездеходы мы обшили изнутри берёзовыми досками — дюймовкой — хоть немного добавилось теплоизоляции — всяко не в жестяной будке на морозе, да и повышается шанс, что стенка задержит пулю. Обычай, «отделывать» деревом кабину у нас давний, ещё с грузинских событий. А в Петропавловке столярное дело традиционно в ходу, потому что места тут безлесные, но баржи, на которых транспортируют вверх по Волге соль, возвращаются обратно. Вот на них-то частенько и привозят бревна, которые идут или на дрова, или на постройки или на доски их распускают — делай, что хочешь. Есть даже артель, для которой я по-соседски сделал кое-какие приспособления, чтобы и паз выбрать, как у вагонки нашего времени, и фрезерные станочки и электролобзики — да тьму разного инструмента, с которым в своё время имел дело. Директор завода организовал в инструментальном цехе производственный участок — делает помаленьку товары народного потребления. Время ныне строгое, если по основной продукции плана не выполнил — партбилет на стол... если не чего похуже. Вот он и крутится, используя редкостную для нынешнего времени продукцию для обмена на нужные заводу комплектующие, материалы и оборудование.

Оборотные, так сказать, средства, натурального свойства. Хе-хе.

В общем, дюймовочку берёзовую мы изнутри нашили, хотя на массе это сказалось отрицательно. То есть положительно, потому что потяжелела машина, но сам этот факт, как всегда, вызвал в душе моей горечь.

А потом, когда новый вариант транспортёра встал на производство, мысли обратились в сторону боевых гусеничных машин. Очень уж тепло отзывались Кобыландыевцы о самоходном оружии. Том, с длинным стволом на пятиметровом шасси. Удобная оказалась в бою вещь, идущая, как мне растолковали, в рядах пехоты. Особенно — в наступлении. Бойцы и за бронёй могут укрыться, и цель для пушкарёв разведать, да подсказать, куда оружие навести. Очень уж машина удобна тем, что легко с ней взаимодействовать — просто голосом на ходу перекрикиваются. Вот тут и заточился в моей душе неутомонный червячок сомнения — плавающая

техника не может быть хорошо защищена, а характер её применения таков, что под огневое воздействие она попадает обязательно — вести стрельбу с закрытых позиций ей почти не приходится, да и не так уж высоко задирается у неё ствол — её удел — прямая наводка.

Ещё сильнее подстегнул меня приход на завод сразу двух мощных дизелей — удвоенных вариантов ранее использовавшихся нами двадцатипятицилиндровых — двести пятьдесят лошадок. С припиской: «Для опытов». Подсуетился-таки Георгий Константинович. Вот тут и сели мы с Федотовым за расчёты, и сразу натолкнулись на такой огорчительный момент, что наша подвеска, получающуюся массу не держит — сталь, она не пушинка, а в толстых стенках её много. Это, несмотря на то, что конструировали мы не самый большой пятиметровый вариант. Обидно: движок везёт, а пружины проседают. Тут и вспомнил я про танк горьковчан. Тот, похожий на классический с сорокапяткой. У них наверняка есть готовые элементы подвески, способные нести получающуюся массу.

Сели мы на поезд и поехали. На заводе нас приняли не то, чтобы с распростёртыми объятиями, но взашей не прогнали и даже разговор завязался по делу. Как я понял — болезненность вызвало неприятие на вооружение плавающего танка москвичей, которого наша мотка крыла, как бык овцу. Ну да слово за слово — и процесс пошёл. На стол легли чертежи, появились логарифмические линейки а, чуть погодя, гляжу — ребята нашу пушечку приделывают к своему танку прямо у нас на глазах.

Я, было возмущаться, а Федотов и говорит:

— Остынь, Ваня! У них сварка бронекорпусов освоена, а мы только корабельное железо способны гнуть да клепать — под их тип производства твоя задумка заточена.

Спустил я пар и задумался — а ведь верно. Почему у меня всё плавает? Потому, что такова уж культура на нашем заводе. Судоремонтная. И я невольно под общее настроение придерживаюсь этой традиции. Тут же тебе всё на другой манер — чисто сухопутный. И начали мы скрещивать ужа с ежом. От наших машин на новую конструкцию сразу ушли катки, планировка боевого отделения и приборы наблюдения от МОТки. Особенно — водительский панорамный перископ. А перископ башнёра они попросили на свой танк — да не жалко, мы их производство с таким трудом налаживали, что даже рады делать на сторону. Зато трансмиссия — чисто ихняя, но система управления опять наша...

Потом они попросили нашу трансмиссию на свой танк... и так можно про каждый узел рассказывать. Когда уже всё слиплось, вычертилось и обсчиталось — пошло изготовление опытного образца самоходки. А я

смотрю — на кульманах и танк ихний стал менять очертания. Двигатель уехал вперёд, башня назад, сам он как бы присел, сделавшись ниже и в корме появилась дверца, а люки сверху исчезли. Нахватались, понимаешь, от нас с Федотовым. Короче, понимая свою причастность к свершившемуся, я отдал для ихнего образца второй движок на двести пятьдесят лошадок, а то они тоже ограничивали себя стодвадцатипятисильным. Не нравилось мне в их танке только то, что при экипаже из двух человек, башнёр не только наводил и заряжал, но и танком командовал. Про сорока же пятимиллиметровые самозарядные орудия я отродясь ничего не слыхивал.

Но мы же в Горьком! И я мчусь к Грабину.

— Проводились работы по созданию автоматических зениток таких калибров, — обрадовался мне Василий Гаврилович. — Только подобная пушка в танк никак не влезет. Великовата, что вперёд, что назад. Да и прекращены работы по ним, но документы я запрошу. Только там, как сейчас помню, низкая живучесть стволов. И моряки из-за пороха возмущались.

— Так мы по суше собираемся ездить, — отвечаю. — И не желаем палить очередями. Танк и одиночными выстрелами может своё дело сделать. Мне бы только освободить наводчика от заряжания орудия.

— Примерные габариты я обозначить, конечно могу, но конкретно установочные и присоединительные размеры надо узнавать на заводе имени Калинина.

Поехали мы в Подмоскowie, где делают зенитные пушки, и выяснили, что кроме морского варианта сорокапятимиллиметровой зенитки готовился ещё и сухопутный, для перевозки на четырёхколёсной платформе. Я не с Федотовым был, а с конструктором, занимавшимся башней. Долго мы ходили вокруг этой долговязины, прикидывая и так и этак — ни в какую она у нас не вписывалась в нужные габариты, хотя мы не сдавались, занимаясь прорисовками и прикидками на разные лады. Главный конструктор заводского КБ, тоже моих лет товарищ, присоветовал нам взять тридцатисемимиллиметровку, которая, на наш взгляд не слишком выигрывала в габаритах, зато для неё не оказалось бронебойного снаряда. То есть не подходила она нам ни в какую.

Я уже совсем было отчаялся, как вдруг решение сложилось — впихивалась пушка, если «удалить» из башни башнёра — и компоновочные решения МОТки снова всплыли из памяти. Благо, прицелы для зениток позволяли решить задачу наведения, а установленный на крышу башни перископ решал вопросы обзора.

Потом выяснилось, что пушка нужного нам калибра может и не быть принята на производство, потому что вместо неё планируется выпускать всё ту же тридцатисемимиллиметровку, но в настоящий момент заказ может быть принят и выполнен. Забодали они меня своей неопределённостью. Возвращались мы с товарищем с распухшими от сомнений головами, зато с согласованной спецификацией. Уже в Горьком, когда всё прорисовали, стали заново проектировать башню, отчего танк снова «присел». Вернее, втянул в плечи голову, потому что корпус и без того вышел ниже некуда — мехвод у нас полулежал.

Когда же наш многострадальный без счёту раз перерисованный танк наконец сделали и опробовали в деле — получилось нечто быстрое, хорошо бронированное и пробивающее из своей длинностволки пять сантиметров брони обычной болванкой. Собственно, виноваты в этом мощный двигатель и могучая пушка, но и я ведь тоже похлопотал для того, чтобы эти предметы встретились там, где нашлись люди, сумевшие их удачно соединить.

Разумеется, стрелять по самолётам наше детище не могло — в низком корпусе некуда было опустить казённый — не задирался ствол больше двадцати с небольшим градусов.

Ну а самоходка, из-за которой мы приезжали, получилась быстро и без особого напряжения. Компановочно, считай, наш вариант, только лучше бронированный и немного быстроходней. Эти машины были настолько сходно компонованы, что оторопь брала — носовая часть вообще один к одному, вся разница во второй половине. И вышли они, на мой вкус, заметно перетяжелёнными — почти по двадцать тонн. А что вы хотели — броня не пушинка.

На этом мой заряд неудовлетворённости иссяк, и я засобирался домой, чтобы зажить мирной жизнью. Бывает, знаете ли такое чувство, когда сделал всё, что мог. Тогда на душе становится спокойно и благостно, как я люблю.

* * *

Спокойно вернуться мне не позволили собственные мысли. С одной стороны я знаю, сколь непросто даётся Таубину производство его гранатомётов и боеприпасов к ним — нет массового потребления, нет и поточных методов производства. Та «линия», которую я ему построил, заметно помогает с гранатами, но всё равно остаётся кустарной. К тому же,

она не отливают себе корпусов. И другие механические детали обходятся не запросто. В результате автоматические гранатомёты совершенно не привлекательны по цене, отчего делают их мало — так и замыкается печальный круг, определяющий судьбу довольно удобного для МОТок оружия, отчего и сами МОТки стоят дорого — мало их берут, даже для конвойных частей.

А вот тут память моя вдруг подсказала сравнить два размера: тридцать семь и сорок миллиметров. Всего-то ничего разница. Но, если принимают на вооружение скорострельную зенитку, то снарядов для неё будут выпускать много. Достаточно проигнорировать гильзу унитарного патрона, разместить вышибной заряд в том углублении, где расположен трассер — и дело в шляпе. Да и стволы... грубо говоря, из одной зенитки выпиливаются несколько гранатомётов. Как воспламенить метательный заряд? Так ведь миномётчики как-то делают это в своих миномётах, обходясь без гильз, в доньшко которых вделан капсюль!

В раздумьях направился я к Грабину: он-то старый тёртый артиллерист и в подобных конструкциях много чего понимает, я же отдаю себе отчёт — мои замыслы могут быть чистым пшиком. Если не кривить душой — ни одна из моих затей не обошлась без участия инженеров этого времени, которые, собственно и создали реальные конструкции, пригодные и для использования, и для производства.

Удачно попал — тот самый самоходочный ствол трёхдюймовки вместе со всеми его затворами и прочими люльками, поставленный на обычный лафет с раздвижными станинами, только что прошёл госиспытания и был принят на вооружение в качестве обычной буксируемой пушки.

— Время зенитно-противотанковых дивизионов, к счастью, прошло, — довольно сказал Василий Гаврилович. — Можно, наконец, делать нормальные пушки для реальной стрельбы. За что и тебе, Ваня, спасибо — хорошо ты её в самоходку поставил. И Газовцы её же начинают испытывать на своей новинке. Знаешь, они ведь тоже сделали самоходку, похожую на ту, для которой мы её и придумывали, только значительно лучше бронированную.

Так, говоришь, гранатомёт Таубина тебе нужен с тридцатисемимиллиметровым снарядом вместо гранаты? Надо же, какие извивы мысли у тебя случаются! Ладно, помогу — ты меня на добрые мысли наводишь. Я ведь, признаться, не верил, что мою пушку воспримут всерьёз. Однако опыт боевого применения со счетов не скинешь — некуда нашим разумникам было деваться под давлением подобных аргументов.

Нет, ни расчётами, ни конструированием Василий Гаврилович не

занимался. Он поручил это людям из своей команды, чётко поставив задачи по частям. А потом были определены всего несколько моментов: рекомендации по доработке канала ствола зенитки, навеска вышибного заряда и жёсткость пружины. Таубин и не думал капризничать. Едва увидев эти цифры, он внёс в конструкцию изменения. А у меня кроме осколочного появился и зажигательный вариант боеприпаса. Увы, снаряд с дистанционной трубкой теперь оказался недоступен, а бронебойные при таких скоростях совершенно неэффективны. Разве что кумулятивные... но о них в эту эпоху я ничего не слышал. Откуда взялись бронебойные снаряды для тридцатисемимиллиметровок? Так они были всегда, просто мне про них никто не доложил. Более того — этот калибр ещё недавно считался основным для противотанковой артиллерии. Я ведь знакомился с вопросом на зенитном заводе... пошутили со мной тамошние конструкторы.

Но про перевод гранатомёта на ленточное питание я опять напомнил — время магазинов уходит в прошлое.

Забавно это осознавать, но после вмешательства ребят из команды Грабина, автоматический гранатомёт кардинально подешевел — количество деталей в нём уменьшилось, а самые дорогостоящие из них стали заимствованными от серийных изделий. Но на вооружение его опять не приняли. Вернее, отбоярились, пообещав закрывать глаза на закупки его для автобатов.

Глава 11. Запрягли

Зима с тридцать девятого на сороковой год была тревожной — финская армия оказывала нешуточное сопротивление. Это, судя по разговорам. Газет же я не люблю. Но есть вопросы, в изложении которых и они не могут врать или молчать. Тот факт, что боевые действия длились не один месяц в то время, как противостоящая нам страна очень мала, дал мне понять — не так уж сильно изменилась история по сравнению с той, которую я изучал в школе. История мира, в котором я когда-то жил. Нет, деталей я как не помнил, так и не помню, однако, впечатление сходное.

Тепло в наши края в этом, сороковом году пришло рано — картошку мы посадили в апреле. Я с удовольствием предавался обычным мирным заботам, подкрашивая оконные рамы, мастера на кухне вешалку для половника, поправляя столб в изгороди. На работе занимался приведением в порядок конструкторской документации — оформлял эскизы и проверял чертежи, уточнял спецификации и лаялся с технологом из-за небрежно оформленных технологических карт. От звонка до звонка.

Завод, кроме обычных работ на пришедших для ремонта судах, гнал понтоны для наведения наплавных мостов и быстро собираемых паромов, легкие буксиры, возимые на трейлерах — мы с Федотовым достаточно легко разработали эти немудрёные приспособления, порадовавшие армейские инженерные службы. Делали и комплекты частей настилов этих мостов и паромов, якоря для их фиксации и прочие очевидные вещи. Гусеничные транспортёры тоже делали ритмично. Скажем, плавающих самоходных артустановок ровно четыре штуки каждый месяц. Моток тоже четыре, бранзулетов и «сараев» по шестнадцать, а ещё штабные машины, ремонтные летучки с подъёмными кранами, бранзулетки под восьмидесятидвухмиллиметровые миномёты, сараи с пулемётом ДП на турели над пассажирским местом в кабине, но с необшитым изнутри кузовом — считай, чисто транспортный вариант. Число модификаций вездеходов было так велико, что я часто путался, пытаюсь их сосчитать.

Тут и приехали ко мне в гости Кобыландыевы всей семьёй, то есть с обеими дочерьми. У нас как раз Волга готовилась разливаться. Подъём воды только начался и мост на Мурне разобрали. Мы со старым товарищем не разговаривали ни о чём важном — ухаживали за садом, рыбачили, обсуждали фильмы, вышедшие на экраны в последнее время, и книги Майн Рида.

— Когда? — спросил он меня и посмотрел тревожно. Мы были одни на берегу и любовались сквозь прозрачную воду на рыбок, игнорирующих червей, извивающихся на крючках перед их носами.

— Двадцать второго июня сорок первого года, — ответил я уверенно.

— В прошлый раз ты называл только год, — напомнил он о Халхин-Голе. — Мне приказано развернуть бригаду в корпус к осени этого года. Советуй.

— Сначала расскажи о Финской, — притормозил его я. — Ты ведь с первого дня до последнего её прошёл.

Кобыланды вздохнул и кивнул:

— Эх, Ваня. Очень плохая война. Раньше я не любил ватные штаны и телогрейки, теперь я их люблю. Твои МОТки мне не нравились, но в засаде, в секрете, в охранении или дозоре они хороши. В разведку всегда их посылаю — умельцы смогли на три поставить радиостанции... — он на секунду прервался, уловив мой укоризненный взгляд. — Всё, всё, перестал уводить разговор в сторону.

Так вот, трудно было продвигаться. Снег, правда, лежал неглубокий и морозило не слишком сильно, но у финнов давно все квадраты пристреляны, на деревьях сидят наблюдатели и корректируют огонь. Так мы сначала выпускаем МОТки, чтобы они дистанционными гранатами впереди себя местность расчистили от этих «кукушек». Потом на сараях подвозим стрелков, чтобы прочесали лес и помогли МОТкам оборудовать позиции для дежурства, а сами подтягиваем основные силы, тылы, улучшаем дорогу и, главное, со всех сторон себя охраняем, потому что их лыжники в любую щель готовы просочиться и стреляют они метко.

Странная война получалась — мы как бы наступаем, но занимаемся тем, что сами обороняемся вкруговую. Пока добрались до настоящей полосы укреплений — нам уже только и хватало людей на удержание дороги, а вперёд идти стало нечем. Бригада растянулась, у соседей дела ещё хуже — ближние отстали а одна дивизия попала в окружение, другая пошла её выручать, но её рассекли и окружили, но по частям. Мы с места стронуться не можем — тоже отбиваемся, то там, то тут. Хорошо, хоть в мелких стычках не проигрываем. Почти десять дней потратили на то, чтобы пройти несчастные сорок километров. А тут ДОТы, ДЗОТы. Мы их миномётами давить, но получается плохо. Только, вроде, замолчал — а чуть погода опять оживает. Надежды на авиацию не оправдались — низкая облачность. Их артиллерия с закрытых позиций наши миномёты гоняет — благо, они сразу переезжают, как только отстреляются, но, всё равно не можем с места стронуться.

Поехал я просить танки. Те самые, с большими пушками, а мне и говорят: «Их всего четыре штуки и они заняты в другом месте». Тогда я стал просить самоходки — тоже не дали. А старые танки я и сам не взял — их подбьют и они нам только мешать станут. Зато батарею из резерва выпросил. Вот из неё мы в три дня и проломили оборону на участке шириной километра четыре. Потом вошли в прорыв и опять застпорились. Но тут наши самоходки справлялись — не такие тяжёлые укрепления там перед нами оказались. Миномётчики начинали обстрел, чтобы финны попрятались, а тут самоходчики и подтягивались, доделывать, так сказать.

Но не прошли мы — не успело командование подтянуть свежие силы, как нас начали атаковать, затыкая брешь. Не поверишь — сразу стало легче. Теперь ведь не нам засады и ловушки устраивают, а мы. Правда, ситуация запуталась окончательно. Кто кого окружил — непонятно, даже по форме не разберёшь — все в белом. Через четыре дня подтянулась свежая дивизия, а следом танковые роты двинулись в прорыв. Штук пять прошло одна за одной по десятку средних танков. Похоже, их снимали откуда-то и бросали к нам. А тут снегу навалило, ударили морозы, но это уже к нам особого касательства не имело — мы получили приказ охранять дорогу от нашей границы до самой линии Маннергейма, то есть делать то, с чего и начали. Но, знаешь, давление на нас со стороны финских лыжников ослабло, а крупных частей в поле зрения больше не появлялось. Только отбили несколько попыток перерезать прорыв, но артиллерия резерва так и оставалась в нашем распоряжении, а артиллерийский огонь корректировать у меня обучены все бойцы. И связью нас судьба не обидела. Маневр огнём получался отлично.

Остальную войну довоёвывали другие. Ещё две дивизии ушли вперёд, а там и договор подписали с Финляндией.

Он замолчал. Понятно, что не всё рассказал, но, думаю, главные моменты помянул. Он ведь обычный рядовой комбриг — стратеги из высоких штабов ему в своих действиях не отчитывались. Так что со мной он был откровенен в меру того, что достоверно знал.

— Потери большие? — спрашиваю.

— У меня маленькие. У соседей... по разному. Одну дивизию совсем разгромили. Был случай, когда командира расстреляли перед строем, — вздохнул товарищ. — И спасибо, что в «сарай» поставил такие хорошие печки. Парни могли обогреться прямо на опорных пунктах. Наверху в башне голова наблюдателя, а сам он в гимнастёрке сидит и чай прихлёбывает, — мы улыбнулись.

— Так что в войне с немцами-то делать? Пока все твои предсказания

сбылись, а советы оказались верными. Иногда — спасительными.

Теперь призадумался я. Не так уж много знаю я о Великой Отечественной. Битва под Москвой, Сталинград, Курская Дуга — это уже далеко не начало. Блокада Ленинграда, оборона Одессы и Севастополя — не знаю ни схем сражений, ни состава войск, участвовавших в них. Даже даты только приблизительно. Вот Брестская крепость оборонялась с первого дня войны. С такими познаниями ничего не насоветуешь. Обрывочные у меня сведения. Ну да изложу то, что помню.

— Разбомбят аэродромы — погибнет много самолётов. Захватят приграничные склады. Танки будут без горючего, а связь прервана. Управление войсками утеряется.

— Кошмар, — в глазах Кобыланды плещется ужас. — Это же катастрофа! И что делать?

Вот теперь он рассказал мне о Финской войне всю правду. Он поверил моему предсказанию — значит катастрофическая картина представляется ему вполне возможной. То есть «способности» военного руководства оценены им также, как проявила их известная мне история — воевать Красная Армия научилась только набравшись боевого опыта.

— А что тебе велено? — печально улыбнулся я.

— Развернуть бригаду в корпус.

— И...?

— Рядовые красноармейцы, прошедшие Финскую, станут младшими командирами. Младшие — средними, а средние — старшими.

— Старшими? — мне не вполне понятно, как это можно столь уверенно обещать. — У тебя и такие полномочия появились?

— Появились, — кивнул Кобыланды. — Размеры корпуса пока не ограничены. Ты мне скажи, какие танки просить?

Надо же, какие перспективы открылись перед другом! И по-русски он говорит совсем чисто. Даже названия должностей в армии нарочно для меня назвал по-старому, не произнося слова «офицер», недавно снова возвращённого в обиход. Про то, откуда я, он не знает — не говорил я об этом даже тогда, когда мы мотались по болотистой Кахетинской низменности, деля на двоих котелок каши и укрываясь одной шинелью, подстелив вторую на жёсткое дно грузового отсека лоханки.

— Разные бери — опробуешь, поймёшь, какие для чего нужны. Где корпус-то собираешься формировать?

— В Китае. Эшелоны уже в пути. Там и пополнение примем.

— А что, — спрашиваю, — не боится уже Хозяин войны на два фронта?

— Боится, конечно. Только после Финской он своей неготовой к войне армии боится ещё сильнее. Из двух бед, знаешь ли...

Я кивнул. И вдруг спохватился:

— Авиацию возьми в Китай. Истребители, пикировщики какие-нибудь. Не знаю, что сейчас есть. Но пикировщики — самая гадкая вещь для супостата, — не помню, когда у нас появились штурмовики, потому и не поминаю. — А лётчик-истребитель, понимаешь, только в бою рождается.

— Авиацию! — хмыкнул Кобыланды. — Так у неё другое начальство, — он немного помолчал, раздумывая. — Прикажу начальнику штаба, чтобы подобрал человека, который познакомится с кем нужно и подружится. Ну и там, на месте, сообразим что-нибудь — есть ведь в Китае наши лётчики. Ты сам-то, что собираешься делать?

— А ничего, — отвечаю. — Все размеры и модификации лоханок под все движки в производстве освоены. Если ещё какие потребуются — Федотовское КБ их мигом нарисует, а завод сделает. Дождусь начала войны и в армию пойду.

— Так тебя и отпустят! — скривился друг.

— Простого рабочего не станут удерживать, — улыбнулся я. — А у меня сыны растут. Как я им в глаза буду смотреть, сидя в тылу? Или, коли в тыловых частях перекантуюсь, что потом расскажу? Нет. Лучше сдохнуть. Ну и не каждого рядового пехотного Ваню ожидает смерть на поле боя.

— Хрен тебе с маслом, а не пехота, — вскинулся Кобыланды. — Лично прослежу, чтобы мехводом взяли в Первый Бранзулечный корпус. Ты же водишь, как дышишь.

Я согласно кивнул. Хорошо, когда тебя понимают. Конечно, спервоначалу этот хитрец пристроит меня на штабной вездеход, но в начальный, разгромный период боевых действий всё перемешается — не уследит он, как я пересяду на лёгкий танк — они мне ужасно нравятся. Ну те, с автоматической сорокапяткой. И машину я знаю — участвовал в создании. Сумею и за башнёра сработать.

* * *

В Москву меня вызвали письмом, отправленным обычной почтой. Тётя Дуся, листоноша, вручила его мне лично в руки, хотя было оно ни капельки не заказным и никаких строгих пометок на нём не значилось. Фамилия отправителя произвела на неё неизгладимое впечатление. Я, когда

распечатал, конверт ей отдал, хотя не был уверен, что подписан он собственноручно. Но даже если это работа секретаря, то всё равно — ценный будет автограф.

Иосиф Виссарионович приглашал меня в Москву к определённой дате и времени. Вот и всё — буквально пара строк. Было время, чтобы подготовиться к столь важной встрече. Мы целый альбом составили со всеми возможными вариантами шасси, моторов и трансмиссий. Прорисовали башни: с крупнокалиберным пулемётом, с обычным, с двадцатитрёхмиллиметровой. Каждая имеет вариант с установкой гранатомёта или без. Все виды кунгов, понтонный транспортёр, с краном, с буровой... толстый красивый альбом с чётко оформленными пояснениями. В общем, постарались наглядно представить весь диапазон возможностей, чтобы любимому вождю было интересно полистать.

Если кто-то думает что самое маленькое шасси имеет только одно исполнение — то нет. Для разведчиков, например, вообще без башни. Кроме мехвода берёт двух пассажиров и рацию. Ещё можно прихватить с собой сотню килограммов груза. Правда ездоки тут уже сидят, словно в лодочке и торсы их торчат вверх, зато пустая она чуть выше, чем по колено — такую крошку прятать очень удобно.

* * *

Я взял на заводе неделю за свой счёт и поехал. Май месяц как раз начался. У нас уже совсем наступило лето, а в столице не так жарко и нет комаров. Приятная погода.

Остановился у Кобыландыевых — сами-то Софики с дочерьми гостят у нас, а отец семейства опять в командировке, но тут за всем присматривает домработница — квартира у них нынче просторная и не очень далеко от Кремля. Машенька, что работает в доме комбрига, меня в лицо знает и никаких недоразумений при моём вселении сюда не случилось.

Остаток же дня я провёл в геологическом музее. В своё время не мог в него попасть — он по выходным не работал. А в другие дни работал я. Ну а тут побродил по залам, разглядывая диковинки и размышляя о том, что нужно будет с сынами сюда завезеться и с Анной. Как сыны немного подрастут... так, ёлки! Война же начнётся!

В Кремль попал без проблем — на проходной меня ждал пропуск, а дорогу в приёмную я отыскал по памяти. Секретарь взглянул на часы, и пригласил проходить — время я выдержал пунктуально.

— Здравствуйте, Иосиф Виссарионович, — произнёс я входя. Дело в том, что Поскрёбышев каждый раз предупреждал: «Обращаться следует „Товарищ Сталин“, и никак иначе». Но во мне от этого возникал протест и я умышленно поступал неправильно. В конце концов, я ведь по голове ударенный — должен держать марку.

— Проходите, товарищ Беспамятный, рад видеть вас, — Сталин показал на стул и выложил передо мной записку со словами «Тупоносый» и «Лавочкин», — почему вы мне её не отдали? — спросил он строгим голосом.

— Не был уверен, — пожал я плечами.

— То есть, вы понимаете в танках и бранзулетках, но не понимаете в самолётах? — уточнил он.

Я кивнул.

— Я так и думал. Но вам придётся в них разобраться и доложить нам состояние дел с разработкой новых истребителей. Знаю, что вы любите тихую жизнь в провинции, но приближается тревожное время, что для вас не секрет, — он как-то жёстко посмотрел на меня. — А в том, что вы справитесь, мы нэ сомневаемся.

— Так у вас для такого дела есть хорошо подготовленные люди, знакомые с состоянием дел.

— Нас интересует мнение незаинтересованного человека. А быстро разбираться в технических вопросах вы можете, если захотите. Нэ спорьте! Партия вам это приказывает.

Ну, знаете, распоряжения подобного рода нужно выполнять, ибо препирательства могут крепко повредить здоровью. Это не шалости с обращением. Поэтому я внутренне замер, а как это проявилось внешне — ума не приложу. Ну, сами рассудите! О моей причастности к разработке и принятию на производство пистолета-пулемёта — известно. Об истории с гранатомётом, с лёгким танком — да наверняка. Про котлы, печи медленного горения, пневмогайковёрты... хе-хе, шлифмашинки, для которых заводские умельцы придумали отрезные круги, отчего болгарки теперь называют петропавловками. Всё, спёкся окончательно — в глазах моих нынешних современников я — человек технически грамотный и широко эрудированный. Да ещё и лично незаинтересованный. Ну да — живу на одну зарплату. Дотихушничался, в общем, до ручки.

— Мне бы, Иосиф Виссарионович, поводить по авиазаводам. Сам-то их не найду, или не пустят меня куда понадобится.

Вождь кивнул человеку, которого я раньше как-то не заметил — он сидел в сторонке. А тот сделал мне жест следовать за ним. Моих лет

мужчина в форме с ромбом в малиновых петлицах.

* * *

Прикольно получилось. Я Ваня, а он Веня. Мы так договорились с ним друг к другу обращаться, чтобы никто не догадался. Формы же одежды использовали два варианта: рабочие спецовки или интеллигентские костюмы. Мне не хотелось ни официальных встреч, ни формальных разговоров. Проверяемые не должны знать, что их проверяют — иначе меня элементарно заведут за угол. Поэтому, по Вениному звонку, человек из охраны проводил нас неприметно на территорию чтобы мы растворились среди работников не привлекая к себе внимания.

Скажите — шпионские страсти? Есть маленько. Ну так я, если за что берусь, то мне это хочется обязательно сделать как следует, иначе перед людьми стыдно. Так что я хорошо подумал, представил себе как со мной станут разговаривать, заявись я в качестве официального проверяющего или выпрашивающего. Будут выпячивать свои достижения и жаловаться на трудности, созданные объективными обстоятельствами или чьим-то нерадением. Нет уж, пусть я меньше увижу, но это будет то, что нужно мне, а не кому-то другому.

Первый завод, куда мы попали меня ничем особым не удивил. Некоторая нервозность — это да, чувствовалась. Посидел я немного в одной курилке, в другой, послушал разговоры и сложилось у меня впечатление, что у них недавно на первой машине погиб лётчик-испытатель. Сейчас испытывают вторую, и тоже не всё идёт гладко — постоянные проблемы с маслорадиаторами, которые без конца переделывают. В общем — атмосфера доводки машины во всей красе — я-то знаю, каково это, хотя бы и на менее сложных конструкциях.

Побывали мы и в цехе. Но самой испытываемой машины там не застали. Потом переоделись в костюмы и прошлись по КБ, спрашивая людей, не заходил ли сюда Иконников. Некоторые интересовались, кто это такой и, пока Веня заговаривал им зубы, описывая этого несуществующего персонажа, я крутил головой по сторонам. Изображение общего вида однозначно указало на то, что работают тут над остроносым истребителем, то есть с V-образным двигателем водяного охлаждения.

Общее впечатление — жизнь в эту машину обязательно встряхнут, но дело это не скорое. Вот слышно это по духу, по атмосфере, царящей вокруг. Тем более удивительно было видеть огромное количество бумаг, которые

спешно оформляли. У нас в заводских КБ такое бывает уже когда завершены основные проверки и идёт оформление рабочей документации для серийного производства.

Марку самолёта и имя конструктора я попросил Веню мне не сообщать. Важно было сохранить собственную непредвзятость. Для себя же этот проект я мысленно обозначил первым номером.

* * *

Другой истребитель оказался на том самом заводе, где я когда-то встречался с Николаем Николаевичем Поликарповым. То есть, получается, что главного конструктора я уже знаю. Тем не менее понюхать атмосферу совсем не вредно. Вот и пошли мы через курилки, цеха и коридоры КБ. Выяснили, что самолёт тут строят остроносый, что испытания недавно начались, но каких-то особых неполадок или затруднений не наблюдается. Люди выглядят спокойными и ни капельки не суетятся. Что-то переделывают по мелочам, устранивают замечания и течи в трубках... куда как лучше обстановка, чем на первом из объектов. Показалось, будто несколько лиц когда-то видел. Возможно — и правда видел, когда был тут в прошлый раз. Кое-кто работал, хоть день тогда и был выходной.

Словом — без слишком уж сильного кипения идут дела, как раз в меру, на мой вкус. Расхлябанности нет — всё деловито. Куда как лучше всё это выглядит и сильнее обнадеживает. Хотя огорчило меня, что и этот самолёт — остроносый.

* * *

Третий проектируемый самолёт как бы и испытан, но не совсем до конца, тем не менее уже показан на Первомайском параде, хотя мелких доделок ещё уйма. Но летает уверенно. Основные заботы сейчас в КБ — конструкторы очень озабочены, а в цехе народ перешучивается насчёт полировки наружных поверхностей. Эту машину я увидел собственными глазами, а не на картинке — она стояла в цехе и невыносимо блестела. Опять остроносая. Общее настроение у людей слегка добродушное, словно увидели перед собой конец непростой дороги. Нет встревоженности — одна сплошная уверенность, что дело они до конца доведут. В общем, довольно оптимистичная картина.

А потом меня привезли в какой-то совсем непрезентабельный ангар, где довольно малоллюдно, зато стоят два тупоносых ястребка. В курилке никого нет, КБ находится в здании, похожем на барак, но там народ у кульманов вычерчивает другие самолёты, среди которых встречаются и остроносые ястребки и двухмоторные машины, а вот тех, что я приметил в ангаре, в работе нет — будто давно всё готово и дело осталось за малым... Совершенно непонятное у меня впечатление возникло, вернее, вообще никакого. Мы с Веней как раз вернулись к самолётам — один стоит с пустым капотом, а рядом на козлах его двигатель, в котором деловито копается мужик. Я, поскольку одет рабочим, стал ему помогать — то ключ подам, то поддержку чего. Двигатели — это мне понятно, но вот только со звездообразными я как-то раньше дела не имел. Хотел поспрашивать про разные непонятные шатуны — они тут вообще не так устроены, как у привычных мне V-образных или оппозитных двигателей, что мы ставим на бранзулетках, а потом прикусил язык и выпучил зенки — мама родная! Это же тоже оппозитный дизель. Только цилиндры в нём расположены не в горизонтальной плоскости, а вертикально поставленным крестом — верный признак двигателя воздушного охлаждения. Ну да! Вот и рёбра снаружи.

— Ну давай уже ключ, — пихнул меня локтем мужик, а я отмер и подал ему инструмент.

— Это что же? Дизель на птичку будете ставить? — спросил я озадаченно. — Оппозитник? Никогда не слышал ни о чём подобном.

— А куда деваться? — вздохнул мой собеседник. — Полная засада с моторами — не готовы они, вишь какое дело. Ни пермяки, ни запорожцы ничем пока не радуют. Планер сделан, а поставить на него нечего. Ладно хоть вот такой оказался. Ну-ка подай лопасть пропеллера по часовой. Потихоньку, я за кулачками смотреть буду.

Если кто забыл — так понимаю я в моторах. И уже разобрался, как вся эта конструкция взаимодействует. Но зачем кулачки — не понял.

— Так синхронизаторы это для пушек, чтобы они винт не поранили, — объяснил словоохотливый мужичок.

— Слушай, — говорю, — а чего у вас фюзеляж фанерный? Ведь из дюраля легче бы вышло.

— Вестимо. Но ныне крылатого металла не допросишься — ладно, хоть на крылья выбили, да на хвостовое оперение. Большим самолётам он

шибче нужен. Слыхал, небось, про цельнометаллические монопланы?

Кто же не слыхал?! Это визитная карточка Туполева — как про какую его машину не напишут, так всегда это словосочетание применяют. А на истребители, выходит, недостаёт крылатого металла — это я про себя подумал.

Тут подошли рабочие и давай мотор к самолёту прилаживать. Он ведь тяжелый, мотор-то. Где тали, где домкрат, где чурбак подставят. Так помаленьку довели до места и давай крепить. Вижу — дружная команда, сработавшаяся, хоть и небольшая. Нас с Веней гоняли не стесняясь. Ну а как тяжелая атлетика кончилась, да пошли подключения — тут нам с ним, кроме как инструмент подать, ничего не доверяли — много это работы, поставить двигатель.

Я чего столько про этот самолёт рассказываю — тот, который стоит с капотом — вылитый Ла-5, как я его помню. И, по всему выходит, что с испытаниями он от всех остальных истребителей отстал. То есть — их даже не начинали, когда три других хоть как-то, но летают. Причём два — явно неплохо.

Потом, гляжу, ещё народ подтягивается, не иначе — из КБ, потому что не в спецовках. Начались всякие проверки, запахло авралом — не поймёшь, кто чего делает. На этом мы ушли.

Больше мне Веня ничего показывать не стал — всё, говорит, кончились группы разрабатывающие истребители тут в Москве.

* * *

По этому маршруту, посещая четыре организации, сделали мы ещё три обхода — меня интересовал процесс в динамике. Я по-прежнему нарочно не заглядывал в записи своего поводыря, чтобы не знать ни названия проекта, ни имени конструктора. Иначе ведь могу повестись просто на магию имени и потерю объективности. То есть называл машины по номерам, а уж меня к ним проводили. Так вот — последний, с оппозитником, таки взлетел и пошли его испытания. Понятное дело — мне надо было прислушаться к настроению людей. Да ничего так, пессимизма и в помине нет. Выявляют недостатки, подмарафечивают что-то, сдвигают, переносят. Такая же картина на второй машине и на третьей. Но чую — на третьей больше проблем, хотя она уже пролетела над Красной Площадью во время Первомайских торжеств и блеснит невыносимо.

Словом — разобрался я в вопросе за пару недель. Хе-хе. Вы что

думаете, я шибко много в авиации понимаю, чтобы самому делать квалифицированные технические заключения? Или сумею совершить это, прочитав какие-то толстые книжки? Да люди всю жизнь своему делу учились, и то ошибаются. Поэтому, кроме как по реакции самих специалистов на собственные успехи или неудачи, у меня вывода о состоянии дел никак не получится. Но уж тут я уверен, что не ошибусь.

Теперь настал черёд разбираться с формальными характеристиками. Веня по моей просьбе принёс техпроекты и протоколы испытаний — большего количества информации мне не переварить, да и ту, что есть, не знаю ещё, как осилю. Ну, что сказать — многие цифры похожи между собой. Одного порядка все параметры. Скорость там, площадь крыла, масса машины. Даже названия состоят из буквы «И», и цифр после неё. То есть, наподобие того же самого И-16. Значит — истребители. Сразу видно, что все, как один, стремятся к скорости в шестьсот километров в час, но получается это всегда с трудом и только на определённых высотах. Да и не совсем пока. Про последний, например, в который вставляли оппозитник, и это непонятно. Самолёт только начал летать и не все измерения проведены. В общем — надо немного подождать.

Ещё меня позабавило вот что. Судя по описаниям, у второго для меня номера под шифром И-200 дюралевый фюзеляж и деревянные крылья. А у четвёртого, тупоносого И-185 — наоборот: фюзеляж выклеен из фанеры, а крылья цельнометаллические. Но отчего И-185 получился настолько легче? Не вдвое, но очень заметно. Это уже нужно у кого-нибудь спрашивать — тут требуется эксперт.

И-301, тот, блестящий, что под третьим номером, вообще цельнофанерный — выклеенный на деревянном каркасе. Зато первый — И-26 — полное смещение стилей. Стальная рама, дюралевый нос, а хвост и крылья деревянные, обтянутые полотном. Причем последняя из упомянутых машин и произвела на меня самое тревожное впечатление — имею ввиду заметную нервозность в коллективе. Кроме того, она дольше всех испытывается — верный признак, что как-то дела идут не так.

Перечень выявленных недочётов и замечаний лётчиков я изучал долго. Для И-26 отмечается удобство пилотажа, доступность машины для освоения. Но проблемы с планером, чего нет у других машин. С двигателями проблемы у всех, кроме И-185. Это и понятно — тупоносый не нуждается в водяном охлаждении — целой системе, которую нужно вписать в фюзеляж. Но тут более всего проблем у И-301 — жарко в кабине. К тому же этот аппарат уличён в заметной тяжеловесности — маневренность у него неважная и разгоняется он медленно.

Что к этому добавить? Вообще-то тот факт, что в стране дела с двигателями обстоят непросто — это я знаю по собственному опыту. Маломощные более-менее доступны, средней мощности — с грехом пополам. А уж как нужен посильнее — совсем зарез. Наверняка и в авиастроении дела сложились похоже. Но, опять же ничего предугадать я не смогу.

На этом я остановился и принялся ждать новых результатов испытаний. Меня привозили на лётные поля и я смотрел за взлётами и посадками, ничего, по существу не понимая в происходящем. Только обратил внимание на один момент — испытания И-185, отстающего, идут скорее. Бывает и два полёта в день. И три, и четыре. Авторы явно торопятся нагнать конкурентов.

Вот и результаты измерения его скорости появились — хорошие цифры. Кстати, испытания в какой-то мере выявляют и эксплуатационную надёжность машины, и тут мои симпатии явно на стороне тупоносого. Пора докладывать — ничего я больше не пойму в этих самолётах.

Так и присел я на краю лётного поля, вспоминая, не упустил ли чего. Ясное дело, фамилии конструкторов я так и не знал — по моей просьбе Веня держал их о меня в секрете. Дело в том, что если по индексам я про эти машины ничего не помню, то, как только прозвучат фамилии авторов — тут же соображу, как они назывались. И, разумеется, сделаю выбор на основании послезнания. Но будет ли это правильно? Я ведь почему не читаю газет? Потому что пишут в них то, что кому-то выгодно. Не скажу, что намеренно искажают факты, но картинку всегда подают отражающую чьё-то мнение. Одно умолчали, другое повторили несколько раз, меняя ракурс подачи. Умеют журналисты убеждать — этого у них не отнимешь. А мне требуется выдать объективную картинку, опирающиеся на голые факты. И вот эти факты необходимо надёжно отделить от всего умозрительного или обобщающего, нанесённого на историю авиации многолетними пересказами, проявлением симпатий или антипатий и желанием сгладить впечатление от допущенных просчётов.

Не любят люди проводить работы над собственными ошибками — так что моё послезнание — опасная вещь. Оно может запросто привести меня на тот путь, которым события развивались в предыдущей реальности, реальности моего будущего — я невольно пойду проторённой тропой. Но в том, что этот путь оптимален — не уверен.

Насколько я помню в начале Отечественной наша авиация успехами не блистала и про то, что в этом виновато отставание в самолётах, упоминалось не раз. А ведь в войну старались не начинать новых

разработок — то есть упорно доводили до совершенства ранее начатые модели. Скорее всего — эти самые.

Что же мне делать? Разумеется, скорее всего я должен назвать модель, которую проектирует Лавочкин. Думаю, это единственный тупоносый самолёт под шифром И-185. Тем более, что он ещё и летает лучше остальных.

Пора вскрывать карты. И я попросил Веню «объявить» имена конструкторов. Вышло довольно неожиданно. Лавочкин разрабатывал лакированную цельнодеревянную машину И-301 с острым носом. Причем автором проекта значился Горбунов, а Лавочкин — руководителем коллектива. Ещё фигурировала фамилия Гудкова — конечно ЛаГГ. О нём отзывались не очень хорошо — это я припомнил. Чем-то он был неудобен.

И-26, тот с которым больше всего нервотрёпки — детище Яковлева. Уж и не знаю который: Як-1 или ещё какой номер — они на просмотренных в детстве картинках слились в моей памяти череду сходных образов. И сразу засосало под ложечкой — если «убить» это направление, то на чём будут летать пилоты эскадрильи «Нормандия-Неман»? Насколько я припоминаю — Як-3, подаренные французским товарищам, ещё лет десять служили им верой и правдой. Значит, машины были отличные.

И-200 — Микоян и Гуревич. МиГ — на нём начинал войну Александр Покрышкин. Но потом они как-то пропали из виду. Не особенно много упоминаний о них мне встречалось.

Про И-185 ничего вспомнить не мог. Нынче его строит Поликарпов. Тот самый, у которого я видел рисунок знаменитого Ла-5.

Вот незадача — всё перепуталось. Пока не «познакомился» с авторами — картина была ясна. Перспективная машина — Поликарповская. Микояновская и Лавочкина — обнадёживают. Яковлевская обещает долгий тяжёлый путь совершенствования. А теперь я и сам не знаю как поступить со своим послезнанием.

* * *

Долго сомневаться и рассусоливать мне не позволили.

— Ви уверены, что товарищ Яковлев нэ сумеет построить хороший истребитель? — Сталин посмотрел на меня хмуро и, кажется, угрожающе.

— Я уверен, что товарищ Яковлев сумеет построить хороший истребитель после нескольких лет упорной работы, — ответил я не отводя

взгляда.

— А Николай Николаевич имеет уже готовый образец, годный для постановки на производство? — продолжил настаивать вождь.

— Эти обстоятельства известны только самому Поликарпову. Он — честный человек и, если у него спросить, ответит определённо... хотя, скорее всего, попросит подождать с подобными вопросами — испытания продолжаются всего две недели. Но от себя добавлю — его машина завоеует небо войны.

— Так, — Иосиф Виссарионович ещё сильнее нахмурился. — С машиной Микояна тоже всё понятно — её проектирование несомненно завершат к нужному сроку, а высотный истребитель нам обязательно понадобится. Что будем делать с И-301 товарищи Лавочкина? Почему он захотел делать его остроносом?

— Думаю, дело в оценке доступности тех или иных типов моторов к заданному сроку. Отставание с двигателями воздушного охлаждения нужной мощности ни для кого не секрет, — я говорю уверенно, потому что много чего «нахватался», толкаясь на авиазаводах, в КБ и на испытательных аэродромах. Одного не пойму — имею ввиду послезнание. Почему в прошлом варианте развития событий нужный мотор, когда его, наконец сделали, оказался не у Поликарпова, а у Лавочкина?

Я ведь вот что помню: попадали мне в руки воспоминания лётчиков, начинавших войну на МиГах и И-16. А тех, что встретили годину испытаний на ЛаГГах или Яках — не помню. То есть — не было воспоминаний? Или некому вспоминать? Или стыдно и горько? Вы, как знаете, а я для себя уже всё решил.

— Уверен, если товарищ Лавочкин применит тот же двигатель, что и Николай Николаевич, его машина сможет противостоять Мессершмитам.

— А, если не применит — не сможет? — недобро посмотрел на меня вождь.

— И-16 окажется эффективней, — ляпнул я, не подумав.

— Не задерживаю вас, товарищ Беспамятный, — прервал меня Сталин. — Вы нуждаетесь в отдыхе. Возвращайтесь домой.

Выйдя в приёмную, я посмотрел на так и оставшийся нерассмотренным альбом со старательно приготовленными данными по номенклатуре выпускаемых у нас вездеходов.

— Забыли отдать? — спросил секретарь. — Оставьте у меня.

Глава 12. Вот это засада!

Веня застал меня в гостинице за сборами. Сталин отпустил его довольно быстро — он зашел в кабинет сразу после меня.

— Знаешь, Вань, я как-то не сразу об этом подумал, но И-200 — тоже проект Поликарпова. И он оказался перспективным. Просто какая-то пристрастность к его разработкам — ты не находишь? Ещё и И-16 сравнил с И-301, причём в пользу первого.

— Ты же всю дорогу рядом со мной был, — удивился я. — Слышал и видел то же самое. Неужели ты не разделяешь мою точку зрения?

— Зачем мне твоя, если у меня своя сложилась? — хохотнул Веня. — Только ты мне про твои выводы тоже ничего не сообщил. Это я из контекста беседы с Самим догадался.

— И какая? Ну, точка зрения у тебя? — не удержался я от вопроса.

— У Яковлева дрова, у Поликарпова — конфетка. Микоян и Лавочкин в сроки уложатся, но до Николая Николаевича не дотянут. Только, понимаешь, Поликарпову нужно для его машины много крылатого металла, а он необходим для крупных самолётов — бомбардировщиков...

— ... которые посбивают нахрен вражеские истребители, если наши не сбросят их с неба.

Веня крикнул и захлопнулся. Это я так свободно говорю потому, что совместная шпионская деятельность нас сильно сблизила. Он тоже искренне болел за порученное дело и, кажется, был неплохо осведомлён обо всём, что делалось в нашей нынешней авиации.

— Ладно, — сказал он наконец. — Отвезу тебя на вокзал, а потом присмотрю за нашими подопечными. Сегодня у двухсотки полёт после ремонта.

— Я бы на сто восемьдесят пятый на прощание взглянул, — ответил я просительно. — До поезда ещё куча времени. Съездим?

— Он сегодня не летает. Ревизия двигателя. Только на втором макете будут отстреливать пулемёты прямо на земле. Ладно, погнали туда, что с тобой делать!

* * *

Второй макет — истребитель со снятыми капотами, у которого вместо

двигателя было прикреплено нечто массивное, подкатывали к месту стрельб, приподняв хвост и навалившись на крылья. Пушки тоже были обнажены, и я узнал знакомые очертания моих любимых двадцатитрёхмиллиметровок. В кабине сидел Яков Таубин и командовал как повернуть да куда наклонить. Потом всех попросили отойти, прозвучала команда...

В это мгновение перед моим внутренним взором возникла стрельба счетвёренной зенитки этого же калибра — это же ураган! Почему счетвёренной? А потому, что на ястребке как раз и стоят четыре пушки.

И тут прозвучала короткая очередь из одного ствола, после чего несколько человек подошли к самолёту и принялись осматривать орудие. Вскоре стало понятно, что сегодня больше кина не будет, потому что пошли трещины в зоне крепления пушки.

— Что, Иван Сергеевич? Вас опять послали «посмотреть тут всё»? — раздался рядом со мной голос Поликарпова.

Повернувшись, я церемонно поклонился старому знакомому:

— Да уже разнюхал, что хотел. Сегодня просто как болельщик зашёл. А у вас тут что-то споткнулось.

— И не говорите. Отдача от этих пушек — словно кувалдой ударили, а истребитель всё-таки не танк. Если крепление не обламывается, так разрушается то, к чему оно приделано.

На заднем плане замаячил Яков Таубин, выражая огорчение всем своим понурым видом.

— Яш! Что за ерунда? — с недоумением смотрю я на конструктора пушки. — Я твоих двадцатитрёхмиллиметровок не один десяток поставил на лоханки. Да, лежатся они, но ведь через длинный ход ствола удар размазывается во времени.

— Ай, Вань. Не приняли ту пушку в авиацию из-за малой скорострельности. Заставили переделать с трёхсот выстрелов в минуту на шестьсот. Ход ствола пришлось укоротить, пружину усилить — и теперь уже не поставишь её на истребитель. Или нужно варить стальной каркас на полфюзеляжа.

— А те, что для нашего завода? Они ведь ещё имеются у тебя на складах? Тащи их сюда, — пытаюсь я его ободрить.

— Как не быть! Стоят на производстве серийно — вы ведь их регулярно берёте. Но нельзя. Они не приняты на вооружение и, тем более, не допущены к установке на самолёты.

Вот тут я и «присел». Как-то раньше глупостей подобного рода мне не встречалось. Возможно, оттого, что в нашей Тмутаракани не так густо

народу, помнящего инструкции и правила. Чаще делают как надо, чем, как положено. А тут — сплошная тоска. Махнул я рукой, да и сказал:

— Тащи сюда Яша свои тихострелки, а вы, Поликарп Поликарпович, ставьте их на самолёт. Если спросят, кто разрешил — укажете на меня. А я во всём сознаюсь, потому что меня чем-то тяжелым по голове ударили.

— Эк вас проняло, Иван Сергеевич, — в глазах Николая Николаевича блеснули озорные искорки. — Не извольте беспокоиться, батенька. И не торопитесь так сильно к Канадской границе. Поставим мы лоханочные пушки и формальные вопросы решим. Будет у нас счетвёренная установка с темпом стрельбы тысяча двести выстрелов в минуту и боезапасом триста шестьдесят снарядов. Пройдёт под все требования. А протоколы заводских испытаний на реальном объекте мы оформим и, куда надо, подадим.

— Яков Григорьевич, — вдруг «прорезался» Веня. — У меня тут машина. Погнали скорее за пушками — что там до того Коврова!

Надо же, оказывается, мой поводырь полностью в теме.

— Спасибо, товарищ, — ответил конструктор. — Пушки есть и тут, в Москве, на складе КБ. Но машина для их перевозки не помешает.

* * *

В поезде я не переставал думать о размещении счетвёренной зенитки в кузове сарая. Это же страшная вещь может получиться! Только как быть с ленточным питанием? Семён Семёныч! Вместо ДК уже с полгода на завод приходят ДШК. «Ш» — значит Шпагин. Тот самый, что перед войной наладил штамповку ППШ. Правда, на этот раз неизвестно, займётся ли он этим — ППТ хорошо отлажен в производстве и давно апробирован в войсках — Токарев его совершенствовал несколько лет. Однако, не о Токареве речь, а о Шпагине. По всему выходит — он сначала потренировался со штамповкой на звеньях пулемётной ленты, а потом додумался и до переноса технологии на производство целого автомата. И, кажется, был слушок о новом станковом Дегтярёве, тоже с ленточным питанием — значит, нужно срочно, после решения вопросов с обычным калибром и крупняком, мобилизовать того же самого Шпагина на оснащение ленточным питанием двадцатитрёхмиллимеровки Таубина.

Интересно, кто это сможет? Мобилизовать конструктора одного КБ поработать в интересах другого? Не Сталину же писать письмо с просьбой распорядиться?

Самому похлопотать, поугovarивать? Так я не знаю, где искать

Шпагина. Может быть, знает Таубин?

К чему это я так раскудахтался? А к тому, что автоматические пушки и пулемёты с магазинным питанием можно терпеть только до какого-то предела, а потом ограничения по боезапасу окончательно и бесповоротно их приговорят. Возможно, вместе с пулемётными и орудийными расчётами.

Сел отписывать Таубину о необходимости бросить всё и заняться ленточным питанием двадцатитрёхмиллиметровок, прежде всего авиационных. Ну а там и счетвёренную зенитку сделать.

Снова зуд в руках и компоновочные идеи, воспоминания об устройстве башни Шилки... Хотя, нужно поехать на всё тот же завод имени Калинина, где делают тридцатисемимиллиметровые автоматические зенитки. Всего-то делов, поставить эту пушку не на четырёхколёсную тележку, а на наш «сарай». А потом — скопировать установочные решения и перенести их на планируемую Таубинскую пушку с четырьмя стволами.

В общем — закрутился водоворот творчества. Как-то так сложилось, что знакомства, образовавшиеся на нескольких заводах, давали мне доступ к довольно большому количеству информации о том, что изобретают или уже производят в разных местах. Нет, великие секреты меня не интересовали. В одном месте — редуктор с нужным передаточным числом, в другом — одна-единственная шестерня. Или нужные крышечки летят из-под штампа, как из пулемёта. Вещи копеечные, а нам нужно в ЗИП несколько гаечных ключей... я наводил наших снабженцев на обнаруженные цели, а они потом уже заключали договора или просто покупали.

Разумеется, первым делом большим убедительным письмом сориентировал Таубина на организацию ленточного питания для пушек — знаю, что магазинные системы были вытеснены повсюду, даже в том же знаменитом ДП с его характерным блином.

Так вот — оба варианта зенитного вооружения прекрасно разместились на шестиметровом транспортёре. И тридцатисемимиллиметровая одностволка, и двадцатитрёхмиллиметровая четырёхстволка. Поставили мы их на плоскую крышу «сарая», огородив площадку перилами. Для большого расчета нашлось достаточно места в бывшем грузовом отсеке. Тут и боеприпасов помещалось как следует — не на один хороший бой должно хватить.

Отличные получились машины, способные вести огонь прямо на ходу. Смущало меня поначалу отсутствие тридцатисемимиллиметровых снарядов с дистанционной трубкой — ведь рвани шрапнель в воздухе — вероятность поражения цели заметно повысится. Но, полюбовавшись на

стрельбу очередями, я сообразил, что в боевых условиях выставлять на каждом снаряде задержку просто немыслимо — никому не успеть за пушкой, пожирающей боеприпасы один за одним. С другой стороны, для пальбы по низколетящим целям с малых дистанций вполне подходит картечь — эти выстрелы имелись в ассортименте ещё с тех пор, когда тридцатисемимиллиметровки использовались как полевые орудия.

Я их тут же включил и в состав боеукладки МОТок для гранатомёта. Правда, из-за малой скорости «гранаты» поражающая способность такого огня оказалась низкой — разве, что глаз выбить — но выглядело воздействие картечи на мишени страшно. Будто свинцовая метла. Опять же, корчащийся от боли противник уже не так страшен. По самолётам же картечь работала только совсем близко — с дистанций, которых в реальности просто не бывает.

Вот так и получается всегда — нос вытащишь, хвост увязнет. Без дистанционного снаряда гранатомёт напрочь потерял все свои невеликие зенитные возможности. Зато подешевел. И картечь я из боекомплекта МОТки обратно вычеркнул — нечего напрягать людей изготовлением неубивающего боеприпаса.

* * *

К сожалению в этот период поставки двигателей словно отрезало — их явно пустили на другие цели по приказу сверху. Единственное, что нам оставалось — это компактные сорокапятисильники. Дело в том, что наш заводик освоил их выпуск по полному циклу. Давненько я о нём не рассказывал, о судоремонтном.

Мы с директором представляли две совершенно различные школы организации производства. Я — сторонник того, чтобы купить готовые комплектующие и провести только сборку. Наш же глава искренне полагал необходимым делать у себя как можно больше частей и узлов, отчего непрерывно оснащал завод, приглашал специалистов, открывал всё новые и новые участки, а порой и цеха.

Началось на моей памяти с малого — с резины. Нет, химпроизводства для её синтеза у нас не было — привозили готовую. Зато оборудование для обрезаживания катков установили и наладили. А потом — прокладки, вводы, уплотнители... на трёхметровое шасси МОТки навесили экскаваторный ковш и бульдозерный нож. Чуток поменьше, чем на «Беларуси», но гидравлические. Интересно, было бы это возможно хотя бы

теоретически без собственного производства уплотнительных элементов и шлангов? Чем эти шланги армировали? Суровой нитью вместо привычного нам капронового корда. Вообще-то в детали я не вникал, но ремни для клиноремённых передач завод продавал.

Не мог я не заметить и появления зуборезного оборудования, развязавшего нам руки в части трансмиссий. Потом рядом с кузницей выросла сначала литейка, а там и термический участок. Завод строил домики и продавал их в кредит приглашённым работникам — с тех пор, как начали изготавливать лоханки, средства у предприятия водились. Да не одни вездеходы давали прибыль — кроме ремонта барж и буксиров, строили небольшие драги, землечерпалки, земснаряды, буксиры для рек и озёр. А с той поры, как начали сами собирать двигатели — и катера, речные теплоходики-трамвайчики, самоходные паромы.

Понятное дело — работников для всего этого в наших малолюдных краях не хватало. Надо было переманивать квалифицированные кадры из других мест. И для них стали строить жильё, но не на острове — тут не так уж много недоступного для половодья пространства — а на высоком левом берегу. Он, хоть и считается низменным, но возвышается над поймой на десятки метров, и место здесь ровное — степь. Как поднимешься, слева вдали село Владимировка — уездный город в прошлом, а сейчас — районный центр. Справа — постройки станции Ахтуба. А впереди железнодорожные пути, ведущие с севера на юг, от Сталинграда к Астрахани. Дальше раскинулась та же бескрайняя степь до самой реки Урал.

Ну, за железную дорогу новостройка пока не простёрлась. Её сразу спланировали достаточно компактно, потому что без водопровода тут никак, но трубы нынче дороги. Первыми встали благоустроенные кирпичные бараки под шиферными крышами — то есть пусть и со скромными, но утеплёнными удобствами. Кирпичный завод возвели в селе Покровка в двенадцати километрах выше по течению, а глубже в степь вынесли цементный цех. За ним устроили взлётно-посадочную полосу с твёрдым покрытием.

Собственно, это покрытие имеет небольшую, но очень милую историю — завод сделал несколько земснарядов для намывки песчано-гравийной смеси где-то в верховьях. Вот ею с нами и расплатились. Отсыпали немало улиц и все ближние дороги, а потом и заасфальтировали. Вот и аэродром получился асфальтированный. Хе-хе. Никогда раньше ни о чём подобном не слыхивал.

Для чего нам понадобился аэродром? Началось с приобретения

заводом самолёта — директор частенько мотается в Москву и очень ценит своё время. Потом — доставка почты. Затем и военные стали сюда «присаживаться», а там и воинская часть, летающая на И-15 совсем прижилась — говорят, что тут очень удобные ориентиры — Волга и озеро Баскунчак. Плюс — прекрасные подходы с любой стороны и повсюду ровные места для аварийной посадки.

Авиаторы уже и ангары возвели и сами стали селиться в городке. Аэродром назвали Ахтубинском. Это же имя закрепилось и за рабочим посёлком, где жили и наши работники и персонал истребительного авиаполка. Представляете себе, как меня прикалывала сложившаяся ситуация? В моё время на этом самом месте располагался военный городок с этим же самым названием. А дальше в степи были испытательные аэродромы НИИ имени Чкалова. Наде же, какой выверт учинила жизнь-злодейка.

Собственно, политику директора я, полагаю, раскусил. Кадры. Ему нужны кадры. Это и отслужившие в лётной части красноармейцы — многие из них — техники. Это и мехводы, прошедшие практику и обучение на заводе, а потом уволившиеся из рядов. Все они пожили в казармах с тёплыми сортирами... а тут им и жильё дадут с такими же тёплыми сортирами. И не важно, что не даром, а в рассрочку на несколько лет. Цены стабильны, процент не капает, а случись уехать — завод вернёт ранее уплаченное, будь это хоть бы и полная стоимость — жилфонд директор держит жёстко, он нынче не в изобилии. Поэтому увольнение и продажа квартиры заводу — неразделимые части одного процесса. Это сразу оговаривается. Только пенсионерам, пока они живы, никуда уезжать не надо. Потом же — деньги наследникам и адью. Если наследники сами не наши, не заводские.

Не знаю уж как на это смотрит жилищный кодекс и есть ли он вообще.

Кстати, не один я здесь творческая личность. Скажем, группа товарищей соорудила лоханку в варианте разведывательной трёхметровой маломерки не из шестимиллиметрового листа, а из трёхмиллиметрового. И попытались они её снабдить резиновыми гусеницами. Тут вот ещё какое обстоятельство — канаты для буксирования барж — они далеко не просто кусок толстой верёвки, и вполне культурное сооружение из тонкой стальной проволоки. И оборудования для её правильного плетения и свивания у нас тоже имеется — это часть основной продукции завода.

Так вот — умельцы попытались армировать ленту гусеницы сеткой из этой самой проволоки. Упорные попались ребята, справились. Справились и с зацеплением этой ленты с ведущим катком, и с грунтозацепами,

которые просто наклепали с двух сторон. Не сразу из этого вышел толк, но добились наши энтузиасты своего — директор-то их не торопил и ни с материалами, ни со станкочасами в помощи не отказывал.

А потом я наслаждался колебаниями Кузьмина. С одной стороны, в случае боевого повреждения гусеница не ремонтируется. С другой — сколько он ни гонял её по песку — ничего не разбалтывается, не действует абразив на траки и пальцы. И сама машинка на редкость резва и пронирулива. Так, когда их поставили на серию, военпред себе сразу и купил. Эдакий аналог легковушки-маломерки, пропирающей полтонны груза через любое бездорожье..

Конечно, был я в этой работе не только зрителем. Помогал. А сразу следом за первой ласточкой вылетела из-под нас и вторая, согнутая уже не из трёхмиллиметрового листа, а из полуторки. Один и шесть, если точно. И не на гусеницах, а на дутиках — простых автомобильных камерах. Разумеется, никакой подвески для такой машины не требовалось — торсионов в неё просто не поставили. А на осях колёс внутри корпуса закрепили звёздочки, которые соединили обычной мотоциклетной цепью. Рулили, как на тракторе, торможением одной стороны.

Были на заводе и другие самодельщики. Скажем, «сочиняли» разные моторные лодки — удачные конструкции начинали повторять и это становилось продукцией. Энтузиасты авиастроения так ничего замечательного и не построили, хотя случались трагедии при попытках взлететь. И «запороли» несколько движков.

Так вот, о двигателях. Поначалу их собирали из частей, изготовленных на СТЗ. Потом стали осваивать у себя деталь за деталью. Сами понимаете — цилиндры, шатуны, коленвал. Потом — система впрыска и так далее и тому подобное. Камнем преткновения были подшипники качения — они жёстко фондировались, а мы у себя даже не пытались их делать. Но не напрасно летали в Первопрестольную наши снабженцы — разобрались и с этим. И так, позиция за позицией, наименование за наименованием.

В начале сорокового года я немножко потолковал с начальством о предстоящей войне. Знаете, когда не тюкаешь руководителя постоянно всякой ерундой, а каждое твоё предсказание сбывается, это очень способствует взаимному уважению. Тем более, когда человек столь превосходно использовал представившиеся ему возможности. Мне ведь ни капельки не жаль, что летает он на собственном самолёте, и ездит на лимузине с персональным шофёром. Что у него есть небольшой прогулочный теплоход и... тут всё шито-крыто, так что полный порядок. Мне, например, чёрная икра всё ещё не опротивела.

Главное — директор наш — мужик с понятием, держит нос по ветру и завозит на завод прокат и другие материалы на случай резкого взвинчивания темпа производства в особый период.

Средства на это имеются. Ещё нам удаётся про запас закупать у Таубина пушки и гранатомёты — всё остальное расписано и распланировано на всю обозримую перспективу... Ничего у вооруженцев сверх спущенного плана не выпросишь, хоть убейся. А вот то, что так и не приняли на вооружение — это никого не интересует.

Снова я с темы двигателя соскочил. Самое главное — теперь пятидесятицилиндровый вариант у нас имеется собственный, а, поскольку электрики для работы дизеля не требуются, то мы способны выпускать лоханки даже в условиях полной изоляции, пока не исчерпаем запасов материалов. Да, заводить эти «изделия» придётся ручкой. И дорогу освещать керосиновой фарой, а обогревать дровяной печкой. Но выполнять свою работу они будут исправно.

Пока же полным ходом делаем «сарай», вооружённые одним ДП винтовочного калибра в самой маленькой башне. Зенитные варианты нам не заказывают, хотя испытания они прошли и приняты на вооружение. То есть — дозволение имеется, а потребности нет.

Нет и известий ни от Таубина про ленточное питание пушки и гранатомёта, ни от НКВДэшника Вени про истребитель Поликарпова, ни от Кобыланды о делах в Китае.

Лето. Жара. Часто рыбачу с сыновьями. И не заметил, как выросли парни. Нынче осенью младший пойдёт во второй класс, а старший — подумать страшно — уже в пятый. Дочка у нас с Анной недавно начала ходить. Как раз в прошлом году родилась, когда я на Халхин-Голе искал укрытия от жаркого степного солнца. Я много времени провожу с семьёй. Знаю — потом может и не получиться. Последнее мирное лето...

Глава 13. Всё, как всегда

Сыны построили парусную лодку с вынимающимся килем. Понятное дело — я им помогал. Старший зачитывается Станюковичем, а я ему и «Дунайского лоцмана» добыл, и Марк Твена «Жизнь на Миссисипи» и ещё искал книжку Лухманова, который командовал барком «Товарищ», да только она, кажется, ещё не написана. Интернета-то пока нет — трудно выяснить это наверняка. Тем не менее, предрасположенность старшенького уже проявляется, вот я и подыгрываю, как могу.

И пошли мы на новом швертботе аж на самую Старую Волгу — так именуется один из рукавов — чтобы испытать новинку и потренироваться в обращении с парусами. Нет, сам я в этом не специалист, но отпускать мальчишек без пригляду не дело. Идём это мы себе, идём, слушаем объяснения про различия между шкотами и брассами, а в небе истребители-бипланы так и крутятся. Обычно они над степью вышивают, а тут им чего-то понадобилось над рекой.

Чуть погодя гляжу — катер появился от судоходного русла и напрямик к нам. А мне как раз средний сын сдаёт зачёт по ухе — мы на берегу устроились и поймали судачка. Парней своих я в строгости держу и Анна, глядя на это, удивляется:

— И почему они тебя так любят?

Это она удивляет меня. Как ей объяснить, что мужику для душевного комфорта не «уси-пуси» требуются, а понятность. Вот мы с сынами друг друга понимаем и ежели кто набедокурит, так сам придёт и ремень подаст. Хотя, говорят, устный разбор ошибки намного хуже порки.

Ну так про катер. Это товарищ Жуков пожаловал по мою душу.

— Сидишь в своей Тмутаракани, как барсук в норе, ничего не знаешь, — сказал он мне вместо «здрассте». — А дружок твой знатных люлей навешал сам знаешь кому. Япона-мать он им сделал с козьей мордой. И ястребки Поликарповские себя там хорошо показали — всего четыре штуки и успели сделать, но небо они расчистили. Лётчики от восторга потолок обоссали... — Георгий Константинович смущённо посмотрел на внимающих его речам мальчишек.

— Мы тоже умеем ругаться, — «ободрил» его младший. — Когда папа не слышит. Но вас он за нехорошие слова драть не станет. Садитесь и ешьте, — добавил он строго, подавая гостю ложку.

Уха определённо получилась — всю слопали. А потом...

разговаривали мы с глазу на глаз, пока мои мальчишки учили адъютанта управляться с парусом.

* * *

— Ты, это, Иван Сергеевич! Говорят, можешь предсказывать будущее. Так вот — не верю я ни в какую чертовщину, — заявил мне Георгий Константинович для разминки и чтобы сразу стало понятно, чего он добивается. — И ППТ мы на вооружение приняли после того, как Токарев снабдил его штыком.

— Каким штыком? — взвился я. — А куда девали подствольник?

— Никуда не девали — в него как раз рукоятка и вставляется. Хотя, обычно этот кинжал носят в ножнах на ремне.

— Так, — говорю, — рукоятка получается слишком тонкая на мужскую руку. Двадцать же шесть всего миллиметров четвёртый калибр. Бойцам ведь не колбаску придётся резать, а фрицев.

— Отстал ты совсем от жизни. Тридцать семь уже. И автоматический гранатомёт приняли на вооружение и тихострелку Таубинскую МП-3. Танки лёгкие горьковские вместе с самоходкой тоже поставили на производство.

— С самоходками торопиться не надо, — остановил я собеседника. — Они больше годятся для наступательных операций и применяются совместно с пехотой. А поначалу нам придётся отступать и отбиваться. Ты уж, Георгий Константинович не выдай, поспешествуй чтобы поначалу сделали побольше машин с вращающейся башней. Немец, он окружать большой мастер.

— Да что ты говоришь! Неужто так сильно вдарят, что вкруговую придётся отстреливаться? — подхватил мой тон Жуков. Явно ведь пытается вывести у меня детали.

— Страшной силы будет натиск. Ни о чем, кроме обороны и подумать не сможем. Разве что, под Перемышлем... — неожиданно всплыл в памяти малоизвестный факт о коротком наступлении в начальный период Отечественной. — Но всё это большого успеха иметь не будет, потому что неприятель станет дробить нас танковыми клиньями, окружать пехотными частями и утюжить бомбовыми ударами.

— Вань! Я не волшебник. Не поверят мне, хотя я и сам представляю себе похожую картину. У нас ведь господствует наступательная доктрина — драться отступая войска не обучают, а при современной артиллерии и

авиации стоять насмерть, это и есть стоять насмерть. Приказы же начальства в армии принято исполнять, а за упаднические настроения по головке не погладят. Сам, небось, знаешь, где сейчас «отдыхают» все военачальники, несогласные с линией партии.

— Вот ужо погоди, — не подумав ляпнул я, — как прижгет-то хвосты нам немец, так мигом всех повыпускают, звания вернут и поставят командовать дивизиями. А послушные да согласные в военную годину станут свои разбитые части волочь на соединение с основными силами, теряя бойцов на преодолении заслонов, вместо того, чтобы сразу начинать партизанить.

Посмотрел на меня Жуков шальным взглядом, да и заторопился к катеру. Дела у него, оказывается, неотложные. А на меня он вроде как случайно натолкнулся, а не разыскивал, послав истребители прочёсывать пойму — она тут шириной километров сорок.

— Стой, — кричу ему вслед, — товарищ генерал! Нельзя из подствольника пушечным снарядам пулять! Отдача бойцам сразу плечи поотбивает!

— Ты не умничай, сварщик. Чай, не глупее тебя люди думали, — а потом, вроде как спохватился. — Заказали разработку специальной гранаты под такое дело. На конкурсной основе.

— А сигнальные ракеты тоже теперь будут тридцатисемимиллиметровые, кителёк ты военненький?

Жуков поглядел на меня и вернулся. Думал — драться полезет. Так я был готов, потому что разозлился страшно. Видать он тоже это понял. Или что другое сообразил:

— А что, — спросил, — из них и ракеты пускают? Из подствольников? Но ведь граната выходит маломощная.

— Какую можно выстрелить с рук, такая и выходит. А мощные со станка нужно выпускать. И вообще, того, кто это вредительство выдумал, неплохо бы разыскать.

* * *

Провожал глазами удаляющийся катер и пытался понять извивы начальственной мысли. То, что я помню из сведений о войне в будущей жизни, и то, что наблюдаю теперь, порождает в моей душе уверенность, будто где-то в верхних эшелонах власти сидит хитрая вражина и нарочно устраивает пакостную неразбериху буквально во всём подряд. Или в том,

до чего способна дотянуться.

Какую неразбериху, спросите. Да самую невинную. Я всей картины не знаю, но то, что заметил, расскажу. Вот сделал Таубин двадцатитрёхмиллиметровую пушку для истребителей с милостивой отдачей, для чего применил автоматику перезарядки с длинным ходом ствола на темп стрельбы триста выстрелов в минуту. А её забраковали, потому что посчитали, что нужно не триста, а шестьсот. И стал Яша её переделывать. Ход ствола укоротил, пружину усилил и усложнил всю кинематику. Добился он заданной скорострельности, но само орудие стало ненадёжным — в слишком напряжённых условиях работают детали. Да ещё и, просто по законам физики, возросла отдача — новая МП-6 оказалась разрушителем самолёта, на который её попытались поставить.

Всего одно, казалось бы законное требование — повысить скорострельность, и истребительная авиация лишена двадцатитрёхмиллиметровых пушек. Изящная мерзость. Я уверен, что уже разработано другое орудие этого калибра и заданной скорострельности, но физику не обманешь — использовать его на истребителях будет затруднено из-за большой отдачи. Может быть, поставят на штурмовик или пикировщик. Но лично для меня факт намеренного вредительства очевиден — просто я не могу его доказать.

К счастью по чистой случайности предыдущий вариант, тихострельный, остался на производстве, потому что его ставили на МОТки. Поэтому в нужный момент нашлись стволы для Поликарповского истребителя. Ну и Николай Николаевич поступил мудро — поставил не четыре отдельных орудия, а счетверённую установку. Вернее, он так это сразу подал.

Но это только половина истории. В это же самое время на зенитном заводе имени Калинина на всех парах разрабатывают зенитный автомат калибром двадцать пять миллиметров — очень близко к Таубинской пушке. Дела у них не ладятся и они обращаются конечно к Таубину. И получают от него одобренный скорострельный вариант пушки с высоким темпом стрельбы и низкой живучестью. Разумеется, он им не подходит и они продолжают работу над собственным вариантом. Справляются, конечно, но темп стрельбы у них выходит ниже, чем у первого варианта Таубинской тихострелки: не триста, а около двухсот сорока выстрелов в минуту.

Это сколько же лишнего труда! И неплохо бы сообразить, чего ради было порождать ещё один тип боеприпаса, по параметрам близкий к ранее разработанному? Вот чую я в этом вражескую руку, хоть режьте меня!

Про историю с гранатомётом рассказывать не стану — уже много раз

об этом поминал. Я это всё Вене отпишу в Москву. Он у нас майор государственной безопасности — ему и карты в руки. Тем более, мне показалось, за дело он болеет от души, а не по приказу. Нет, понятно, что ябедничать нехорошо, но моим детям ведь в этой стране жить. А сам я гниду никак не вычислю. Да и покарать её мне не позволят, гадину эту. Наверняка.

* * *

Сентябрь в наших краях месяц ещё тёплый. Днём жарко, ну а по ночам тут и в разгар лета немудрено замёрзнуть — континентальный климат. Резкий. Не настолько, как в Монголии, но накинуть на плечи не самую лёгкую курточку по ночам — дело совсем не лишнее. Так что еду я нынче в ватнике, потому что спозаранку. Сижусь за рычагами серийного «сарая» и делаю элементарный прогон по сумеречной пока степи. Светает тут быстро, но до восхода солнца есть примерно час.

Почему прогон делаю именно я? Так у меня на испытаниях очередная моя коробка передач. Я их всё пытаюсь сделать покультурней, помягче. Синхронизаторы прилаживаю и опробую в деле. Сейчас задача — прямые участки, затяжные подъёмы и крутые спуски. Разные скорости, обороты двигателя — кропотливая проверка постоянных режимов.

Вот и выбрался я из поймы по грунтовому дну длинного оврага, осторожно миновал переезд и пошел отсчитывать километры. Назад возвращался уже в самое пекло мимо аэродрома. Мне бы и не зачем туда заезжать, а только вижу я на взлётной полосе какую-то суету, и так мне вдруг стало любопытно, что я маленько повернул и мимо ангаров подъехал к кромке лётного поля. Обычно тут, закатив истребители под крышу, копаются в моторах техники. Но сейчас все толпятся у перевернувшегося самолёта, доставая из него пилота и пассажиров.

— Ты, сын упрямого ишака и блудливой козы! — кричит наш директор на лётчика. — Разве непонятно, что асфальт размяк от жары и надо садиться на грунтовую полосу?!

— Так осень уже, — отпирается лётчик. — Кто же знал, что колёса погонят такую волну?

А я смотрю на побитую машину и искренне скорблю — она напоминала мне Ан-2 из той прошлой жизни. Тот факт, что СХ-1 несколько меньше — не разглядишь, когда он в воздухе. Теперь же, «любуюсь» на эту кучу дров, понимаю — такое не чинится. Бывает, знаете ли, когда машина

вдребезги, а люди отделались лёгкими ушибами. Случается и наоборот. Техники авиаполка оттаскивают в сторону обломки и складывают их у стены ангара под причитания нашего директора:

— Ну где я теперь второй такой найду! — восклицает он в сердцах. — Их же только несколько экземпляров сделали! Мне один достался совсем случайно.

Я чешу в затылке и очередной раз изумляюсь — это же по нынешним временам просто изумительная машина — шесть пассажиров или полтонны груза запросто перевозит и садится на любую площадку... если та не покрыта размякшим на солнце асфальтом. Движок у него простой и надёжный, да и всё остальное... да в любой кроватной мастерской можно сделать.

Смотрю — авиационные техники начинают переговариваться, самодельщики наши авиационные подтянулись, те, что ещё не погребились. Начинается консилиум.

— А ну, — говорю, — хлопцы. Пособите мне мотор погрузить — я ему ревизию устрою, пока вы будете работать с планером, — признаться, глядя на образовавшуюся кучу дров, я был уверен, что ничего путного из них не соберётся. А мне движок показался подходящим для аэросаней — зашевелилась в голове задумка. Тут ведь важно затащить к себе, а он потом как-нибудь останется.

Заулыбался народ — поняли, к чему я клоню. Директор же неожиданно воспрянул духом:

— Если надо что — мы на заводе сделаем, — заверил он воодушевлённо.

Гляжу, воентехник уже список составляет, народ притащил линейки и штангенциркули и давай марать бумагу — знают, что с нашим заводским начальником дело иметь всегда приятно. Не то, что он безмерно щедр, но за добрые труды обязательно сделает что-нибудь приятное. С другой стороны — столярка у нас богатая: хоть на материал, хоть на инструменты, крепёж водится, проволока для растяжек... расчалок, кажется.

Авиастроители самодельные забегали, и через месяц машина поднялась в воздух, сделанная заново примерно на три четверти. Кого уж как за это поощрили — не знаю. Мне за ремонт движка достался отрез бостонский на новый костюм. А только самодельщики, что участвовали в ремонте машины, построили для себя точно такой же — я почему знаю — они по всему заводу кланчили всякую всячину. Приборы, провода, ручки... много там всякого. За что были вызваны на ковёр и поставлены в ответственное положение. Хе-хе. Директор им обещал отдать третью

машину, а первые две — ему. Ну и распорядился, выдать, что надо. А чего нет — заказать и привезти. Я думал, что зарез будет с двигателями, но — ничего подобного — доступны они, только заказывай. Ну да трёхсотсильник — это нынче в сороковом уже нормально отработано.

Одним словом, моя история с лоханками повторилась, разве что, в урезанном, но ускоренном варианте. Участок, размещённый в тёплом цехе стал исправно строить по одному — два самолёта в месяц. Мне дед рассказывал, что при социализме деньги мало что решали, потому что из-за дефицита не каждый раз удавалось купить то, что нужно. Зато если кто-то имел то, что нужно другим — вот это было совсем другое дело — на него как раз и выменивалось то, в чём испытывалась потребность.

А потребность в лёгких самолётах была. Наши СХ-1 сразу захотели иметь многие руководители окрестных предприятий — в здешнем Астраханском бездорожье, да с учётом изрядных расстояний, мигом открылся бездонный рынок этих неприхотливых слепков с Ан-2. Но, недолго музыка играла.

* * *

— Ваня, директор наш, как из столицы вернулся, заперся в кабинете, и ни гу-гу, — секретарша перехватила меня на полдороге между заводской столовой и цехом. Мчусь вверх по лестнице и молодецким ударом вышибаю дверь — если, не приведи Господь, повесился, нельзя терять времени на возню с замком.

Не повесился. Сидит за столом, уронив голову на руки и мирно посапывает. А рядом почти пустая поллитра — мы тут же вздохнули с облегчением, а потом переглянулись встревожено — не пьёт наш директор. Никогда ни капли в рот не берёт. И нам нельзя его никому показывать в подобном виде — не следует такому человеку терять ни капли авторитета. В общем, по задней лестнице через обычно закрытый пожарный выход повёл я его домой. Секретарша как раз отвлекла вахтёра, вот мы и проскользнули на улицу за территорией завода. Уфф.

— Ты, Ваня, судоремонтноавиастроительные заводы когда-нибудь встречал, — обратился висящий кулём сопровождаемый заплетающимся языком.

— А в чём дело-то, — спрашиваю.

— Постановили, поставить СХ-1 на производство. Его, вишь, аж с тридцать седьмого года всё никуда не ставили, но, видать, после того как

попробовали для эвакуации раненых в финскую, надумали, наконец. А тут кто-то и заяви — чего, мол, его куда-то ставить, когда машину эту всюю уже делают. И завод наш назвал.

Вот взяли меня за ушко, да вывели на солнышко, да план спустили... ох-о-хо.

— Так, а эти...? Фонды, средства, оборудование? — забеспокоился я.

— Обещали. Но обещать — не значит жениться. Хи-хи. Зато разработчики из Ленинграда сюда собираются непременно прибыть для авторского надзора... и всё это на мою бедную голову.

* * *

Уж не знаю, как так вышло, но интерес к самолётостроению среди заводчан оказался очень высоким. Тут ведь какое дело — давняя традиция позволяет любому работнику взять во временное пользование один из транспортёров с обкаточного полигона. Сами понимаете — то дрова нужно привезти, то сена с пойменных покосов — большинство живёт своим хозяйством. Представитель заказчика это только приветствует. Говорит — обширней картина поломок, вызванных ошибками в управлении. Но это он кокетничает — народ у нас степенный, водят все хорошо, а кому попало лоханок не доверяют. Зато таким образом удаётся записать в формуляр больше часов и километров, не утруждаясь ради этого тряской по здешним дорогам.

Так вот — кажется, народ ожидает чего-то подобного и с самолётами — СХ-1 весьма прост в управлении, поэтому люди думают, будто им позволяют покататься бесплатно, сгонять к родне в Харабали или в Чёрный Яр за поросёнком или на Ветчинкин проран за курносими — туда не ближний свет, если лодкой идти. Это я к тому, что в душах работников завода идея авиастроения зажгла устойчивый зелёный свет и пошла воплощаться в жизнь в тёплой дружественной обстановке. Опасения мои оказались далеко не беспочвенными — придя на аэродром в урочный час, когда один из энтузиастов авиации должен был дать мне урок по программе «взлёт-посадка», я обнаружил, что как раз только что завершился полёт с моим старшим сыном, после которого тот получил замечания. А клепальщик Женя Кочетыгин как раз будет следующим.

Дело в том, что в СХ-1 пилоты сидят в кабине рядом и оба располагают всем набором органов управления — то есть каждая машина — учебная. В управлении она проста — прощает многие оплошности.

Словом, лозунг «Молодёжь — на самолёт!» своим крылом овеял и людей среднего возраста. Как ещё недавно считалось непристойным не водить бранзулетку, так и сейчас оказалось неприличным не уметь поднять в воздух самолёт.

Разумеется, я ждал грозного окрика сверху — происходящее начало напоминать натуральный бардак. Ничего подобного... если бы в моей семье увидели кадры из фильма «Последний дюйм», где мальчишка с трудом сажает легкомоторник — сильно удивились бы. Хорошо, что это кино ещё не сняли. Утверждать, что в Ахтубинске научились пилотировать решительно все, не стану. Но очень многие. И не напрасно — крылатых машин мы делали много, а пилотов для их заводских испытаний взять было неоткуда. Директор очередной раз выкрутился из сложного положения, милостиво позволяя людям полетать, вместо того, чтобы платить деньги за непростую работу лётчика.

Кстати, инструктором на первых порах трудился его собственный пилот, отрабатывая былую оплошность. Я ведь не говорил, что директор завода — добрый человек. Просто он с понятием.

* * *

Время пролетело стремительно — и оглянуться не успел, а уже минула весна сорок первого. Дочка начала говорить, а средний сын придумывает, как пристегнуть к ногам короткие ходули — ноги у него не достают до педалей, отчего к управлению летательным аппаратом его не допускают. Хорошо старшему — он уродился долговязым и плюс ещё два года форы. Сегодня с утра «присел» на нашей улице, забрал маму, братьев и сестру — улетели в Капустин Яр к родне Никодима.

Это сынуля мой такую программу полёта согласовал. Хе-хе. Улица у нас крайняя, за ней сразу луговина, поэтому нет риска посшибать заборы крыльями. Я с семьёй не полетел — не жалуют меня в доме родителей первого мужа Анны. Поэтому — займусь делами выходного дня. У меня имеется давняя неосуществлённая мечта — создать текстурную пропитку для древесины на манер пинотекса из моего времени. В своё время, ещё там, я накачал с Интернета разных сведений по данной теме и теперь пытаюсь воплотить в жизнь эту непростую мечту. Да вот беда — химию я знаю достаточно плохо, поэтому многих слов вовсе не понимаю. А в нынешних справочниках их, бывает, и не отыщешь. Или я не те книги просматриваю?

Но практика — критерий истины — поэтому свои адские смеси я варю, когда никого нет дома. А вдруг рванёт? Или потравлю домочадцев?

Как у меня успехи? Нет успехов. Один раз по чистой случайности сумел получить комок гадостной слизи, который чуть погодя окаменел. Растворить его удалось только в толуоле. Но толуол испарился и слизь снова затвердела. Крепкая, зараза, и липкая — жуть. Прилипла к штанам, а я и не заметил. Зато заметил инженер Федотов (я его инженером называю для уважительности, хотя он давно не рядовой работник, а руководит конструкторским бюро транспортёрного направления). Так вот — Федотов — это серьёзно. Теперь этой слизью склеивают какие-то ответственные детали в наборе самолёта. Склеивают и ругаются, что три дня сохнет. А потом ещё раз ругаются оттого, что ни от чего эту гадость не отдерёшь.

Я уже чувствую, что не порадую своих современников никаким пинотексом. И нужных наук не превозмог, и времени не осталось на то, чтобы их изучить. От Софики пришло письмо для Анны. Не знаю, о чём она там написала, но только девчонок своих с домработницей отправила к нам на всё лето, а сама перебралась к мужу на Украину. Адресок я с конверта записал. В нашем-то военкомате так и примут меня в армию добровольцем! А там, где я никто и звать меня никак на удостоверение механика-водителя гусеничной техники отреагируют правильно уже на следующий день после начала войны.

Так что отпуск я оформил, чтобы на заводе меня не хватились, а из дому уйду ночью и сяду на пароходик, что как раз на рассвете уходит в Сталинград от заводского причала. Скажете — несерьёзно в мои годы сбегать на войну? Конечно, несерьёзно, но начни я куда-то ломиться — сразу насторожу начальство, а уж оно найдёт, как меня притормозить. Крупы и муки запасено в доме как следует, мыла и спичек тоже хватит надолго, да огород, да рыба в реке пока не перевелась — сильно бедствовать семья не будет, а несильно — так всем достанется, ничего с этим не поделаешь. И мои горюшка хлебнут. Лишь бы — не через край.

Эпилог

Здравствуй, дорогая Редакция. Пишет тебе ученик 6-го «В» класса средней школы N 2 Петя Федотов. Моя одноклассница Оля Беспамятная попросила меня расшифровать записи в тетрадке, которую случайно нашла, но по методу пляшущих человечков не сумела прочитать, что там написано. А я сразу понял, что это никакой не код, а просто фонетическая скоропись, и быстро во всём разобрался. Только текст оборвался на самом интересном месте. Поэтому я сказал Оле, что для расшифровки нужно больше данных.

Она мне поверила и принесла ещё одну тетрадку. Точно так же я выманил у неё и третью и четвёртую и пятую. А потом она назвала меня обманщиком и отказалась дать ещё, хотя, мне кажется, больше тетрадок у неё нет, потому что её папа, который это писал, ушёл на войну.

Но я всё, что прочёл, переписал обычными буквами и посылаю тебе, дорогая Редакция, чтобы ты смогла это напечатать в книжке, потому что очень интересно.

Ещё в последнюю из тетрадок были вложены три листочка. Первый сообщал о том, что Иван Сергеевич Беспамятный погиб в бою во время Перемышльского отступления в сентябре сорок первого года. Танк, который он вёл, был подбит и не мог стрелять. Но дядя Ваня подавил гусеницами зенитную батарею, прикрывавшую немецкую переправу, и упал в реку вместе со всем экипажем.

Я не очень хорошо знал историю тех событий, но специально прочитал, что это случилось во время обороны Минска.

Второй листочек содержал тоже очень грустное сообщение о том, что дядя Ваня снова погиб во время Плоештинского прорыва в апреле сорок второго года. Танк который он вёл, опять подбили, но на этот раз он не мог ехать, зато мог стрелять. Вот он и стрелял, прикрывая отход наших подразделений, пока не был окончательно подбит вместе со всем экипажем.

Третье сообщение гласило, что дядя Ваня погиб уже в третий раз в мае сорок третьего года под Прагой. Я, когда прочитал это, очень опечалился — обидно... всего несколько месяцев оставалось до августа, до победы, а тут — такое огорчение для тёти Ани — Олиной мамы.

А потом рассердился на неправильных военных, потому что всё это были сплошные враки — дядя Ваня, как и всегда, каждое утро ходит на завод работать сварщиком опытного участка вместе с моим папой инженером Федотовым. Они там делают разные полезные машины.

А ещё Иван Сергеевич часто ковыряется в своей домашней мастерской вместе с нами — мальчишками, что живут по соседству — свои-то сыны у него уже выросли. Старший водит буксир — таскает баржи с солью. Он самый молодой капитан в наших местах. Средний выучился на хирурга, потому что помогал в госпитале ухаживать за ранеными и многому научился. А потом — поступил в институт на доктора. А младший будет авиационным инженером — он это твёрдо решил. Вот дядя Ваня и возится теперь с нами, учит многому — о фонетической скорописи, например, именно он рассказывал.

Сам же наш сосед — человек тверёзый, соорудил тёте Ане стиральную машинку, которую все называют «Нюрушка» — её потихоньку делают на заводе для своих. Только каждый год девятого мая Иван Сергеич остаётся дома, сидит в буйствующем зелёном саду и пьёт горькую. Говорит, что за несостоявшийся кошмар, но никому ничего подробней не объясняет. А вечером — палит в небо трассирующими снарядами из «Эрликона», который подарил ему сам товарищ Сталин.

В архив.

Хранить вечно.

Особой Государственной Важности.

1. Указать на неполное служебное соответствие сотруднику, сделавшему заключение, что объект «Марсианин» ведёт записи на языке, неизвестном на нашей планете.

2. Тов. Кобыландыевой поручить выяснить у объекта «Марсианин» что такое «фонетическая скоропись».

3. Тов. Агееву организовать, чтобы на совете дружины пионеры Пете Федотову разъяснили бестактность опубликования текстов без согласия автора.

4. Директору АСРЗ Стеценко напомнить о необходимости скорейшего оформления конструкторско-технологической документации на стиральную машину «Нюрушка» и передачи её на экспертизу в соответствующие учреждения.

И.Ст.

Сергей Калашников

Родился в 1957 году в Москве. Закончил физико-технический факультет Уральского политехнического института, специальность — дозиметрическое оборудование. Сочинял с детства. Собирается писать, пока не кончатся в голове сюжеты.

ISBN 978-5-17-110736-9

9 785171 107369 >

Ленинград
издательский дом